

1st
BOOK

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ

Насих

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY & WALL STREET JOURNAL

АМО ДЖОНС

ОН БЫЛ МОИМ ПРИЕМНЫМ БРАТОМ, И ЛЮБИЛ МЕНЯ.
ТЕПЕРЬ ОН БАЙКЕР, И НЕНАВИДИТ МЕНЯ.

Он был моим приемным братом. Он поклялся защищать меня. Он потерпел неудачу. Все они потерпели неудачу. Я — открытая коробка с фотографиями, сделанными при дневном свете, но отфильтрованными в сепии. Я — прошлое, которое он пытался забыть; он был тем будущим, в котором я нуждалась. Когда он ушел четыре года назад, я звала его каждую ночь. Но потом все это прекратилось. Мои крики внезапно заглушила жестокость и еще больше усилила боль. Но он вернулся. Он не тот милый старший брат, в которого я втайне влюбилась, или плохой мальчик, богатый сопляк, которого я ненавидела любить. Он безжалостный вице-президент Wolf Pack MC, и он больше не подчиняется Ройсу Кейну. Он отвечает перед Психом.

Перевод подготовлен:

Перевод подготовлен
для телеграмм канала:
"Empaths on crack"
Переводчик:
Anastasia Spenser - Hayes

Роусе

Здесь была женщина.

Ростом она была, может быть, на целый фут ниже моих шести футов трех дюймов (190.5 см). Я хотел изучить ее с близкого расстояния, чтобы понять, почему она так меня очаровала, но шелест листьев, падавших у моих ног, отвлек меня настолько, что я забыл задавать вопросы. Я был слишком занят размышлениями об обстоятельствах, которые привели меня к этому моменту в моей жизни.

Гребаное дно без фундамента, на котором можно было бы отстроиться.

Я крепко сжал газовый шланг. *Кто, черт возьми, была эта женщина?* Огромная толстовка с капюшоном небрежно облегла ее хрупкую фигуру, длинные темные волосы со вкусом ниспадали на плечи волнами. Я не мог как следует разглядеть ее лицо. Она явно сделала все, что могла, чтобы скрыть его. Решил, что она чего-то хочет, так как она не сдвинулась с места, куда устала, ее тело заметно повернулось ко мне.

Я вежливо кивнул ей, когда понял, что она не перестанет таращиться. Я тоже был гребаным параноиком. После того, что только что произошло и того, что мы пережили, мне нужно было поскорее убраться отсюда к чертовой матери.

Я наблюдал, как ее лицо выглянуло из-за края толстовки, и ее большие зеленые глаза уставились на меня. Она заглянула на заднее сиденье моей машины, прежде чем вернуться ко мне.

— Ты в бегах, красавчик? — Ее голос был хриплым, как будто она курила сигареты всю свою жизнь. В ней вообще не было ничего подозрительного, если не считать толстовки с капюшоном.

Я усмехнулся.

— Что-то в этом роде.

На секунду, и я имею в виду очень короткую гребаную секунду, темнота на мгновение мелькнула в ее глазах. Почти как облако, заслонившее солнце в ясный летний день. Так же быстро, как оно появилось, оно исчезло.

Уголки ее рта приподнялись в улыбке.

— Ну, есть одно местечко на окраине Лос-Анджелеса. Бар называется "Патч". — Она оценивающе посмотрела на меня. — Не обещаю, что они позволят такому хорошенькому мальчику, как ты, остаться, но ты всегда можешь попробовать.

Я стоял там, а на заднем плане пищал бензонасос, мой рот был слегка приоткрыт. Я зашел в магазин, чтобы заплатить за бензин, и не успел поблагодарить ее, как она уже ушла.

Jade

Хотела бы я вспомнить тот день, когда меня приняли в семью Кейнов, но я была едва достаточно взрослой, чтобы создавать яркие видения в своей голове. Мне было несколько дней, меня бросили... Бросили на пороге местного детского дома в захудалом районе Сан-Франциско. Я мало что знаю о том, что произошло, не потому, что Кейны не хотели, чтобы я знала, а потому, что я никогда не хотела спрашивать. Быть отвергнутой в детстве моими родителями-это все, что мне нужно знать. Мне повезло, что мистер и миссис Кейн были там на следующий день, желая найти для своего отпрыска сына, маленького брата, с которым он мог бы поиграть.

Вместо этого у него появилась сестра.

Ройсу было три года, когда я появилась дома, и мальчик... неужели его не впечатлило, что у него появилась сестра вместо брата?

Очевидно, ему потребовалось сорок пять минут, чтобы поговорить со мной, но после этого мы так и не остановились. Сейчас мне пятнадцать лет. Можно сказать, что все изменилось.

— Ройс! — Я кричу на своего расстроенного брата, когда он кружит по баскетбольной площадке на нашем заднем дворе, держа мой телефон в воздухе. — Отдай его мне прямо сейчас, блядь!

Он смеется так громко, что мне хочется засунуть ногу ему в рот. С годами Ройс становится все более раздражающим, но я без тени сомнения знаю, что если мне что-то понадобится, то первым я попрошу своего старшего брата.

Должно быть, он остановился на полпути, потому что я врзалась в него, мое лицо прижалось к его спине, прежде чем я упала на землю. Голубое небо плывет надо мной среди желтого восторга солнца.

Рука обхватывает меня за поясницу, благополучно поднимая на ноги.

— Не-а, ты еще не можешь умереть передо мной, герцогиня. Ты все еще должна мне эти двадцать долларов.

Я отталкиваюсь от его груди, не обращая внимания на то, как напряжены его мышцы под рубашкой.

— Дай мне мой телефон! — Я протягиваю ему руку, а другую кладу на бедро.

— Я слышал, что один из этих маленьких первокурсников в школе хочет пригласить мою сестру на свидание... — дразнит он, и именно тогда я слышу другой голос позади себя.

Свист Орсона пронзает мои барабанные перепонки.

— Черт возьми, кто-то новичок в правилах? Разве ты не знал, что не можешь пригласить маленькую мисс Джейд Кейн на свидание, не пройдя через ее старших братьев? — Естественно, у моего надоедливового брата тоже есть надоедливые друзья, которые также досадно заявляют о моей — так называемой-надоедливой заднице. В школе я неприкасаема. Это бесполезно, когда ты не возражаешь, чтобы тебя трогали.

— Он новенький. Я его хорошенько подведу, — умоляю я Ройса, наблюдая, как его большой палец парит над моим телефоном. На самом деле он не стал бы просматривать мой телефон, но если бы сообщение пришло, пока он держал его в руке, то я почти уверена, что он бы... *зазвонил*.

Блядь.

Он наклоняет голову. Я с ужасом наблюдаю, как его глаза облетают какие-то слова, которые выскочили.

Он пристально смотрит на меня.

— Кто этот маленький засранец?

— Что он написал? — спрашивает Орсон, проводя пальцами по своим темным вьющимся волосам. Орсон — наполовину средиземноморско-французский, наполовину американский бог баскетбола ростом шесть футов шесть дюймов (198 см) и один из лучших друзей Ройса. На самом деле я не совсем понимаю, как они стали так близки, так как Орсон талантлив и сумел закончить среднюю школу лучшим в своем классе. Ройс не дурак, но он может быть идиотом. Да, есть разница. Орсон также только что был призван в НБА, что только добавляет к его постоянно растущему списку причин, по которым так много девушек хотят его. Я была серьезно влюблена в него большую часть своей жизни, пока не увидела девушек, за которыми он ухаживал. Все так красиво. Не в моей лиге. Его гладкая коричневая кожа и темно-зеленые глаза были убийственными, но когда он сверкнул своей милой улыбкой, все девушки упали замертво. У них с Ройсом, конечно, было что-то общее, но это все, что касается сходства.

— Он, блядь, сказал, что хочет, чтобы она улизнула, — огрызается Ройс, его пальцы летают по моей клавиатуре.

— Ройс. — Я качаю головой, ругая его. — Мне, блядь, пятнадцать. Это не намного меньше того, чем ты занимался в моем возрасте, и ты чертовски хорошо это знаешь.

— Не к делу. — Он пристально смотрит на меня, его большой палец зависает над кнопкой "Отправить". — Я пережил все свое дерьмо, так чтобы тебе не пришлось, — подмигивает он мне. — Я такой хороший брат.

— Ройс, — ною я, ударяя подошвой сапога о бетон.

Орсон подкидывает баскетбольный мяч между ног и целится в обруч, стреляя с трехочковой линии.

— Вы, ребята, никогда не перестанете придирается к ней. — Еще один знакомый голос снова раздаётся у меня за спиной, и я поворачиваюсь лицом к третьему мальчику, представляющему тройную угрозу — Шторм Митчелл. Ройс, Орсон и Шторм были лучшими друзьями с начальной школы, а это значит, что да, я знала их практически всю свою жизнь. Шторм Митчелл был совсем не похож на Орсона или Ройса. Шторм был самым умным ребенком в нашей школе, и у него был IQ, подтверждающий это. У него никогда не было девушки — хотя многие хотели его — и он всегда, *всегда* держал свой ноутбук рядом. Видите ли, Шторми собирался однажды избавить мир от всех проблем, ему просто нужно было создать правильное приложение для этого. У Шторма светлые волосы, серые глаза — под цвет разгневанного неба — и его кожа белая, как снег. У него густые ресницы, ровные зубы. Он-совершенство в странной упаковке. Я любила Шторми, даже если он никогда не улыбался. Через некоторое время к этому привыкаешь.

— Да, — говорю я Шторму, когда он закатывает рукава рубашки. — Ройс пытается напугать мальчика, которому я уже сказала, что отказываюсь.

— Потому что упомянутый мальчик пытается заставить тебя улизнуть после наступления темноты, — насмехается надо мной Ройс. То, как изгибаются его губы, заставляет меня задуматься о том, как сильно я хочу ударить его прямо в лицо. — Я верну тебе твой телефон позже.

Он поворачивается, чтобы уйти от меня.

— Ройс! — Я огрызаюсь, но он не останавливается. — Я серьезно! Я буду следовать за тобой повсюду сегодня, пока ты не отдашь мне мой чертов телефон!

Ройс оборачивается и облизывает губы. Его губы всегда отвлекали. Держу пари, они чертовски мягкие. Я помню, в прошлом году Джессика Рубен переспала с Ройсом, а затем обошла всю школу, рассказывая о его... гм... навыках. Она плакала месяцами, когда он не перезвонил ей после одной ночи.

— Ах, да? — Он идет спиной вперед с раздражающей ухмылкой на губах. Тот факт, что мой брат болезненно привлекателен, не имеет значения и совсем не помогает, когда речь заходит о нашей с ним ссоре. — Тогда, я полагаю, ты поедешь на лодке.

— Черт.

Он исчезает в доме, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как Орсон стреляет еще одним трехочковым. Я *не* хотела сегодня плавать с ними на лодке, потому что на самом деле хотела улизнуть сегодня вечером и встретиться с Колсоном.

— Знаешь, тебе пора перестать играть с мальчиком... — Орсон поддразнивает, ловко запрыгивая мячом между ног. Его руки поднимаются вверх, когда он щелкает запястьем, забрасывая мяч в сетчатую корзину. — Ты танцуешь с дьяволом.

— Дьявол не танцует. — Я показываю ему язык, прежде чем броситься обратно к дому. Морские вечеринки-это то, что устраивают все богатые дети и всегда заканчиваются катастрофой. Я ненавижу ходить к ним. Я не пью. Я не сплю с парнями — я буду винить в этом Ройса — и по большей части я бы считала себя довольно хорошим ребенком.

Особенно когда ты сравниваешь меня с моей лучшей подругой Слоун.

Бегом поднимаясь по мраморной лестнице на второй этаж, я останавливаюсь у двери своей спальни. Вот моя комната, а рядом с ней комната Ройса. Две полярные противоположности, но ни одна из них не могла по-настоящему жить без другой. Его дверь слегка приоткрыта, и мой гнев несколько улегся. Ссора с Ройсом делает это со мной — очень часто.

Сжимая ручку, я слегка нажимаю на нее, пока она не открывается. Комната Ройса темная, мрачная и дрянная. Стены цвета только что пролитой крови с белой шелковой отделкой, а вся мебель из потускневшего старого дерева. Его кровать выглядит прямо как из старого викторианского порно, и, говоря о порно, у него на стенах много всего.

Мои щеки горят, а ладони зудят.

— Могу я, пожалуйста, получить свой телефон обратно?

Он прислонился к изголовью своей кровати, без рубашки, одна нога свисает с кровати, а другая подтянута к груди, локоть лежит на ней. Его глаза смотрят на меня, прищуренные и остекленевшие. Вот кто такой Ройс. Дерзкий, дерзкий и охуенно осведомленный обо всем, что он приносит на стол, и все это для того, чтобы просто съесть *тебя*. Он точно знал, что он сделал с противоположным полом, и *именно* поэтому он это сделал. Я просто не знаю, о ком он думает, что пытается сделать это со мной.

— Рой? — бормочу я, умоляя себя не позволять своему вниманию падать ему на грудь. Ничего страшного, я несколько раз видела его голым — по нескольким причинам. Во-

первых, он почти никогда не носит одежду, а во-вторых, мы делим ванную комнату. “Blueberry Yum Yum” тихо играет на заднем плане из бумбокса в углу его комнаты, что типично. Он питает глубокую любовь к старой музыке Luda.

Он наклоняет голову.

— Ты хочешь улизнуть с ним? — Его тон угрожающий, но пронизан очарованием. Он проводит рукой по своим твердым мышцам, вплоть до пуговицы на джинсах. Он щелкает кнопкой, прежде чем встать, бросая мой телефон на свою кровать.

Я на дюйм отталкиваюсь от дверного косяка, готовая к прыжку.

— Тогда продолжайте, герцогиня. — Его глаза встречаются с моими, мягкая выпуклость его губ изгибается над причудливо прямыми зубами. Он слегка наклоняет голову, одна рука проскальзывает в штаны. — Иди и возьми это.

У меня в мозгу короткое замыкание. Я пытаюсь урезонить себя, почему это не должно звучать так грязно.

Брат.

Сделав два шага, я ныряю на его кровать, пока не приземляюсь на живот, с телефоном в руке и самодовольной улыбкой триумфа на губах. Эта улыбка исчезает, когда внезапно его кулак оказывается у меня в волосах, когда он тянет мою голову назад. Я сглатываю, проглатывая внезапный комок в горле. Он отводит мою голову за волосы назад, и я очень, очень надеюсь, что прямо сейчас никто не войдет, потому что это будет выглядеть как пятьдесят оттенков инцеста.

Я смотрю на Ройса, когда он смотрит на меня сзади, все еще склонив голову набок.

— Хммм, теперь, видишь ли, я не хочу думать, что у какого-то маленького засранца есть именно такой вид прямо здесь. — Его глаза ползут по моей спине, приземляясь на мою задницу. Он замирает. — Это бы меня здорово разозлило. — Он возвращается к моему лицу, его язык выскользнул, чтобы провести по нижней губе. — И ты знаешь, как я себя веду, когда злюсь, герцогиня. — Его брови морщатся.

Я шлепаю его по руке, и его голова откидывается назад, громкий лающий смех разносится по комнате. Он хватается за живот.

— Прости, герцогиня. Больше этого не повторится.

Я скатываюсь с его кровати.

— Ты придурок, и чтобы ответить на твой вопрос. — Я свирепо смотрю на него, как только возвращаюсь в безопасную зону, то есть рядом с дверью. — Я бы не возражала, если бы он так смотрел на меня. — Его смех прекращается, и температура в комнате падает до уровня, который мог бы соответствовать иглу.

Он делает один шаг.

— Возьми свои слова обратно.

Теперь моя очередь нахмурить брови.

— Никогда!

Он бросается на меня, но я слишком быстра, поворачиваюсь на каблуках и кричу, когда делаю два шага к двери своей спальни. Я проскальзываю в свою комнату, но когда пытаюсь захлопнуть дверь, его рука проскальзывает внутрь, останавливая ее.

Я снова вскрикиваю.

— Ройс! — Мое сердце подпрыгивает в груди, тепло разливается по телу. — Мне очень жаль!

Он летит вперед, его рука обхватывает мою спину, и его тяжелое тело падает на меня. Я

приземляюсь на кровать с глухим стуком, пухлое желтое одеяло служит посадочной площадкой.

— Ройс! — Я толкаю его в грудь, смех вибрирует во мне.

Он берет меня за запястья и закидывает руки мне за голову.

— Скажи мне, что ты не трахнешь его.

Наконец, мой смех стихает, и мои глаза сталкиваются с его глазами. Он так близко, что я чувствую тепло, исходящее от кончика его носа.

— Что? — спрашиваю я, заглядывая ему в глаза. — Зачем ты вообще это сказал?

Мускул на его челюсти напрягается.

— Просто пообещай мне, герцогиня. — Его голос звучит мягко, но в нем слышится боль. Почему это так важно для него?

— Ройс, — фыркаю я, вглядываясь в его лицо. От его мягкой загорелой кожи до заостренного подбородка. На его коже нет татуировок, но он всегда говорит о том, чтобы сделать ее. Когда он не улыбается, не ухмыляется и даже не отводит от меня взгляда, я качаю головой. — Я обещаю, но, Рой, тебе не стоит об этом беспокоиться, — я широко раскрываю глаза на своего агрессивного брата.

— О, действительно. — Его голубые глаза скользят вниз по моей шее к груди. Он возвращается, чтобы встретиться с моими. — Я, блядь, позволю себе не согласиться.

— Ройс... — Я предупреждаю.

— Джейд, — шепчет он, повторяя мой тон.

— Тебе не нужно беспокоиться об этом. От слова вообще. — Я снова расширяю глаза, надеюсь, что он поймет, что я имею в виду.

— Что, ты думаешь, я не знаю, что ты девственница? — Наконец морщинки беспокойства исчезают, и на его губах появляется ухмылка. — Детка, как ты думаешь, кто, черт возьми, их отпугивает? — Моя улыбка исчезает, но прежде чем я успеваю ответить ему, его вес падает с меня, и он направляется к двери. — Будь готова через два часа и оставь Слоун дома. — Да, он точно знает, что я не оставлю Слоун.

Он захлопывает за собой мою дверь, и я отключаюсь от него, просматривая список контактов на своем телефоне. Я открываю сообщение Слоун, но прежде чем я успеваю напечатать слова, появляется текст.

Ройс: Я серьезно. Не приглашай ее. Я выброшу ее с лодки.

Я качаю головой, перекатываюсь на живот, прокручивая свой музыкальный плейлист. Я подключаюсь по Bluetooth к своей звуковой док-станции, нажимая кнопку воспроизведения "Sacrifice" by Jessie Reyez

Я: Мне нужен друг со мной.

Ройс: С каких это пор ты когда-нибудь нуждалась в друге, и, кроме того, тебе не нужны друзья, когда у тебя есть старшие братья. Один час и пятнадцать минут.

Я бросаю телефон на кровать и ругаюсь себе под нос. Он прав, но он также не понимает девушек. Особенно таких девушки, как Слоун, которые потеряют самообладание и воспримут это как полное предательство в факторе доверия.

Двигаясь по комнате, я начинаю собирать все, что мне понадобится. Короче говоря, я на самом деле люблю кататься на лодке, я просто предпочла бы выходить, когда единственная цель этого-не напиться до потери сознания с идиотами. Хотя мне все-таки удалось вернуть свой телефон. Я могла бы просто пропустить морскую прогулку и сбежать прямо сейчас...

Моя дверь распахивается, ударяясь о стену в моей комнате. Ройс стоит на пороге, ухмыляясь.

— Даже не думай об этом.

Вздыхая, я натягиваю бикини.

— Дай мне несколько минут. — Закрыв за собой дверь ванной, я надеваю пастельно-розовую двойку и шорты. Я не утруждаю себя рубашкой, так как мои сиськи точно не вываливаются наружу. Выдвинув последний ящик под прилавком, я достаю свой маленький белый шарф и наматываю его на затылок, завязывая оставшиеся длинные каштановые волосы на макушке.

— Поторопись! — Ройс колотит в мою дверь, и я подпрыгиваю, оттолкнув его.

— Я иду! — Быстро схватив полотенце, я направляюсь в свою комнату, распахивая дверь ванной комнаты. — На чьей лодке мы плывем?

Взгляд Ройса скользит по моему телу. Другие девушки покраснели бы от внимания Ройса Кейна, я этого не хочу. Почему? Потому что он просто подводит итог тому, что ему не нравится. Держу пари, он уже решил, что мне нужно надеть джутовый мешок. Его ресницы веером расходятся по высоким скулам, когда его взгляд падает на мои ноги, прежде чем вернуться ко мне.

— Вода становится холодной, ты же знаешь.

Подхватив толстовку, я протискиваюсь мимо него.

— Хорошо.

Ройс, наконец, следует за мной, когда мы спускаемся по лестнице к входной двери. Мы уже выходим, когда мистер Кейн выходит из кухни.

— Вы, дети, достаете Зеленый камень? — спрашивает мистер Кейн нас обоих, но его глаза остаются на Ройсе. Зеленый камень—это название блестящего черного и нефритово-зеленого Nautique G25 Ройса, он же его ребенок.

Глаза мистера Кейна встречаются с моими, голубые океанские искорки так глубоки, что могли бы поглотить меня целиком. По большей части у меня не очень хорошие отношения с мистером Кейном, и когда мы с ним вдвоем, атмосфера несколько напряженная. Либо он не хотел меня усыновлять, либо, может быть, я просто не была тем, кого он хотел.

— Да, прошла минута. — Ройс толкает папу другим плечом. — Хочешь пойти? Или ты становишься слишком стар для этого?

Папа отталкивает его назад, посмеиваясь и напрягая выпуклые мышцы рук.

— Я могу отжать тебя, Орсона, и этого гребанного Шторма. — Его глаза возвращаются ко мне. — Брось туда и Джейд.

Ройс хихикает, его рука хватает мою. Он задвигает меня за спину.

— Нет, Джейд может упасть и поранить эту хорошенькую маленькую головку.

Папа смеется, исчезая на кухне, пока мы направляемся в гараж на десять машин. Солнце падает на мою кожу, ни облачка на небе, чтобы прервать его, когда Ройс щелчком открывает коробку питания, чтобы открыть дверь гаража. Из того, что мне сказали, этот дом принадлежал семье Кейн в течение нескольких поколений, только дополнялся и изменялся на протяжении многих лет. Гараж был пристройкой папы и мамы. Они нуждались в этом, когда Ройс обнаружил, что любит все быстрое, включая автомобили и лодки, и что Ройс хочет, Ройс получает. Конечно, это относилось и ко мне тоже. Когда я была готова, я могла выбрать, какую машину я хотела, но это никогда не казалось правильным, поэтому я тянула с ней. Мама сказала, что я возьму "БМВ", хочу я этого или нет.

Ройс бросает ключи в "Форд Раптор", и я запрыгиваю на пассажирское сиденье, закрывая за собой дверь.

Достав свой сотовый, я отправила сообщение Слоун, которая, скорее всего, очень разозлится на меня за то, что я не взяла ее с собой, но Слоун дружит со всеми. Сегодня вечером она займется чем-нибудь другим.

Меня вытащили на прогулку на лодке. Прости! Увидимся позже?

Наклонившись, чтобы повернуть ключ в замке зажигания, я просматриваю свой плейлист, пока Ройс заводит машину. Пятнадцать минут спустя Орсон и Шторм проскальзывают на заднее сиденье, и мы отправляемся в путь. Я нажала кнопку воспроизведения на техническом N9ne, нуждаясь в его агрессивном тоне, чтобы смягчить мои мысли. Опускаю стекло и закидываю ноги на приборную панель, Орсон протягивает мне кулер с вином сзади.

Я качаю головой.

— Что это такое? Пурпурный Джек Дэниелс?

Орсон откидывает крышку и делает большой глоток.

— Да, почти уверен, что тебе это понравится.

Ройс сжимает мою ногу с водительского сиденья, и я смотрю, как солнце загорается у него за головой. Его бейсболка откинута назад, губы блестят от языка, прижатого к верху всего несколько минут назад. Две ямочки на его щеках отвлекают меня на долю секунды, когда мы въезжаем в гавань, где несколько человек из школы уже собираются. Ройс, Орсон и Шторм правят школой, как боги, но они другие. Они не придурки, не имеют на это права и даже не немного снобы. Вы могли бы ожидать, что они будут такими. Орсон — сын Ларкена, который занимает четвертое место в списке миллиардеров Forbes, и вскоре за ним следует Бессен, мать Шторма, которая уютно устроилась под номером десять, а затем Ройс, или, я бы сказала, Ройс и я, чей отец номер два. Вы могли бы ожидать, что они будут такими. Придурки, которые небрежно относятся ко всем, как к дерьму, но это не так. Они заботятся о Стоун-Вью-Хай так, как будто это их дом. Все они хорошие люди.

Все они.

Я выскальзываю из пикапа как раз вовремя, чтобы Орсон перекинул меня через плечо, хлопнув за нами дверь.

— Отпусти меня! — Я стучу по его мускулистой спине, но это бесполезно. Все хорошо привыкли видеть, как со мной обращаются трое моих братьев, что никто даже глазом не моргнет. Девушки, которые это замечают, — это те, кто завидует. Каждая девушка хотела этих мальчиков, и временами им везло. Особенно с Ройсом и его разбойничьим членом, но они никогда не делятся долго. Они никогда не оставались, и их никогда не подвезли во второй раз.

— Син, отпусти меня, пожалуйста! Я сделала то, что хотел Ройс! Я пришла!

Я чувствую, как плечи Орсона дрожат под моим весом.

— Я знаю, но, видишь ли, у нас маленькая проблема...

— И что это такое? — спрашиваю я, хотя мои глаза бегают повсюду, чтобы понять, кто все здесь. Я вижу, как много людей держатся своих экипажей, и почти все уже припарковались в воде. В заливе были длинные плоты, с лодками, припаркованными в каждом месте. Из них лилась музыка, звенели стеклянные бутылки и раздавался смех. Береговая охрана ненавидела всех нас, и в зависимости от того, кто был на дежурстве, они обычно просто оставляли нас в покое.

— Ну, мы должны убедиться, что все здесь знают, что за тебя говорят.

Я закатываю глаза. Я всегда застревала, выходя наружу. Хотя я еще не была достаточно взрослой, чтобы получить лицензию на лодку, я знаю, как ею управлять, и я никогда не пью, так что всем троим удобно, что я здесь. Обычно Слоун тоже наживался на этом.

— Герцогиня! — зовет Ройс, насвистывая.

Я снова хлопаю Орсона по спине, и он наконец — то — наконец-то, черт возьми, — ставит мои ноги на твердую землю.

— Что?

Ройс улыбается мне через руку, продолжая разворачивать лодку в воду с трапа.

— Может понадобится, чтобы ты вскочила и прокричала несколько приказов. — Люди даже не дышат на шутки Ройса, но я закатываю глаза и снимаю шлепанцы, бросая все свои вещи на заднюю часть лодки. Я двигаюсь к воде и бросаюсь внутрь с маленькой лестницы в конце. Ройс продолжает пятиться в воду, пока я не останавливаю его. Он занят тем, что отцепляет лодку от своего автомобиля, когда Орсон, Шторм и еще пара девушек забираются на лодку.

Я скриплю зубами, засовывая сумку под капот лодки, где есть кровать, маленькая кухня и ванная. Ройс прыгает последним, швыряя рубашку мне в лицо.

— Улыбнись, герцогиня. — Он наклоняется вперед, прижимая подушечку большого пальца к моей нижней губе. — Не хотел бы, чтобы это милое маленькое личико оставалось таким.

— Ройс! — Аннет Берд, она же нынешняя игрушка Ройса, машет ему рукой, указывая на переднее сиденье, где она, Бьянка и Наташа Дэниелс сидят в бикини, смазанные маслом.

Я провожу языком по зубам.

— Знаешь, я действительно хотела бы просто остаться дома. — И, может быть, играла с Робби. Я бы предпочла это, чем сидеть здесь и смотреть, как все трое этих мальчиков играют со своими последними куклами Барби.

— Оу. — Ройс ерошит мои волосы. — Ты собираешься вести себя так, будто не хочешь выходить на доске? — Я даже не смогла сдержать улыбку. Он указывает на неоновозеленую вейкбордную доску. — Седлай коня.

Я танцую на корме лодки и цепляюсь за нее. Я пристегнута, у Ройса в динамиках гремит “Рок-звезда” Сайпресс-Хилла, и мы почти на нашем любимом месте (которое в значительной степени находится в заднице посреди таверны “Оушен”), я бросаю доску и бросаюсь назад. Вода трещит под моим весом, и я чувствую, как прилив природы проникает сквозь кончики пальцев, вливаясь в мои вены. Я всегда была девушкой на свежем воздухе. Никогда не была девчушкой, так что, думаю, в каком-то смысле Ройс действительно нашел во мне брата, которого хотел. По крайней мере, сейчас. Это проходит с возрастом. Мне все еще не нравится розовый цвет.

Я всплываю на поверхность с улыбкой на губах, убирая с лица свои длинные каштановые волосы.

— Ты маленькая гребаная засранка! — кричит Ройс, сбрасывая меня с лодки.

— Что я сделала? Я всегда так прыгаю!

Он отмахивается от меня, его рот сжат в ровную линию. Напряженный ублюдок. Он становится сварливым, когда мы собираемся разорвать его на куски, ну, особенно когда я собираюсь разорвать его на куски. Я оглядываюсь вокруг и вижу еще четыре или пять припаркованных лодок, с которых другие слезают, плавают, пьют и отдыхают. Это наша

обычная передача. Вместо машин мы все ездим на лодках. Это похоже на внеклассное занятие для богатых и скучающих.

— Герцогиня. — Орсон посылает мне воздушный поцелуй, бросая ручку в воду. — Постарайся на этот раз не сломать кость?

— Перестань, хочешь ее сглазить! — Шторм пихает Орсона, оставляя его рубашку расстегнутой, но удерживая ее на месте. Шторм никогда не ходит без рубашки. Он не говорит об этом, и Ройс сказал, что я никогда не должен спрашивать, но он всегда носит рубашку. Даже в воде.

Я берусь за ручку, и меня снова тошнит, я снова болтаюсь на свободе, мой язык высовывается на Ройса.

— Из-за того, что ты сегодня выглядишь особенно озорной, я буду двигаться медленно! — кричит он, и лодка медленно отдаляется от меня. Я чувствую, как натягивают веревку, и хихикаю.

— О, да? Я вспомню об этом, когда придет твоя очередь!

— Почему ты не можешь быть такой же, как все остальные девушки, сесть на мое дерьмо и выглядеть такой хорошенькой, а? — Ройс одаривает меня ухмылкой. Я не могу ответить ему сейчас, потому что он слишком далеко. Он прав. Я единственная девушка, которая ссорится с парнями, но это их вина. Они создали монстра, а потом спросили, почему я кусаюсь. Лодка набирает скорость, и я поднимаюсь, доска скользит по воде, как по маслу. Как только он набирает больше скорости, я поворачиваюсь, чтобы выполнить несколько поверхностных трюков, расслабленная улыбка на моем лице. Мне нравится быть на воде. Причина, по которой я не хотела приходить сегодня, заключалась не в том, что я не хотела выходить на доску, а в том, что я не хотела иметь дело с вечеринками, которые потом происходят в пещере Орсона.

Да, его настоящая пещера.

Ройс быстро разворачивает лодку, и я брыкаюсь, сажая большую волну. Мы проводим еще минут двадцать или около того, пока я выполняю все свои трюки и излучаю энергию, прежде чем меня с хмурым выражением лица втягивают обратно в лодку.

Орсон поднимает меня из воды.

— Перестань грустить, девочка. Ты чертовски хорошо знаешь, что у тебя больше времени, чем у любого из нас.

— Это правда. — Я хихикаю, расстегиваю свой спасательный жилет и остаюсь в своей двойке. Я вытираю волосы полотенцем, как раз в тот момент, когда Ройс протягивает мне бутылку воды.

— Ты в порядке?

Аннет подходит к нему сзади, обхватывая своими худыми руками его живот.

— Ага, — киваю я, направляясь вперед, чтобы позагорать на капоте. Остаток дня сгорает дотла, пока они все по очереди играют на доске, пока Шторм выбрасывает свою удочку. Солнце опускается за облака в небе, когда Ройс наконец открывает свой первый бокал.

Я знаю, что не должна этого делать, но я ревную. На этот раз. Конечно, я никогда раньше не была пьяна, и конечно, Ройс никогда бы не позволил мне выпить слишком много алкоголя, но девушка может мечтать, верно?

Я пробираюсь к передней части лодки, и мы ведем конвой к горе Этос. Фамилия Орсона Этос, так что да, гора Орсона. Это просто обычный старый остров посреди океана

где его родителям принадлежит особняк стоимостью в миллиард долларов, построенный на вершине валунов. Поскольку до дома Орсона нужно добираться на лодке, он обычно останавливается у Ройса — отсюда и баскетбольная площадка. Пещера изгибается от острова дугой, прежде чем вы окажетесь прямо на пляже с белым песком. Вода неподвижна, а песок настолько мал, что может провалиться между пальцами ног.

Мы встаем на якорь, как только солнце садится в небе. Шторм достает свой набор для стрельбы из лука, зажигает кончик палки и целится в кучу хвороста на берегу. Он отпускает палец, и костер взрывается волной пламени.

Все в школе знают о месте проведения выходных и о том, кто его посещает. Это эксклюзивно, но это не потому, что людей не приглашают, а только потому, что не у всех есть лодка, и вы можете разместить не так много людей только на одной. Когда Орсон берет лодку своего отца, тогда это совсем другая история. Мощная яхта стоимостью в несколько миллионов долларов под названием *Vegas* — это именно то, что подразумевает ее название. Это целая вечеринка на яхте, тематически оформленная и раскрашенная в Город Грехов. Отец Орсона — грек по отношению к своей американской матери, которой больше нет с нами. С тех пор как умерла его мама, его отец почти никогда не живет в этом доме, оставляя Орсона одного.

Сжимая в руках шлепанцы и толстовку с капюшоном, я соскальзываю в воду и направляюсь к берегу, стараясь быть как можно дальше от Ройса, пока он прижимает к себе Аннет. Я не могу с этим смириться, но не знаю почему. Я не знаю, почему у меня сводит живот каждый раз, когда она кладет на него руку, потому что он не кладет на нее свою. КПК всегда принадлежит ей, а не ему. Я даже не знаю, почему я думаю об этом.

— Эй! — Девушка с длинными завитыми волосами и парой пирсингов на лице машет мне рукой. Она в обрезанных джинсах, клетчатой рубашке, а *это Док Мартенс*? Я люблю их, но рядом с водой?

— Привет! — Я направляюсь туда, где она сидит одна и курит сигарету. Она великолепна, это очевидно, но я никогда не видела ее здесь раньше. Вообще — то, никогда. Даже в школе.

— Ты новенькая? — спрашиваю я, присаживаясь на один из пней, окружающих бушующий огонь. Он потрескивает на заднем плане, согревая мою щеку.

Она кивает головой, поднимая бутылку шампанского.

— Конечно, да, и я должна сказать... — Она оглядывается по сторонам, останавливаясь каждые пару секунд. — Я не вижу здесь ни одной девушки, с которой я хотела бы дружить.

Я хихикаю, засовываю руки в рукава толстовки с капюшоном от Кельвина Кляйна и застегиваю ее. Я рада, что надела свои черные короткие шорты раньше, но теперь я пожалела, что не захватила с собой какие-нибудь узкие джинсы. Обычно я направляюсь в главный дом, когда здесь становится шумно — по приказу Ройса, — так что я успокаиваюсь на том факте, что мне не придется слишком долго отмораживать свои сиськи.

— Они не так уж и плохи.

— Конечно, они... — говорит девушка, стряхивая пепел с кончика своей сигареты. Она выставляет руку перед собой. — Я-Индия, а ты? — спрашивает она, и я перевожу взгляд с ее лица на ее руку. Я не из тех, кто заводит друзей. Это не потому, что я не хочу, это потому, что никто не хочет со мной дружить. Никогда не понимала, почему, и к тому времени, когда Слоун поняла, что я странная, было слишком поздно, мы уже были друзьями.

Я беру Индию за руку в свою.

— Мне нравится это имя. Люди говорят, что я наполовину похожа на индейца. Мне говорили это всю мою жизнь, так что теперь я как бы говорю людям, что у меня есть бабушка и дедушка из Индии. Заставляет меня чувствовать себя крутой.

Индия смеется, ее голова откидывается назад, прежде чем ее глаза встречаются с моими.

— Да, я вроде как это вижу. У тебя загорелая кожа, темные волосы и... — Она наклоняется ко мне ближе, пока кончики наших носов не соприкасаются. — Какого цвета у тебя глаза?

Я немного отступаю на дюйм, несколько сбита с толку ее вторжением в мой пузырь.

— А, зеленый. Меня зовут Джейд.

— Ух ты! Это классное имя!

— Ну, мы можем поменяться, — мои руки ныряют в карманы толстовки, мои глаза смотрят на пламя. Музыка громко льется из-за моей спины, и мне не нужно поворачивать голову, чтобы понять, что происходит. Тики-бар будет в полном разгаре, включатся волшебные фонарики, и граффити, которые Ройс нарисовал на стене скалистых гор, будут выставлены на всеобщее обозрение, чтобы все могли полюбоваться. Мои глаза взлетают к искусству, все оттенки зеленого цвета. Лайм, лес, океан, бирюза, *нефрит*. Цифры 2000 помечены шрифтом граффити. В тот год, когда я родилась и была принят в семью Кейнов. Я не думаю, что кто-то еще замечает важность этого, кроме Орсона и Шторма. Каждый раз, когда я вижу это, мое сердце пропускает несколько ударов. Никогда не было и тени сомнения в том, что я значу для Ройса, а я для него. Любовь есть любовь, но когда она безусловна, она на всю жизнь.

— Ни в коем случае, ты подходишь своему имени. Итак, что ты здесь делаешь? — спрашивает Индия, выпуская дым на песок. — Не обижайся, но ты тоже выглядишь немного моложе, чем все остальные здесь.

Как только я открываю рот, Орсон кладет руки мне на плечо и грубо сжимает.

— Герцогиня, ты заводишь друзей?

— Оно и есть, — ухмыляется Индия Орсону. Вот где это происходит. Они приходят в восторг, потому что видят моих братьев, а затем внезапно я возвращаюсь в нормальное состояние, и мы с Слоун остаемся вдвоем. Большинство девушек моего возраста оппортунистки. Они видят моих братьев и решают, что те им нравятся больше, чем я.

Индия вытирает руку и с дружеской улыбкой протягивает ее Орсону.

— Я-Индия.

Орсон искоса смотрит на нее как раз в тот момент, когда Ройс и Шторм подходят к нему сзади.

— Орсон.

Все они проходят через встречу с Индией, и я наблюдаю, как ее глаза бегают по сторонам, не интересуясь ни одним из моих братьев. *Странно*, подумала я про себя. Не то, что обычно происходит.

Может быть, Индия другая?

Костер разгорается, как раз в тот момент, когда Ройс проскальзывает рядом со мной, обнимая меня за талию. Он утыкается носом в изгиб моей шеи, балансируя своей красной чашкой в другой руке.

— Мммм, ты всегда так хорошо пахнешь? — Его голос глубокий, вибрирующий по моей коже и поражающий каждый нерв на своем пути наружу.

— Значит, они тебе нравятся, немного постарше? — Индия поднимает бровь, глядя на нас двоих.

— Что? — Мои глаза расширяются от ужаса. Я отталкиваю Ройса от себя. Он хихикает так громко, что его голова запрокидывается назад. — Нет! Он мой брат.

На лице Индии мелькает замешательство.

— Действительно? — Уголок ее губ кривится, не от отвращения, а от шока.

— Да, приемный брат, но все равно брат.

— Молочный брат — синоним лазейки, просто говорю, — поддразнивает Ройс, дерзко высовывая язык.

Я закатываю глаза.

— Не обращай на него внимания, он явно пьян. Или под кайфом.

Ройс смеется, как раз когда Аннет подходит к нему сзади, ее руки обвиваются вокруг его шеи, когда она наклоняется.

— А ты? — спрашивает меня Индия, склонив голову набок. — Ты пьешь или куришь?

— Нет, — отвечает за меня Ройс, сверля меня взглядом. — Она слишком молода.

Я стискиваю зубы. Дело не в том, что я не привыкла к его властной натуре, или что я не привыкла к тому, что он проделывает со мной одно и то же дерьмо каждый раз, когда мы веселимся, но каждый раз, когда он это делает, это истощает мое терпение.

— Ей пятнадцать, а не двенадцать. — Индия закатывает глаза, и прежде чем я успеваю возразить Ройсу, в моей руке оказывается красная чашка, алкоголь выплескивается через край, проливаясь на мою руку. — Один не причинит тебе вреда, и ты знаешь, что получила его от меня, а не от какого-то сомнительного ублюдка в баре.

Ройс наклоняется вперед, чтобы взять чашку из моих рук, когда я отстраняюсь от него, с вызовом приподнимая брови.

— Знаешь, она вроде как права. Я имею в виду, в какие неприятности я действительно могу попасть, когда у меня здесь все трое моих больших, чрезмерно заботливых братьев, чтобы отпугнуть всех?

— Герцогиня... — предупреждает Ройс, сжимая челюсти.

— Оставь ее в покое, — скулит Аннет, целуя Ройса в шею. — Все равно никто ее не тронет. — Она смеется, но Ройс отбрасывает ее руку от себя.

— Ройс, только один раз, и я не спрашиваю разрешения. — Я с вызовом прищуриваю глаза. Я знаю, что он хочет драться, и, будучи Ройсом, он бы не отступил от этого ради того, чтобы все смотрели. Ему насрать. Но прежде чем он успевает сказать что-нибудь еще, я поворачиваюсь к ним обоим спиной и смотрю на Индию.

— Итак, — бормочу я, потягивая — как я предполагаю-бурбон с колой, но также не очень заинтересованная в выпивке теперь, когда моя точка зрения высказана. — Почему я никогда не видела тебя на одной из них?

Индия хихикает, но ее лицо вытягивается прежде, чем она успевает его скрыть. Я наблюдаю, как тепло от палящего пламени окрашивает оранжевым оттенком ее в остальном бледные щеки.

— Наверное, я новенькая. Вообще-то я начинаю свой выпускной год в понедельник. Не слишком взволнована этим.

Поставив свою полную чашку на песок, я кутаюсь в свою толстовку.

— Стоун-Вью не так уж плох. Это примерно равносильно Хогвартсу, только все магглы, а вместо Хагрида у нас Хагдид. Я тебя не обманываю, нашего директора зовут Хагдид.

Мы обе расхохотались, переходя к светской беседе. Обменявшись номерами сотовых с Индией, я встаю со своего места и смахиваю песок, который у меня на заднице.

— Я напишу тебе в воскресенье, может быть, мы сможем встретиться. Ты можешь познакомиться со Слоун. Вы поладите на удивление хорошо.

Индия смотрит на меня снизу вверх, глубина ее карих глаз таит в себе так много тайн. У меня такое чувство, что она прожила тысячу жизней. Что бы она делала в Лейк-Вью?

— Конечно! — Она подмигивает мне. — Увидимся позже, малыш Джей.

Ненавидела это имя, любила ее.

Пробираясь сквозь море пьяных тел, я опускаю голову. Я уже почти в начале крутой дорожки, которая соединяет пляж с задним двором дома Орсона, когда чья-то рука касается моей руки.

— Ройс. — Я поворачиваюсь к нему лицом, ожидая какой-нибудь дерзкой ухмылки и, возможно, ругани за выпивку, но вместо этого его глаза сосредоточены на мне, исследуя мое тело.

— Ты хочешь пойти домой?

Я провожу языком по зубам.

— Уже поздно. Мы можем просто переночевать в домике у бассейна, как всегда. — По мере того как мы становились старше, наша связь становилась сильнее, и это свидетельствует о том, насколько она сильна, потому что, когда мы впервые увидели друг друга, между нами все было кончено. Это было так, как будто вселенная просто чертовски менялась всякий раз, когда мы были рядом друг с другом после этого. Он вонзился в мое сердце, и я вышила свое имя на его конечностях. Мы много ссоримся, но мы сильно любим, и когда дело доходит до него и меня, одно не может существовать без другого.

Ройс Кейн, бесспорно, мой лучший друг.

Он кивает головой в сторону океана.

— Я выпил только пару. Я могу вести. — Его рука соскальзывает с моей руки, и его пальцы переплетаются с моими. При внезапном соединении мне кажется, что мое сердцебиение бьется впервые в жизни. Кровь приливает к моим ушам, а щеки горят. Я благодарна — так чертовски благодарна — за одеяло этой ночи. — Давай, герцогиня... — Мне пятнадцать, ему восемнадцать. Я никогда не чувствую себя неловко рядом с ним в этом смысле — никогда, но... подожди. Подожди, блядь, минутку. Почему я оцениваю наш возраст?

Дрожа от внезапного отвращения от того, что только что промелькнуло у меня в голове, я отстраняюсь от него и обхватываю себя руками, защищаясь.

Как будто это могло помочь.

Как будто Ройс не стал бы просто разрушать все и вся, чтобы получить то, что он хочет, если ему это понадобится.

— Я не хочу отвечать на эти вопросы. Я просто поднимусь в комнату. — Это не было ложью, потому что я действительно не могла беспокоиться обо всех поднятых бровях и вопросах от людей, которые увидят, как мы уходим на Зеленом камне.

— К черту их, — говорит он, пожимая плечами.

Я открываю рот, решая, что мы могли бы просто остаться на лодке, а не в домике у бассейна, когда в поле зрения появляются тощие пальцы и красные ногти, растекающиеся по животу Ройса. Аннет смотрит на меня из-за его руки.

— Эй, детка, я устала, мы можем поехать на твоей лодке, как ты сказал?

Мой желудок сжимается, когда весь воздух высасывается из моих легких.

Он, блядь, пригласил ее на яхту раньше меня. Неприкрытая ярость кипит у меня под кожей, когда я разворачиваюсь и начинаю подниматься по лестнице, ведущей в главный дом. Обычно я делаю это медленно, так как ступенек так много, и открывающийся вид прекрасен, но я хочу как можно быстрее оказаться как можно дальше от них обоих. Пять минут спустя, и я достигла вершины, но я не останавливаюсь. Я бегу по ухоженной лужайке, огибаю освещенный бассейн и направляюсь прямо к двери домика у бассейна. Открыв ее, я проскальзываю внутрь и захлопываю ее, быстро запирая дверь, как только оказываюсь внутри. Мое сердце колотится в груди, слезы застилают глаза. *Какого хрена я плачу?* В глубине души я знаю, что веду себя неразумно, и, честно говоря, Ройс всегда с кем-то, кто скачет вокруг. Почему сейчас все по-другому? Почему я начинаю чувствовать себя по-другому по отношению к нему?

Сняв толстовку и бросив ее на пол, я смахиваю свои необоснованные слезы и тащу свою задницу в другой конец комнаты, где меня ждет моя односпальная кровать.

Jade

Его рука обвивается вокруг моей талии, притягивая меня к твердому, теплomu телу. Я уже знаю, кто это, прежде чем поворачиваюсь, чтобы посмотреть. Я могу чувствовать его запах в любой комнате. Не раздумывая, я извиваюсь в его объятиях, когда моя задница упирается в его промежность. Он тверд — чертовски тверд, — и я знаю, что все внутри меня говорит, что это неправильно. Мы никогда не были в такой ситуации-никогда. Он спал в одной постели со мной, но тогда мы были детьми. Сейчас это не так. Его пальцы скользят по моему животу, и я задерживаю дыхание, боясь, что если я вздохну, это будет слишком громко. Слишком быстро. Слишком отчаянно. Слишком очевидно, что он делает со мной. Его пальцы скользят вниз, когда его губы прижимаются к моему затылку.

— Ты гребаное отродье, ты же знаешь это, верно? — Его голос низкий, но далекий. Это не имеет значения, потому что мои бедра начинают искать его прикосновения, как будто они воссоединились впервые за столетия. Он сразу же останавливает мое движение, заставляя меня замолчать, одновременно прижимая ладонь к моей нижней части живота. Я сглатываю сквозь сдавленное горло, изо всех сил стараясь не обращать внимания на очертания его твердости, прижимающейся к моей заднице. *О, черт. О черт, о черт.* После этого пути назад не будет. *Мне все равно.* Обычно он так и делает, но его поддразнивание всегда прекращается перед прикосновением. Мы никогда не прикасались, никогда не целовались. Никогда не делали ничего, что могло бы пересечь эту черту, кроме, может быть, легкого флирта, который, как я в основном думаю, мне мерещится.

Он перекачивает меня на спину, а его рука прикрывает мне рот. Он тянет меня за ноги, пока я не оказываюсь широко раздвинутой. Контур его волос-это все, что я могу видеть в темноте комнаты. Мы все еще в домике у бассейна. *Он преследовал меня?*

— Вам нужно помолчать, герцогиня. — Он поворачивает голову, и я прослеживаю за его взглядом туда, где Аннет мирно спит на полу, завернувшись в одеяла. Он прокрался в мою постель, пока она спала. Мне все равно.

Кивнув моей головой, он слегка ослабляет хватку, и именно тогда я чувствую тепло его груди на своей. Он медленно прижимается ко мне бедрами, убирая руку с моих губ, когда его рука опускается ко мне. Моя грудь превращается в огонь, мой живот воспламеняется вместе с ним от соединения наших губ. Его язык облизывает мой с тем же собственническим чувством, которое, как я всегда знала, у него было, когда его голова ныряет под одеяло.

— Рой! — Я шепчу-кричу, дотягиваясь до его волос. Он отталкивает мои руки и сдвигает мои трусики в сторону. Мне действительно следовало надеть брюки. — Р... — Его теплый рот накрывает кончик моего клитора, его язык скользит вверх и обводит бугорок.

— О, боже мой... — Одна из его рук снова на моем рту, когда его язык скользит по моему клитору. Мне требуется две секунды, чтобы мои ноги задрожали, а сердце сжалось, когда оргазм волнами прокатывается по моему невинному телу. Он двигается вверх по моему телу, широко раздвигая мои ноги.

— Ты хочешь это сделать? — Он касается своим носом моего, его губы слегка касаются

моих. — Пути назад нет.

— Я не хочу возвращаться. Возьми это.

— Почему? — спрашивает он, его пальцы сжимаются у моей ключицы. Его толстый кончик прижимается к моему влажному входу, и все, что для этого потребуется, — это немного... Я двигаю бедрами вверх, и его член на дюйм входит внутрь, растягивая мои тугие стенки. Я вздрагиваю. — Почему, герцогиня? — он шепчет мне в губы.

Я обнимаю его за шею и покусываю его за нижнюю губу.

— Потому что я бы хотела, чтобы это был ты. — Он сразу же скользит во мне, заполняя меня до предела, пока я не почувствую, как моя душа вытекает из моего тела, и крик срывается с моих губ.

— Герцогиня!

Орсон? Кто-то трясет меня за плечи.

— Проснись! Сейчас же!

— Что? — Мои глаза распахиваются, и меня встречает темнота комнаты с одной лампой. Орсон стоит надо мной, его толстовка накинута на голову.

— Ройс подрался с Дерекком Чемберсом, мы возвращаемся в твой дом.

— Что? — спрашиваю я, приподнимаясь на локтях. — Какое это имеет значение, если он подрался с Чемберсом! — Гребаные идиоты, мальчишки, и кстати об идиотах... этот сон был... без комментариев.

— Это важно, потому что Ройс здорово его обработал и чуть не убил. Мы уезжаем — сейчас же.

— Что? — Я так быстро вылетаю из-под одеяла и начинаю натягивать толстовку. — Где Ройс? — спросила я. Я убираю волосы с лица и застегиваю молнию. Он чуть не убил его? Это плохо. Ройсу не нужна еще одна юридическая помощь.

— С Ройсом все в порядке, он уже на лодке. Чемберс едва успел.

Я не спрашивала, почему Орсон был здесь, а Ройс-нет. Я поднимаю свой телефон и засовываю его в карман, прежде чем мы возвращаемся на пляж. Люди давно уехали, и единственная лодка, которая пришвартована это Ройса. Несколько человек, разбросанных по берегу, спят, но по большей части это был просто гребаный беспорядок. Мне жаль команду уборщиков Орсона.

Ускорив шаг, я бросаюсь в воду и прыгаю в лодку, когда вижу Ройса, лежащего на спине на одном из диванов и закрывающего лицо рукой. Одна нога свисает со стула, а другая приподнята.

— Он спит. Я поведу. — Орсон начинает развязывать нас, когда я запускаю лодку. Шторм выходит снизу с бледным лицом.

— Что не так? — спрашиваю я Шторма, который выглядит более неловко, чем обычно.

Он качает головой.

— Он чуть не убил его.

Я провожу языком по губе, поворачивая голову через плечо, чтобы бросить взгляд на Ройса, который все еще не двигался. Я хотела бы сказать, что не думала, что у Ройса хватило духу всерьез убить кого-то, но если вы дадите ему что-то, за что стоит умереть, он убьет за это.

Я прочищаю горло, мои мысли о сне, который я видела всего несколько минут назад. Все это казалось слишком реальным. Слишком реально. Увидев его так скоро после ярких образов, которые все еще свежи в моей голове, у меня мурашки бегут по коже и

заставляют мое сердце биться быстрее, чем когда-либо прежде.

Шторм наклоняет голову через плечо.

— Я поведу. Иди и делай свое дело. — Я отпускаю руль и отступаю на дюйм назад, пока снова не оказываюсь рядом с Ройсом. Внутренняя и внешняя части лодки освещены неоновыми светодиодными лампами, темно-синие оттенки подчеркивают его фигуру. Его темные джинсы, ботинки в стиле милитари, свободно завязанные на ногах, и толстовка с капюшоном, натянутая на голову.

— Ты собираешься стоять там и пялиться или начнешь орать, чтобы мы могли покончить с этим? — Он поднимает руку над головой, и я, наконец, впервые вижу его точеные высокие скулы и мягкие губы. Губы, которые я чувствовала во сне. *Все слишком реально*. Почему, черт возьми, это казалось таким реальным. — Иди сюда. — То, как его голос обволакивает эти простые слова, и есть та самая причина, по которой мое сердце падает в желудок. Он высовывает язык и облизывает нижнюю губу. — Сейчас, герцогиня...

Наконец, я сажусь рядом с ним, ровно выдыхая воздух. Его рука обхватывает меня за талию, и он притягивает меня к своей груди, прижимая к себе, обе руки теперь обнимают меня, когда он притягивает меня ближе и зарывается носом в мои волосы. Издалека, если бы ты не был в нашем кругу, это выглядело бы интимно, и я определенно чувствую это сразу после того сна, но я без тени сомнения знаю, что для Ройса это было бы просто объятие старшего брата, обнимающего свою младшую сестру.

— Ройс? — шепчу я, играя с золотой цепочкой, которая висит у него на шее.

— Мммм? — рычит он.

Я нервно покусываю нижнюю губу.

— Что произошло между тобой и Чемберсом?

Я чувствую, как его тело напрягается подо мной, и я почти чувствую вину за то, что подняла этот вопрос.

— Не беспокойся об этом своей хорошенькой маленькой головкой.

Но я действительно волнуюсь. Я очень волнуюсь.

— Ты чуть не убил его? — Я отодвигаюсь от его груди, поднимая свои глаза на его уровень. Очертания его лица жесткие, достаточно острые, чтобы разрезать меня пополам. На мгновение я оказываюсь в ловушке скрученных узлов его взгляда, прежде чем мои глаза опускаются к его рту. Мягкие губы с твердыми краями.

Даже не задумываясь, я провожу языком по губам.

Он шумно втягивает воздух, и мое внимание возвращается к нему. Теперь его глаза прикованы к моим губам, густые брови сдвинуты.

— Рой?

Он переводит дыхание, когда на его губах появляется медленная, угрожающая ухмылка.

— Мммм, ты просто маленькая чертова озорница, а, герцогиня. — Он придвигается ближе, пока его губы не касаются мочки моего уха. — Возможно, тебе стоит быть осторожной с тем, как эти милые маленькие глазки смотрят на меня.

Я вздрагиваю, сползая с его тела. Как только я снова встаю на ноги, его руки касаются моих, и я ловлю себя на том, что снова смотрю ему в лицо. Это больно, насколько идеален Ройс. Я уверена, что всегда это знала, только сейчас все начинает смещаться в ту область, к которой я не уверена, что мне удобно обращаться прямо сейчас.

— Эй! — Он дергает меня за пальцы, и мои глаза ловят его ободранные костяшки пальцев. Окровавленные и испорченные трещинами, такими же глубокими, как те, что

образовались в моем сердце. — Я пошутил, герцогиня, ты же знаешь.

— Что ты имеешь в виду? — бормочу я, отбрасывая с лица непослушные волосы, когда лодка замедляет ход и подходит к причалу. — Какую часть?

Я слышу, как папа ругается на заднем плане, как только мы встаем на якорь. Ройс подмигивает.

— Ты мне скажи, — он резко встает со своего места, схватившись за живот. — Это наверняка вызовет у папы грыжу, — говорит Ройс, и как только он проходит мимо меня, я замечаю влагу у него на животе. Моя рука взлетает к его руке, останавливая его. Он достаточно большой, чтобы оттолкнуть меня, но он этого не делает.

— Ройс... — шепчу я, оттягивая его назад.

Он отшатывается, и его лицо бледнеет.

— В чем дело, герцогиня? Собираешься наконец поцеловать меня теперь, когда я умираю

Прежде чем я успеваю осознать его слова он падает на меня, толкая меня на землю, На заднем плане раздаются крики, мама и папа оба ныряют в лодку. Все как в тумане, мой мир вращается. Кто — то кричит так громко, что у меня кровоточат уши, и только когда я срываю с него толстовку, чтобы увидеть колотую рану в животе, я понимаю, что тот кто кричит...

Это я.

Jade

Мой мир рушится вокруг меня. Я раскачиваюсь взад и вперед в приемной с тех пор, как мы сюда приехали. Они все еще не разрешили нам увидеть Ройса, и он, по-видимому, все еще в операционной. Запустив руки в волосы, я продолжаю яростно раскачиваться, пытаюсь успокоиться от вспышки, которую я чувствую.

В этом не было ничьей вины. *Никто не может остановить Ройса, когда он в ярости.* За исключением того, что, когда я думаю об этих словах, я знаю, что это ложь. Есть один человек, который мог бы его остановить.

Успокоил его.

Я.

Он хотел уйти, а я оставила его там, внизу, и все ради чего? Моя гордость? Потому что я хотела надуться вместо того, чтобы утащить его от девушки, на которую я знаю, что ему наплевать?

Сильный запах металла наполняет мои ноздри, и я подношу руки к лицу. Красные полосы кровавой корки на ладонях моих рук, зажатые между пальцами. Мои руки дрожат, когда я яростно впитываю каждую каплю крови.

Кровь Ройса.

Я вскакиваю на ноги и срываю с себя толстовку, а затем смотрю вниз на футболку, которая была у меня под ней, и вижу только ее испачканную кровью, размазанную и по ней тоже. Его жизнь была прямо там. На мне. Что, если это все, что у меня осталось от него? Я срываю с себя рубашку и бросаю ее на землю вместе с толстовкой.

— Джейд, милая. — Моя мама подходит ближе ко мне, ее рука на моей руке. Я отшатываюсь от нее, слезы в моих глазах затуманивают мое зрение. Я даже больше не чувствую, как они стекают по моим щекам, потому что я так онемела. *Так, так, так оцепенела.* — Твой отец отвезет тебя домой, чтобы ты приняла душ и переоделась. Здесь ты ничего не сможешь сделать...

Я качаю головой, мои сухие волосы царапают мои плечи.

— Герцогиня... — говорит Орсон, и теплая толстовка набрасывается мне на плечи. — Надень это, и я попрошу маму постирать твою одежду. — Прежде чем он успевает забрать мою выброшенную одежду, я наклоняюсь и собираю ее, бегу к мусорному ведру и бросаю кучу внутрь. Боль снова сжимает мое сердце, впрыскивая в меня свой отвратительный яд и отказываясь отпустить. Я тоже этого не хочу, потому что чувство вины невыносимо.

— Мне следовало уйти. Я должна была послушаться его и вернуться на лодку. — Как только слова слетают с моих губ, Шторм оказывается рядом со мной, защищая. Офицеры неторопливо входят в комнату, и я сквозь затуманенное зрение наблюдаю, как папа встает и обращается к ним, хотя нам никогда не нужно беспокоиться. У Кайла Кейна вся гребаная сила в заднем кармане. В тот день, когда я поняла, что это был день, когда я увидел плохую сторону Ройса. Я никогда не хотела видеть это снова, потому что боялась. Боялась, что что-то подобное повторится снова.

— С ним все будет в порядке, герцогиня. Это Ройс. Он так не опускается...

Мои глаза закрываются, когда я прокручиваю весь сегодняшний вечер. С вечеринки, до моего сна, до того, как Орсон пришел меня разбудить. *Черт возьми!* Почему я не подумала, что это странно? Обычно за мной приходил Ройс. Почему я не заметила срочности в случае с Орсоном или тревожных видов в случае со Штурмом?

Я снова взлетаю со стула.

— Почему, черт возьми, никто не сказал мне, что он пострадал на лодке? — Офицеры перестают разговаривать с папой, а мама нервно оглядывается на проходящих медсестер. Всегда боишься того, что думают люди.

Я указываю на виновато выглядящих Орсона и Штурма.

— Вы оба могли бы мне сказать!

— Что хорошего это принесло бы, герцогиня? — Орсон встает, засовывая руки в карманы. — Он не хотел, чтобы ты знала, потому что знал, что это тебя выведет из себя. Мы ничего не могли сделать, пока не вернемся на сушу. Он просто... — Орсон замолкает, его глаза сверлят меня насквозь. — Он просто хотел тебя.

Я скрещиваю руки перед собой, защищаясь. Боль сковывает мое сердце и отказывается отпустить.

— Я всегда буду с ним. Навсегда. Редж — Мой голос срывается, и у меня подгибаются колени. — О боже, что, если я его потеряю? — Одной мысли о том, что я когда-нибудь потеряю Ройса, было достаточно, чтобы причинить мне физическую боль. Я не могла и не хотела пережить его отсутствие, когда он уйдет.

Ройс и Штурм оба падают на землю по обе стороны от меня, обнимая меня за шею.

— Хей, — шепчет Орсон мне на ухо. — С ним все будет в порядке. Ты же знаешь, что этот упрямый ублюдок ни за что не позволит тебе ходить по этой земле, не будучи в состоянии защитить тебя.

Мои губы дрожат, а сердце колотится от нового шрама, нанесенного на него, инициалы РК.

— Мистер и миссис Кейн? — Входит врач, одетый в хирургическую форму, и я снова вскакиваю на ноги.

— Да? — говорит мама, но я отталкиваю всех со своего пути и выхожу вперед.

Мама кивает.

— Его сестра. Пожалуйста, продолжайте.

Папа рядом со мной, обнимает меня за плечи, мама с другой стороны. Двое других моих братьев позади нас.

Вот оно.

Мой пульс учащается, кровь стучит в ушах. Это может стать концом жизни, какой я ее знаю.

— С ним все будет в порядке. Он на самом деле проснулся и просит... Герцогиню? — растерянно переспрашивает доктор. Облегчение, которое переполняет меня, достаточно велико, чтобы приковать мои ноги к земле. Я сцепляю руки и даю себе несколько минут передышки, прежде чем последовать за доктором в его палату, в то время как все остальные ждут в приемной.

Видя, как его имя, Ройс Кайл Кейн, написано на маленькой доске перед его комнатой, разжигает новый огонь в моих венах. Я хочу вытащить его отсюда.

Доктор открывает дверь и жестом указывает внутрь.

— Возможно, в нем не так много смысла, потому что он все еще приходит в себя. Старайтесь не принимать близко к сердцу ничего из того, что он может сказать. Вероятно, это из-за коктейля из наркотиков, который он принял.

Сжимая губы за зубами, мои плечи опускаются в знак поражения, когда я толкаю двери, чтобы войти. Резкий звуковой сигнал, резкий запах отбеливателя, звуковой сигнал.

— Рой? — шепчу я, и он поворачивает голову, широко вытянув руку. Он неплохо выглядит. У него такое же лицо. Он выглядит нормально, если бы не провода, соединяющие его с машиной.

— Иди сюда. Сейчас. — Он все еще властный.

Я не могу остановить слезы, которые текут по моим щекам, когда я бросаюсь вперед.

— Перестань плакать, герцогиня, — рычит он, извиваясь на кровати.

Я сердито смахиваю слезы, хмуро глядя на него.

— Я не могу поверить, что ты не сказал мне, что тебе было больно!

Он тянется к моей руке, но я отступаю от него.

— Я так зла на тебя. Я думала, ты умер!

Он хватается за мою руку в свою и дергает меня вниз, чертовски сильно для человека, который только что вышел из операционной.

— И что бы ты сделала, хммм? — Наконец, я поддаюсь, сбрасываю свои ботинки и сажусь рядом с ним. — Тебе нужно принять душ и вернуть Орсону его чертову толстовку.

— Заткнись, — бормочу я, прижимаясь к его телу, слезы заливают простыни. — Никогда больше так не делай.

— Ммммммм. — Я слышу сонный тон в его голосе, он, должно быть, засыпает. — Герцогиня? — Я не отвечаю, сжимая белые простыни в ладони. — Я люблю тебя, ты же знаешь это, верно?

— Я тоже тебя люблю, — тихо говорю я, и прежде чем я успеваю произнести какие-либо другие слова, сон овладевает моими мышцами, и мои глаза становятся тяжелыми.

— Ты что, издеваешься надо мной? Посмотри, какие они милые! — Я слышу голос Слоун на заднем плане, когда прихожу в себя, смахивая сон с глаз. Как только все оказываются в фокусе, я оцениваю, сколько людей на самом деле находится в комнате Ройса.

Мама, папа и Слоун, а также Орсон, Шторм, Аннет — блять — отец Орсона и мать Шторма, которая является окружным прокурором района залива.

— Почему все здесь собрались? — говорю я, притворно улыбаясь.

— Девочка, пожалуйста, позволь мне отвести тебя домой в душ. — Слоун тянется ко мне, прежде чем я успеваю возразить, но я не отстраняюсь от Ройса. Мне невыносима мысль о том, чтобы быть вдали от него. Не сейчас — никогда. Это, вероятно, заставляет меня казаться сумасшедшей, и, возможно, я в какой — то степени — *полностью* — зависима от него, но разве это плохо? У нас с Ройсом всегда была полномасштабная связь. Прежде чем я успеваю сказать "нет", я замечаю, что папа внимательно наблюдает за Ройсом, и я слегка хмурюсь и поджимаю губы. Его прищуренные глаза зловеще перебегают с Ройса на меня. У меня никогда не было отношений с папой, в основном только с мамой, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что он делил с Ройсом. У них прочные отношения, наполненные шутками и любовью. Что-то близкое к страху царапает своими уродливыми ногтями по моей спине, когда он оценивает меня и ситуацию, в которой я нахожусь. Он всегда так на меня

смотрел? Или я только сейчас это замечаю, потому что мои чувства в состоянии повышенной готовности? Или это что-то новое, после того, что случилось прошлой ночью? Я до сих пор не выяснила, что на самом деле произошло и как Чемберс пришёл к тому, чтобы ударить Ройса ножом.

В моей голове возникает идея, выкованная моим неистовым гневом, что кто — то хотел — нет, пытался-убить моего гребаного брата прошлой ночью.

Я соскальзываю с кровати с новой решимостью, хватаю Слоун за руку и забываю обо всем, как папа смотрел на меня.

— Ты права. Нам пора идти. — Все прекращают болтать, и я знаю, что они делают, они все ждут моей мысленной точки отсчёта.

— Герцогиня, — предупреждает Орсон. — Ты в порядке? — Только Ройс, Орсон и Шторм называют меня герцогиней. Больше никого. Однажды, когда мне было десять лет, Тревор Максвелл пытался называть меня герцогиней во время физкультуры. Я ударила его кулаком в нос. Это был первый и единственный раз, когда я оказалась в кабинете директора, но не в первый раз, когда я сломала кому-то нос. Мои братья всегда защищали меня. Пришло время и мне сделать то же самое.

— Я в порядке. Мне нужно принять душ. Я ещё вернусь. — Мы со Слоун начинаем пробираться к двери, но как только я тянусь к ней, я в последний раз оборачиваюсь через плечо, мои глаза останавливаются на Ройсе. Он крепко спит, его губы приоткрыты. Он выглядит таким умиротворённым. Кто-то пытался причинить ему боль. Плохо. И теперь, как бы глупо это ни звучало, я хочу отомстить и знаю, куда идти в первую очередь.

Jade

Первое, что я реально должна была упомянуть, — это то, что мне не хватает популярности и друзей не потому, что я их не привлекаю или что никто не хочет со мной дружить, потому что история покажет, что это не так. Дело в том, что мой брат обычно всех отпугивает, и, по общему признанию, именно поэтому у меня хватает смелости сделать то, что я собираюсь сделать.

Приняв душ и переодевшись в чистое, мы со Слоун спускаемся на кухню. Я открываю один из шкафчиков, ключи за ключами смотрят прямо на меня. У меня еще нет прав, но я знаю, как водить машину.

Я должна выбрать одну из сдержанных машин. Те, которые не будут выделяться. Так что я не буду выбирать папин "Порше" или мамину "Теслу". Нет смысла брать "Рейнджровер" или "Форд" Ройса. Мои пальцы скользят по клавишам черного "Камаро" Ройса 1969 года выпуска.

Я ухмыляюсь, снимая их с крючка.

— Эм, ты уверена, что это хорошая идея? — Голубые глаза Слоун метаются между мной и моими пальцами.

Я щелкаю ими по ладони и киваю.

— Да, и перестань психовать. — Мы направляемся в гараж, и я сажусь на водительское сиденье безупречной старой машины Ройса. Кожаная обивка новая, приборная панель отполирована маслом со сладким ароматом. Он пахнет свежешвытой кожей, лёгким ароматом одеколona Ройса и лёгким запахом сигаретного дыма.

Моя грудь сжимается от его запаха, когда я закрываю глаза и вставляю ключи в замок зажигания, поворачивая его, пока глубокий рокот V8 не вибрирует под моей задницей.

— Послушай, — бормочет Слоун, тянется к своему поясу и застёгивает его. — Я полностью за это, — она показывает вверх и вниз по моему телу, — Но я не могу лгать. А еще я очень боюсь, учитывая, что ты связана с Ройсом Кейном, и я это понимаю. Ты его маленький ребёнок, который не может сделать ничего плохого, но я должна сказать... — Она тихонько свистит, но прежде, чем с ее губ слетает ещё одно слово, я включаю первую передачу и нажимаю ногой вниз, выезжая из гаража с рёвом дыма и визгом шин.

— О боже мой! — Слоун взвизгивает, хватаясь за ручку двери. Ее смех заразителен, когда мы вылетаем на главную дорогу, мои волосы хлещут меня по лицу, а окна опущены. — Я должна снять это на видео.

— Хорошо. — Я смеюсь. — Но в Сеть ничего не выходит. Я не хочу ещё больше его напрягать.

— Обещаю. — Слоун хихикает, ее пальцы летают над телефоном, а растрёпанные светлые волосы хлещут ее по лицу. Она не поднимает глаз, когда задаёт мне свой следующий вопрос. — Так куда мы направляемся?

— В дом Мэтти.

Слоун застывает, ее рука задерживается над телефоном.

— Почему?

Я заправляю волосы за ухо и направляюсь к дому Мэтти Макалистер.

— Потому что я знаю, что он был там прошлой ночью, и я также знаю, что он собирается рассказать мне все, что произошло.

Слоун кивает.

— Кажется законным.

Мы продолжаем короткую поездку к дому Мэтти, уже почти стемнело, когда мы, наконец, подъезжаем к его закрытому посёлку. Охрана пропускает нас, когда я подъезжаю на "шевроле" Ройса к кольцевой подъездной дорожке.

Я захопываю дверцу машины и поднимаюсь по ступенькам, ведущим к его дому. Как только я подхожу к двери, она распаивается, и Мэтти стоит с другой стороны, его невинные волосы взъерошены, а жемчужно-голубые глаза полны печали.

— Что случилось? — спрашиваю я Мэтти. Мэтти и я — это долгая история. Мы обменивались украденными поцелуями с тех пор, как были молоды, но все это было невинно. Слоун уже много лет говорит, что он влюблён в меня, но я на это не куплюсь.

Мэтти проводит бледными руками по волосам, разминая мышцы.

— Послушай, я думаю, тебе следует спросить Ройса.

— Я прошу тебя... — Я стараюсь подойти мягче, видя, что он явно расстроен.

Мэтти садится на ступеньку, прикрывая рот руками, в то время как его глаза встречаются с моими.

— Чемберс что-то сказал о тебе, Ройс слетел с катушек, как и обычный Ройс, и на этот раз вместо того, чтобы Чемберс отказался от своих дерьмовых комментариев, он попытался сразиться с Роем. Рубашки были сняты, Ройс был в огне, готовый наброситься на какую —нибудь плоть и насладиться ею-что он и сделал. Он довольно сильно избил Чемберса, но он пошёл, чтобы уйти, и вот тогда Чемберс сказал... — Мэтти замолкает, и в его глазах вспыхивает гнев, он стискивает зубы.

— Что сказал, Мэтти? — Моё терпение на исходе. Я чувствую, как моё разочарование колеблется, и мои мышцы напрягаются.

— Он сказал, что как только Ройс уедет, он засунет свой член так глубоко в тебя, что ты никогда больше не захочешь Ройса.

Я все еще стою с разинутым ртом.

— И что?

Детские голубые глаза Мэтти скользят между Слоун и мной.

— И что? И вот что он сказал, так что Ройс потерял самообладание. Его рука потянулась к горлу, он прямо-таки душил его. Он поднял Чемберса с земли одной рукой, Джейд. Одной гребаной рукой. Наш полузащитник. Одной рукой.

— Да, да, я слышала тебя, одна рука. Что случилось потом? — Моя нога яростно стучит, потому что я ни на йоту не убеждена, что то, что сказал Чемберс, оправдывало то, что Ройс чуть не лишился жизни. На самом деле, я еще больше зла, чем была до того, как попала сюда. Лучше бы было что-нибудь другое.

— Больше ничего нет. Он душил его до тех пор, пока Чемберс не побагровел, а затем Чемберс вытащил нож и ударил его в живот. После этого мы все разбежались.

Я падаю назад, падаю на ступеньки, закрыв лицо руками.

— Почему он такой?

— Почему? — Мэтти ахает с широко раскрытыми глазами, казалось бы, ошеломленный моим вопросом. Как будто я должен знать, почему или что ответ очевиден. — Помимо того факта, что он твой брат, ты что, слепая?

Я качаю головой, вытирая слезы со щек.

— Что значит я слепая? Он мог умереть. И все ради чего? — Я поворачиваюсь лицом к Мэтти. Мои губы дрожат, когда я вытираю нос. — Чтобы защитить мою добродетель?

Слоун гладит меня по волосам.

— Я знаю, что ты не хочешь слышать это прямо сейчас, но эти мальчики, особенно Ройс, вознесли тебя на пьедестал так высоко, что никто и ничто не может коснуться тебя. — Резкий звенящий звук обжигает мои барабанные перепонки, когда осознание ее слов трогает меня. Я должна начать отдаляться от Ройса, чтобы спасти его от повторения той же ошибки. Он не умен, когда дело касается меня. Он иррационален, импульсивен и на грани психоза, но даже когда я думаю об этих словах, я знаю, что не могу дать ему то, в чем он нуждается. Это может быть эгоистично с моей стороны, но я просто не могу. Не сейчас.

Рука Мэтти обвивается вокруг моей шеи, притягивая меня ближе.

— Я слышал, что Чемберс сидит в тюрьме, его старик отказывается внести за него залог.

— Он всегда был хорошим человеком, — рыдаю я. Отец Чемберса — тренер нашей футбольной команды. Он хороший парень. Не знаю, что случилось с Чемберсом.

Я встаю со ступенек и направляюсь обратно к машине Ройса.

— Спасибо, Мэтти, — кричу я, открывая дверь. У меня были планы навестить Чемберса, но с ним в тюремной камере, я думаю, что сегодня буду спать спокойно.

— В любое время. Эй, Джейд? — кричит он, прислонившись к перилам крыльца. — Я знаю, что это дерьмовое время, но у меня день рождения через две субботы, не уверен, помнишь ли ты...

Я слегка улыбаюсь ему.

— Я знаю.

Его глаза на мгновение расширяются от шока. Мне мгновенно хочется ударить себя за то, что дала ему хоть какую-то надежду. Я должна быть осторожна, когда дело касается мальчиков. Если я пойду вперед с кем-то, это должно стоить того, чтобы быть объектом гнева Ройса. Мэтти просто — нет.

— В любом случае, у меня вечеринка, мы все катаемся на лыжах. Думаешь, тебе это понравится? Конечно, с твоей свитой.

Я сжимаю дверную ручку. *Ни за что.*

— Конечно, я подумаю об этом и посмотрю, как себя чувствует Ройс.

— Конечно. — Он подмигивает. — Увидимся, Слоун. — Он отмахивается от нас обоих, и мы проскальзываем обратно в машину.

— Боже, он такой милый. Почему не все парни могут быть такими, как Мэтти? — Слоун расслабляется в своем кресле.

— Вероятно, потому, что нам это было бы неинтересно.

Мы обе расхохотались, когда я повезла нас обратно к своему дому.

Jade

— Ройс... — Я ною. — Ты не можешь быть здесь. Ты должен быть в доме. — Моя ладонь яростно работает над моим телом, втирая скользкое масло по коже.

— Она права, ты, упрямый ублюдок. — Шторм надвигает очки на нос, на несколько секунд прекращая печатать, чтобы посмотреть на Ройса.

— Прошло одиннадцать дней. Отвали. — Мы с ним до сих пор мало говорили о том, что произошло на вечеринке. И о том, что произошло незадолго до этого, когда он хотел, чтобы я вернулась с ним на лодку, и не о том, что произошло после. Это было тяжело, потому что я, например, заметила перемену в Ройсе. Он стал немного более нервным. Не только со мной, но и со всеми.

— Ты же знаешь, Джейд, вечеринка Мэтти-это то, на что ты должна его пригласить! — невинно говорит Слоун, поднимая голову к солнцу и поджаривая свою и без того загорелую кожу.

— Что? — Шторм срывается, прежде чем Ройс успевает вставить хоть слово.

Слоун, должно быть, только сейчас поняла, что сказала, потому что ее пальцы сжимаются, а губы поджимаются между зубами.

— О, эм... — Или она сделала это нарочно.

Я закатываю глаза, как раз в тот момент, когда мой телефон звонит рядом с бутылкой воды. Я поднимаю его, открывая сообщение из Индии.

Индия: Эй, девочка, я надеюсь, что твой брат хорошо держится.

Я отправляю сообщение, в котором говорится, что он вернулся к своему придурковатому состоянию, и возвращаю его на землю.

Когда мои глаза встречаются с глазами Ройса, он смотрит на меня холодным, отстранённым взглядом и приподнятыми бровями.

— Что я теперь сделала? — говорю я, уже зная, что у меня неприятности. — Это была Индия.

Ройс отшвыривает меня.

— Не то, о чем я говорю, и ты, блядь, это знаешь.

Я свирепо смотрю на него.

— Я собираюсь уходить.

— Куда направляешься? — спрашивает Орсон, подпрыгивая баскетбольным мячом между своих долговязых ног. — Я только что видел Мэтти Би и сказал ему, что мы загрузимся и отправимся на его день рождения. — Все смеются, кроме Ройса. Как раз в тот момент, когда он собирается прервать наш смех, папа выходит из раздвижных дверей, насвистывая.

— Рой, на пару слов? — В его присутствии я складываю руки перед собой. Мне сразу становится неловко, и я не знаю почему. Ройс встает со стула и направляется в дом. Я смотрю на его удаляющуюся спину с болью грусти в груди. Я резко хмурюсь.

— Хей. — Орсон садится на край моего шезлонга. — Что это за хмурый взгляд?

Я забираю у него кожаный баскетбольный мяч и тренируюсь крутить его на кончике указательного пальца.

— Это Ройс. — Я бросаю взгляд в сторону двери, чтобы убедиться, что он не идет, прежде чем снова сфокусироваться на карих глазах Орсона. — Он немного не в себе после инцидента, и я не знаю, что это-мое или его.

Шторм переводит взгляд на Орсона, и я наблюдаю, как передо мной разворачивается безмолвный обмен репликами.

— Девочка, прекрати. Этого человека только что трахнули, временами он бывает угрюмым по натуре. Пусть он выздоровеет. — Слоун откидывается на спинку сиденья и прикрывает закрытые глаза очками от Версаче. — И в любом случае, не помогает то, что ты растешь до этих гребаных десяти баллов, и ему приходится отбиваться от всех придурков в школе.

— Он даже больше не ходит в нашу школу, — вмешиваюсь я, имея в виду, что все трое окончили ее несколько месяцев назад. У меня осталось всего пару месяцев с Орсоном и Штормом, прежде чем они начнут свою жизнь без маленькой надоедливой меня. — Вы, ребята, будете скучать по мне, когда уйдете? — Шторм поедет Браун, а Орсон летит в Лос-Анджелес, чтобы играть за их команду.

— Пожалуйста. — Орсон отмахивается от меня.

Шторм продолжает пристально смотреть на меня.

— Я буквально не смог бы забыть тебя, даже если бы попытался, герцогиня. Я имею в виду это от всего сердца. — Он произносит эти слова с пассивным выражением лица, стоическим и бесстрастным.

— Ну, это не очень убедительно, учитывая, что у тебя его нет.

Шторм постукивает себя по виску.

— Ах, она начинает понимать.

— Только у меня ушло почти десять лет, — ворчу я, расслабляясь в кресле.

— На самом деле, я думаю, что Ройс просто выздоравливает. Слоун права — на этот раз... — Орсон встает, снимает рубашку и бросает ее на стул. Его коричневая кожа блестит на солнце, в то время как высокие скулы возвышаются над мягкими губами, которые изгибаются вокруг прямых белых зубов. Орсон прекрасен. Безумно привлекательна. Такой мужчина, на которого почти все останавливаются, чтобы посмотреть.

Он проводит ладонью по-своему напряженному прессу.

— Я поговорю с ним.

Шторм приподнимает одну густую бровь.

— Действительно? — Я наблюдаю за разговором между ними двумя, и впервые за все время я чувствую, что что-то упускаю или что кто-то мне чего-то не говорит.

— К чему эти секреты? — спрашиваю я как раз в тот момент, когда Орсон ныряет в бассейн, а Шторм убирает свой ноутбук.

— Мы не храним секретов, помнишь? — Шторм четко объявляет об этом, бережно укладывая всю свою жизнь в сумку.

Я жду Ройса.

Но он не возвращается.

Позже той же ночью я сижу в своей комнате и слушаю музыку из динамика. Я все еще не видела Ройса с тех пор, как он исчез сегодня утром, когда мы были у бассейна. Только что

он был с нами, а в следующую минуту папа забирает его. Что-то изменилось в доме, и я до сих пор не знаю, как и почему. Поболтавшись со мной еще несколько минут, мальчики тоже вошли в дом. Я решила, что они собираются поболтать с Ройсом. Я не хочу писать им или стучаться в дверь Ройса. Я не хочу быть назойливой, даже если они меня раздражают.

Перевернувшись на бок, я подношу руки к лицу. Лучше бы завтра было лучше. Сегодня был полный отстой.

Роусе

Она не может знать. Оставить ее — значит искалечить меня, но у меня нет выбора. Не сейчас. Никогда. И не тогда, когда дело касается ее.

Jade

Я просыпаюсь на следующее утро с окоченевшими конечностями, вытягиваю руки над головой. Я надеюсь, что Ройс успокоился после того, что его расстроило. Я хочу сказать ему, что нам не обязательно идти на день рождения Мэтти — это было просто приглашение. Я всегда чувствую потребность успокоить его, но это только потому, что он в какой-то степени стал моей ответственностью, так же как я стала его. Мы оба заботимся друг о друге, мы всегда заботились.

Сбегая по лестнице и направляясь в гостиную, я ловлю маму и папу, стоящих перед камином и тихо разговаривающих. Их болтовня мгновенно обрывается, как только я вхожу.

— Доброе утро, — нервно говорю я, переводя взгляд с одного на другого. И снова возникает то же самое щемящее чувство. Что-то здесь не так.

Мама поворачивается ко мне лицом.

— Милая, я не хочу, чтобы ты... — Ее голос срывается у нее в горле, слезинка скатывается по щеке. Она вдыхает, а потом выдыхает. — Полиция будет здесь через секунду, и я бы хотела, чтобы ты не нервничала.

— Это довольно трудно сделать, когда ты стоишь там и совершенно ясно переживаешь, мама... — Мое сердцебиение учащается, ладони скользкие от пота, когда я скрещиваю руки перед собой. Мама всегда сдержанна, поймана в ловушку общества, в котором она думает, что совершенство-единственный способ существовать. Это не совершенство, это хрупкость. Вы даете человечеству оружие, которое можно использовать против вас, если все, что вы ожидаете, — это совершенство.

Ее нижняя губа сжимается между зубами, когда она заправляет свои светлые волосы за ухо. Я смотрю, как она тербит свои кольца, свой браслет, прежде чем вернуться к своим волосам.

— Это Ройс. Мы проснулись сегодня утром, а его нет. Его комната перевернута вверх дном... — Ее голос снова застревает в горле, и она идет в другой конец комнаты, чтобы собрать горсть салфеток. Прижимая их к носу, она громко дует. Раздается стук в дверь.

Папа встает между моей мамой и мной, не сводя с меня глаз. Тот же холодок пробегает по моему позвоночнику. Когда он проносится мимо меня, он двигается как в замедленной съемке. Его грудь доверительно выпячена, легкая улыбка с плотно сжатыми губами. Я понимаю, что он пытается успокоить меня, но ничто не поможет.

Мама берет меня за руку, но все движется медленно. Оказавшись в замешательстве от всего этого, я тяну ее за ладонь.

— Скажи мне, что происходит?

— Это Ройс, — бормочет она, вытирая слезы салфетками. — Он ушел, дорогая.

Jade

Четыре Года Спустя

— Для меня Аик — семья. — Должно быть, это самый употребляемый термин в истории. Семья. Пять букв, одно значение, но двустороннее. Семья может быть причиной, по которой вы кому-то доверяете, или это может быть причиной, по которой вы никогда больше никому не будете доверять. Я уже знаю, на какой стороне сижу.

Если вы изо всех сил пытаетесь заснуть ночью, кто-то думает о вас. Как якорь, тянущий твою душу, чтобы удержать ее в этом мире, в отличие от того, чтобы потерять себя в чистилище. Разве не это и есть состояние сна? Чистилище для твоей головы и всего того дерьма, которое происходит внутри нее? Место, где ваши демоны встречаются с вашим здравомыслием, и они борются за то, кто победит. Будут ли это ваши кошмары или реальность мира? Мне нравится думать о своей жизни как о чистилище, где каждый день я борюсь с обеими сторонами. От хорошего, плохого и демонов, от которых я не могу избавиться. К несчастью. Я бы сказала, что последние четыре года я исцелялась в чистилище, но это не так. Моя душа заперта в Аду, не желая двигаться дальше. Я блокировала людей, закрывалась и обращалась к вещам, которые я не должна была делать, чтобы утолить необузданный голод, который я испытываю к единственному человеку, которого я никогда не должна была потерять.

Слоун опускается на стул напротив меня в нашем любимом кафе в самом центре Сан-Франциско, прямо рядом с Рынком. Я не могу дождаться, когда наконец выберусь из Сан-Франциско. Чтобы вырваться из этого бесконечного цикла моего личного кошмара.

— Мы собираемся куда-нибудь на эти выходные? — спрашивает Слоун, пряча лицо за занавеской недавно выкрашенных рыжих волос. — Знаешь, последнее "ура" в районе залива, прежде чем на этот раз у нас будет еще много "ура" в колледже, *вместе*.

Ее логика не имеет смысла, так как мы уже проводим много времени на вечеринках в любое время, когда она дома. Последние четыре года я наверстывала упущенное. Застрять в том, в чем я могу, делая все, что я хочу. Слоун оставалась самой популярной девушкой в Стоун-Вью, даже когда она училась в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Я тоже неплохо справилась, но мы все знаем, что это из — за... него.

— Да, — быстро отвечаю я. — Мне нужно отвлечься в эти выходные. — Сегодня вечер пятницы, но это не та причина, по которой мне нужно отвлечься. Это дата, которая назначена на эту пятницу.

Ее рука ложится на мою, уголки ее голубых глаз сморщиваются по краям. Слоун уже не та девушка, какой была раньше. Она старше, полнее, сексуальнее. Она не какая-нибудь наивная маленькая дворняжка, которая хочет общаться со всеми горячими людьми в школе. Теперь она отпугивает их, обнажая зубы.

— Мне жаль. Сколько времени прошло с тех пор? — К нашему столику подходит официант.

— Четыре года, — бормочу я, прежде чем отвлечься на кофе. — Могу я заказать латте с карамелью, пожалуйста.

Слоун заказывает свой, прежде чем оглянуться на меня.

— Может, сменим тему?

Я киваю.

— Да. Насчёт этих выходных... — Мне никогда не нравилось говорить о нем. На самом деле, я прожила четыре долгих гребаных года, даже не прошептав его имени.

Я зла. Ранена. Но в основном зла.

Слоун начинает болтать о том, что она хочет, чтобы мы сделали, и как мы должны это сделать. Я не удивлена, услышав, что Мэтти дома и устраивает вечеринку в пляжном доме своих родителей. В том, что касается Мэтти, мало что изменилось. Все еще с той же девушкой, учится в Калифорнийском университете со Слоун, и все еще самый большой тусовщик в Стоун-Вью. Мы продолжаем обсуждать наши планы, пока я потягиваю латте, миску жареного чили и шоколадный торт. Когда нам обоим пора отправляться домой, я целую ее на прощание и направляюсь к своей машине.

Отвлечение — это ключ, который открывает разбитую душу. Я включаю музыку в своем BMW на всю дорогу домой. *Главная*. Большие белые колонны изящно поддерживают особняк в стиле плантации старой школы, столь необычный для стандартной архитектуры Сан-Франциско. Ухоженная трава пробуждается к жизни, а россыпь ярких цветов придает, в остальном простому стилю многомиллионной недвижимости, версию жизни. Все в точности то же самое, хотя и не является в точности тем же самым. Я смотрю на этот дом новыми глазами с тех пор, как он ушел.

Вздыхнув, я тянусь за сумочкой и вылезаю из машины. Я не могу дождаться, когда меня здесь не будет.

— Джейд? Это ты? — спрашивает мама, когда я захопываю входную дверь. Я надеялась проскользнуть незаметно, но мне чертовски не повезло. Как обычно.

Я бросаю сумки у входной двери, снимая шарф. Мама немного изменилась за последние четыре года, став более материнской. Я думаю, что она очень сожалеет о том, что произошло с ним, и теперь она пытается загладить это со мной. Это утомительно.

Когда я вхожу на кухню, я ловлю ее с деревянной ложкой, зажатой в ее нежной руке, помешивающей тесто для торта в двух больших мисках. Ее светлые волосы теперь остро подстрижены и небрежно свисают до подбородка.

— Ты будешь дома к ужину сегодня вечером?

— Эм. — Мои глаза опускаются на пальцы ног. Ярко-синие ногти. Мне нравится голубой, он напоминает мне океан. Спокойствие и звук сердитых волн, разбивающихся о послушный влажный песок. Мне всегда нравился вызов океана. Он угрюм, красив и может убить тебя, если ты недостаточно умен, чтобы справиться с его потоками. — Я думаю.

Я знаю, что мне повезло, что меня приняли в семью, которая на самом деле кормила меня. Искупала меня. И платила за все и вся, чего только могла пожелать. У них были деньги. Они предложили мне теплый дом и еду в моем голодном животе. Я считала, что мне повезло. Я хорошо знала, как это бывает у некоторых приемных детей. Но должны ли мы действительно сравнивать нашу жизнь с несчастными случаями других людей? Я думаю, что нет.

— Отлично! — Мама прерывает мои запутанные мысли. Ее глаза блестят, щеки

пылают. Что-то не так. Печали, которая всегда омрачала ее, больше нет. Ее движения не вялые, в ее походке есть подпрыгивание. Это почти как если бы... — Ройс дома.

Я замираю, мои руки застывают над бутылкой с водой. Такое чувство, что вся моя кровь покидает мое тело, когда мой рот открывается. *Она не просто сказала то, что ты подумала, Джейд. Твой мозг снова в чистилище.* Мое сердце колотится так быстро, что я не могу вдохнуть ни капли кислорода. Я собираюсь перестать дышать.

— Что? — Мой тон громкий, слоги достаточно резкие, чтобы порезать любого, кто снова произнесет это имя. Я стряхиваю с себя мгновенные мысли и возвращаю свои глаза к ее. — Он возвращается домой?! — Я делаю большие глотки воды, чтобы моя паника не отразилась на моем лице. *Нет, Нет, нет.*

— Сегодня его день рождения, Джейд. Я думала, ты вспомнишь. Он твой брат. Да, он возвращается домой. Я просто, — слезы текут по ее щекам, — Так счастлива, Джейд. Я думала, он покинул нас навсегда.

Как и я. Мой брат, который бросил меня. *Он, блядь, бросил меня.* Бросил меня, как и всех остальных. Он был не лучше.

Я подавляю воспоминания, которые начинают всплывать на поверхность моего мозга. Грусть, которую его имя оставило в моем сердце, слишком велика для моей хрупкой души, чтобы справиться с ней прямо сейчас. За эти годы я притворялась, чертовски хорошо, и я делаю много вещей, чтобы отвлечься от признания своих чувств, но ничто, и я ничего не имею в виду, не приближается к прикосновению Ройса, блядь, Кейна. Даже когда его здесь нет физически, он все еще внутри меня. Живущий. Существующий.

Предательство.

— Я так давно его не видела, — это все, что мне удастся сказать, не в силах осознать, что происходит прямо сейчас.

Он, блядь, бросил меня.

Мама нетерпеливо кивает, снова принимаясь за перемешивание. Ванильное, без сомнения. Любимчик Ройса.

— Я знаю. Прошло четыре года, поэтому мы хотим приветствовать его возвращение домой с распростертыми объятиями. Боже, Джейд. — Она поворачивается ко мне лицом, ее глаза наполняются слезами. — Я так счастлива, что он возвращается домой.

Я тоже хочу быть счастливой, если бы он не был таким куском дерьма, что ушел. Я была ребенком, когда меня отдали на воспитание в семью Кейнов. Они приняли меня как свою, и даже Ройс притянул меня к себе и обращался со мной так, как будто я была его настоящей сестрой. Он был для меня всем, и, будучи на три года старше меня, я смотрела на него снизу вверх. Он заботился обо мне каждый божий день, пока я была в этом доме. Всю свою жизнь я наблюдала, как каждый мальчик поклонялся ему, и каждая девочка хотела его. Я не делала ни того, ни другого, но моя душа нуждалась в нем. Пока он не бросил меня. Одну. В этом доме.

Я ненавижу его.

Я поднимаю свое грустное настроение наверх, жалея, что не могу перемотать этот день вперед. Или вернуться назад в то время, когда я родилась, и просто не родиться.

Как только я достигаю двери своей спальни, я распахиваю ее и падаю на кровать. Перья внутри моего одеяла обвиваются вокруг моего миниатюрного тела, а мои длинные каштановые волосы рассыпаются вокруг головы. Эта комната хранит так много воспоминаний о нем и обо мне. Весь этот дом хранит их. Сама его спальня остается

нетронутой, и иногда, когда становится плохо, я сплю в его постели. Его комната похожа на зарядку для моей души, когда кто-то другой опустошил бы ее.

Я собираюсь увидеться с Ройсом сегодня вечером.

Я не хочу видеть Ройса сегодня вечером.

Я так долго хотела его, плакала по нему каждую ночь, пока слезы не защипали уголки моих глаз, а губы не потрескались от обезвоживания. Теперь, когда я знаю, что он возвращается домой, я не хочу его. Я злюсь на него. Как будто эти четыре года ничего не сделали, чтобы ослабить мой гнев. Время только купало его, держало под контролем.

Я вздыхаю, вытаскиваю телефон и просматриваю свой плейлист. Я включаю старомодную песню Guns N' Roses и проскальзываю в свою ванную, нуждаясь в том, чтобы смыть дневной пот с моей кожи.

Черный. Это мой любимый цвет. Не потому, что это стройнит — мне не нужно выглядеть стройной. Но потому, что это тот цвет, который вы можете носить, когда вам вообще не нужно прилагать никаких усилий. Например, прямо сейчас. Я не хочу прикладывать никаких усилий, хотя мама, без сомнения, будет носить Prada. Блудный сын возвращается. Я натягиваю пару обтягивающих черных узких джинсов и свободную черную рубашку. Ее тонкие ремешки цепляются за мои хрупкие ключицы. Я всегда крашусь. Мне нравится все, что связано с макияжем, и то, как вы можете искусно наносить его, чтобы создать другой образ. Но сегодня вечером я довольствовалась кремом СС и легкой тушью для ресниц, собрав свои длинные волосы в высокий хвост. Я просто хочу, чтобы с этим покончили.

Мой телефон начинает вибрировать на прикроватном столике, я беру его, отвечаю.

— В чем дело?

— Хорошо, мне нужно задать тебе вопрос... — Слоун мурлычет в трубку. Она, наверное, уже пьяна.

Я колеблюсь.

— Уверена?

— Мэтти и Рэйчел расстались. Будет ли с моей стороны дерьмово, если я ударю ее, даже если она нам не друг? — Она определенно пьяна. — Я знаю, что у вас с Мэтти тоже была эта неловкая вещь... — Мы с Мэтти были никем, но я также знаю, что Слоун тосковала по нему с тех пор, как ушел Ройс. — Ничего, о чем ты думаешь, и мы были детьми, Слоун. Чтобы ответить на твой вопрос, делай, что хочешь, пока ты уверена, что они не вместе. — Вот-вот поступит на первый курс колледжа, а она все еще спрашивает о Мэтти. — Если ты хочешь его, он твой.

Слоун вздыхает.

— Ладно. Я думаю. Просто мы все знаем, что он всегда был влюблен в тебя.

Я закатываю глаза, прижимая телефон к плечу.

Она продолжает.

— Хочешь сходить за жареной картошкой?

— Эм, я вроде как не могу. — Я ловлю свое отражение в зеркале, и осознание снова захлестывает меня.

— Почему?

Я слышу глубокое рычание громкого двигателя, съезжающего с нашей подъездной

дорожки—это гребаный мотоцикл?

— Поговорим позже. — Грохот низкий, разносится по моей комнате, как тихая бьющаяся симфония. Он достаточно тяжелый, чтобы раздавить тебя.

— Джейд! — кричит моя мама из кухни. — Внизу.

Я быстро надеваю свои угги и даю себе еще один раз, прежде чем засунуть телефон в задний карман и спуститься вниз. Спускаясь, я вижу, как люди собираются у входной двери, но до последней минуты не поднимаю глаз.

— Прости, я... — я делаю паузу.

Там, передо мной, стоит Ройс Кейн. Мой живот ударяется об пол, и мои щеки вспыхивают. Я чувствую, как моя кровь отливает до кончиков пальцев ног, когда наши глаза встречаются. Мое сердце замирает в груди. Ненависть все еще там, гнев и боль, но теперь происходит что-то еще. Кое-что, что я еще не готова признать. Его льдисто-голубые глаза. Холоднее Атлантического океана, но жарче, чем в преисподней. Его темные, непослушные волосы выглядят так, словно его руки расчесывали их слишком много раз, а его большое, худощавое тело возвышается над всеми в комнате — включая саму комнату. У него татуировки по всей коже, которую я вижу. Ройс Кейн не просто выглядит плохим мальчиком. Ройс Кейн выглядит как плохой человек. Он не избалованный богатый мальчик, играющий с каждой девочкой в школе. Он... другой. Его острая челюсть чисто выбрита, иллюстрируя каждую линию его идеально сложенного лица. Его прямой нос и мягкие губы. *Дерьмо. Двойное гребаное дерьмо.* Он еще чертовски сексуальнее, чем был в молодости.

Он одет в свободные выцветшие дизайнерские джинсы, военные ботинки и повседневную черную рубашку. Но что-то на его рубашке привлекает мое внимание. Ну, на самом деле мне бросаются в глаза две вещи...

Во-первых, вышитая нашивка, которая вшита на его левую грудь.

Мотоциклетный клуб "Волчья стая".

А во-вторых, я почти уверена, что Ройс Кейн ненавидит меня.

Мои глаза горят оттого, что я не моргаю. На этот раз его хмурый взгляд сочетается с мрачной ухмылкой, которая расползается по его распухшим губам.

— Ну, разве ты не выросла...

Ройсе

Я не собираюсь врать, видеть, как она извивается в моем присутствии, очаровательно. Она была моим гребаным миром в тот день, когда ее маленькая печальная душа вошла в наш дом. Я имею в виду, я хотел брата, но Джейд была и вполнину не так плоха, как я думал, когда у меня была младшая сестра. Она ненавидела кукол Барби и предпочитала грузовики-трансформеры. Больше мне не на что было жаловаться, пока у нее не выросли сиськи.

— Герцогиня. — Я ухмыляюсь, выкидывая ее прозвище. Я любил эту маленькую дрянь, когда она росла. Теперь я не могу. Я не буду.

Она вздрагивает от использования своего прозвища, и я также не пропустил сканирование, которое она провела по мне, как только увидела меня. Затем я увидел, как кровь отхлынула от ее лица, когда она прочитала мою надпись на груди.

— Отлично! — говорит мама, хлопая в ладоши. — Ужин готов. — Она берет меня за руку, как будто я вернулся после выходных, а не четырех гребаных лет. — Ройс, пожалуйста, скажи мне, что ты не присоединился к банде мотоциклистов...

Я высвобождаюсь из ее объятий и следую за ней, пока папа замолкает на маминой тираде, а Джейд идет чуть позади меня.

Когда наши родители оказываются вне пределов слышимости, я слегка поворачиваю голову через плечо с самодовольной ухмылкой.

— В чем дело, герцогиня, ты не скучала по мне?

Ее глаза встречаются с моими, в них мелькает вызов, прежде чем исчезнуть.

— Никогда.

Я хихикаю, поворачиваясь к ней лицом. Как раз перед тем, как мы собираемся свернуть на кухню, я ударяю руками по стене, прижимая ее к ней и запирая в клетке. Кончик моего носа скользит по ее щеке, когда я вдыхаю ее сладкую, невинную плоть. Она как глоток свежего воздуха после того, как я был лицом вниз в киске клубной девушки. Только ее воздух, блядь, пропитан ядом.

— Ты должна бояться, герцогиня. Ты больше не в безопасности от меня. — Мои глаза опускаются вниз по ее маленькому телу, отмечая мягкие изгибы, которые простираются над ее хрупким телом.

— Вы двое! — Папа звенит из столовой. — Почему так долго?

Напряженный ублюдок.

Я отталкиваюсь от стены, прекрасно зная, что нас никто не видит. Чертовски ненавижу своих богатых родителей и их богатый дом.

— Возможно, ты прав, Ройс. — Она расправляет плечи и смотрит мне прямо в глаза. — Но я тоже не та девушка, которую ты бросил.

— Ах, да? — Я ухмыляюсь, проводя языком по нижней губе. — Как так?

— Теперь у меня есть зубы. — Она протискивается мимо меня.

Прежде чем я успеваю схватить ее за маленькую попку и прижать к стене, мой телефон

вibriрует в заднем кармане. Я не утруждаю себя тем, чтобы сказать старику, что буду через секунду, потому что он знает, что я буду через секунду.

— Что?

— Ах, — бормочет Флаф. — Я застал тебя в неподходящее время? — На заднем плане слышится шарканье. — Извини, Псих, просто Лайон сказал мне, что я могу позвонить тебе по поводу... — Флаф, наш новый потенциальный клиент, заикается на другом конце провода.

Я пытаюсь сосчитать до гребаных десяти, потому что мой старый психотерапевт однажды сказал, что это поможет. Тот же самый терапевт, которого я использовал, чтобы наклоняться над ее столом каждый месяц, пока она не капала на мой член и не называла меня папочкой, так что... может быть, она ошибалась. Позволить мне приблизиться к твоей киске-это не то, что позволила бы себе умная женщина. Я бы разбил тебе сердце сразу после того, как сломаю твои яичники.

— Что это? — Я срываюсь. — Ты знаешь, что я в отъезде, так что лучше бы это была гребаная чрезвычайная ситуация.

— О, это так. Прости.

— Прекрати, блядь, извиняться.

— О, верно, ах, итак, Ру подстрелили, и мы задаемся вопросом, что нам делать.

Моя челюсть напрягается.

— Это смертельная рана?

Раздается еще какое-то шарканье, а затем раздается голос старого осла Лайона. Лайон-президент нашего клуба. Как он получил это имя — долгая, блядь, история. Мое — Псих, и это тоже... долгая, блядь, история.

— Всегда могу рассчитывать на то, что мой вице-президент вложит страх Божий в перспективы. — Лайон хихикает в трубку.

— Может быть, тогда нам нужно переоценить, кому мы позволяем волочить ноги по нашему клубу.

— Я думаю, что Флаф — это хороший вариант. Ты просто должен быть милым.

— Я никогда не бываю милым. Ты это знаешь.

Он снова хихикает, и я могу только представить сигару, свисающую между его хрупкими губами.

— Это смертельно? — снова спрашиваю я, вздыхая.

— Это не так. Просто хотел напугать Флаффи. Ты заставляешь его нервничать. Я думаю, что он на самом деле обдывается каждый раз, когда ему приходится с тобой разговаривать. Как поживают родители?

— То же самое, то же самое. Я вернусь завтра утром.

— Да, хорошо, — ворчит Лайон. — Есть что-нибудь, что мне нужно знать? — Этот вопрос не сбивает меня с толку. Лев (Лайон) всегда спрашивает об этом. Чертов сверхчувствительный придурок.

— Если бы ты знал, ты бы знал. — Я вешаю трубку и возвращаюсь на кухню, отодвигаю стул напротив Джейд и опускаюсь на мягкую кожу. Я не отрываю от нее глаз.

Она берет свой стакан с водой и опустошает его одним глотком, изо всех сил стараясь не смотреть на меня.

— Сынок, как у тебя дела? — спрашивает мой отец рядом со мной, разрезая свой стейк. Мы погружаемся в разговор о нормальном дерьме, которым я когда-то увлекался. Я

чувствую себя плохо, черт возьми. Мне было плохо в тот день, когда я ушел от них всех с намерением никогда не возвращаться. Этот мальчик с проблемами в поведении превратился в мужчину с проблемами. Настоящие гребаные проблемы. Но до недавнего времени я ловил себя на том, что мне приходится тащить свою задницу обратно в этот дом по той самой причине, по которой я, блядь, ушел.

Ее.

— Ройс, — бормочет моя мама, вытирая рот льняной салфеткой и изящно кладя ее на стол. — Пожалуйста, скажи мне, что ты не вступил в мотоциклетный клуб.

Папа замолкает рядом со мной.

Мои глаза находят Джейд, которая не смотрит на меня самодовольно, ей больше скучно. Пустая и невыразительная. Она всего лишь гребаная тень той девушки, которую я когда-то знал. Она хочет быть здесь не больше, чем я. Когда мы были детьми, она светилась, даже когда мы ссорились. Был огонь, который осветил ее ауру. Теперь этот огонь, кажется, сгорел.

— У меня он есть. Я там уже четыре года, ма.

— Где это и почему, Ройс?

Я бросаю салфетку на тарелку. Думаю, мы делаем это сейчас.

— ЛА. Не слишком далеко от тебя. — Мои глаза встретились с глазами Джейд. — Но достаточно далеко.

— Ты ничего не собираешься сказать, Джейд? — Моя мать громко ахает, глядя на Джейд. — Вы двое всегда были так близки...

Джейд давится водой. Ни для кого не было секретом, насколько мы с Джейд были близки. Все называли Джейд моей любимицей. Она всегда висела у меня на руке, желая делать все со мной, Орсоном и Штормом, и она была единственной, кому это было позволено. Разозлил многих сук тот факт, что они не могли поехать с нами, но моя маленькая приемная сестра могла, но они справились с этим. Джейд тоже каждый год готовила мне торт на день рождения, они с мамой на кухне устраивали беспорядок, в то время как папа всегда был в отъезде, занимаясь всяким деловым дерьмом.

— Мне нечего сказать, — бормочет Джейд. — Вообще-то, можно меня извинить? — Мама щелкает запястьем, соглашаясь, и Джейд шаркает из столовой, мои глаза не отрываются от нее. Когда она трусцой поднимается по лестнице, я наблюдаю, как ее задница подпрыгивает при каждом шаге.

Я прикусываю губу и ухмыляюсь. Если бы она не была моей приемной сестрой, я бы припарковал это на своем дерьме по крайней мере на два рабочих дня.

— Кайл? — Моя мама указывает на моего старика.

Он смотрит на меня, а я смотрю на него и всю ту неловкую чушь, которая случается всякий раз, когда кто-то попадает в беду.

— Мама? Мне, блядь, двадцать два года. Мне не нужно, чтобы ты нервничала. Я выживал один, со своими братьями, в течение четырех лет.

— Это не имеет значения, Ройс! Я была так напряжена. У тебя... — У нее начинают слезиться глаза, и я впервые смотрю на нее. Действительно, блядь, посмотрел на нее. Она сильно постарела с тех пор, как я уехал. С короткими волосами, уложенными вокруг подбородка. Морщины прорезают изгибы вокруг ее глаз, но мы все знаем, что ей делают уколы на лоб.

— Прости, ма... Это не входило в мои планы.

— Так что же произошло? — спрашивает мама, наконец поднимая на меня глаза.

— Я не могу говорить об этом с тобой.

Она вздыхает, встает и убирает со стола.

— Ну, я надеюсь, что ты, по крайней мере, будешь навещать меня чаще.

Я стою рядом с ней, глядя на своего старика, который внимательно наблюдает за мной.

— Без тебя дом был очень пустым, мальчик... — Папа, с другой стороны, хорошо выглядит для своего возраста. Но с другой стороны, он всегда так делал, черт возьми. Если бы только привлекательная внешность и обаяние могли скрыть то, что скрывается за диким бизнесменом, которым является Кайл Кейн.

Я бью его по руке, немного неровно.

— Сколько ты жмешь?

Он качает головой и смеется.

— Больше, чем ты. — Я иду на кухню и помогаю маме мыть посуду.

— Где Луиза? — спрашиваю я, гадая, где горничная. Она всегда ходила своей старой задницей по нашему дому, делая все то дерьмо, которым должна была заниматься моя мама, вместо того, чтобы ходить по магазинам со своими друзьями.

Мама вздыхает, ставя тарелку за тарелкой в посудомоечную машину.

— Я отпустила ее вскоре после того, как ты ушел. Я не хотела повторять те же ошибки, что и с тобой, с Джейд тоже.

Ее взгляд устремляется к фасаду дома, где огибает огромный гараж.

— Она кричала о тебе каждую ночь в течение первого года, просыпаясь в поту. А потом все просто прекратилось. Как будто она сдалась.

Мои губы сжимаются вместе. Хотел бы я сказать, что мне было похуй, но я этого не сделал. Я сочувствовал той герцогине, а не этой, которая сейчас сидит своей дерзкой маленькой задницей наверху.

— Да, ну, дерьмо изменилось...

Мама подносит руки к моим щекам.

— Не будь незнакомцем. Это приказ. И когда ты будешь готов, я буду здесь, если ты захочешь поговорить о том, что случилось.

— Конечно, ма.

Этого, блядь, не случится.

После того, как я помог маме прибраться, я прощаюсь с ними обоими, а затем направляюсь к своему мотоциклу. Перекинув ногу через свой Дайна-Глайд, я пинком возвращаю ее к жизни и слушаю, как она урчит подо мной. Засовывая сигарету в рот, краем глаза я замечаю свет в спальне Джейд. Единственный свет, который горит на этом уровне. Я выпускаю облако дыма.

Скоро наступит день, когда твоя задница будет сидеть в моем клубе, и это будет не по твоей воле.

Jade

— Ты счастлива, что мы наконец-то учимся в одном колледже? — бормочет Слоун, надвигая солнцезащитные очки на глаза, когда она плывет над водой, любезно предоставленная нашему надувному единорогу. У нас были планы пойти куда-нибудь сегодня вечером, но я раздавила их после появления Ройса несколько дней назад. Он вывел меня из равновесия.

— Так и есть. — Я брыкаюсь ногами в воде, чтобы отойти подальше от края.

Она снимает очки, ее глаза смотрят на большой дом позади меня.

— У меня от этого места мурашки по коже.

Я пожимаю плечами.

— Ты не одинока. Может, пойдем за едой?

— Я серьезно просто не могу дождаться, когда уберусь к чертовой матери из Сан-Франциско и вернусь в Лос-Анджелес.

Я смеюсь, брызгая на нее водой.

— Все не так уж плохо...

Но она права. Я тоже не могу ждать. Мы обе вылезаем из бассейна и хватаем наши полотенца, и я оборачиваю одно из них вокруг своего тела, прежде чем выжать лишнюю воду из своей густой, длинной гривы. Я позволила ей вырасти намного больше с тех пор, как ушел Ройс. Не знаю почему, но его имя застряло у меня в голове и не уходит. Не то чтобы оно совсем исчезло за последние четыре года, но оно закипело. В некотором роде.

— Хорошо, итак. Я знаю, что ты не хочешь говорить о трио, но ты смотрела игру Орсона прошлой ночью?

Мои мысли уносятся в космическое пространство при упоминании одного из моих братьев.

Я киваю, открываю крышку своей бутылки с водой и делаю глоток.

— Никогда не пропускаю игру.

— Чувак, он потрясающий. И чертовски сексуален, как никогда... и...

— ...почти женат. — Я смотрю на нее прищуренными глазами. Орсон собирается жениться на Индии со школьной скамьи. По иронии судьбы, она оказалась дочерью повара, которого нанял его отец, и именно поэтому она появилась на вечеринке в тот вечер. Очевидно, они тоже учились в одной школе. Милые. Для некоторых людей это просто срабатывает.

Слоун стонет, топая ногой, когда мы возвращаемся в дом.

— Но он действительно такой? Я имею в виду, что только потому, что у них будет совместный ребенок, я не понимаю, почему они должны жениться.

Я качаю головой, ругая Слоун.

— Он буквально влюблен в нее. Он мне все время, блядь, говорит, и она хорошая женщина. Прекрати это. Брось Орсона. — Во-первых, потому что мне не хочется говорить о нем в том смысле, это возвращает мысли о том, что я видела Ройса только вчера вечером, и,

во-вторых, я только начала снова разговаривать с Орсоном и Штормом после того, как они ушли, чтобы продолжить свою жизнь. Они не хотели оставлять меня так скоро после Ройса, но, похоже, у них не было выбора. Они должны были жить своей жизнью и делать то, что им нужно было делать. Я все равно не уверена, что кто-то из них действительно мог бы мне помочь. Я любила своих братьев, но была уверена, что их присутствие только усилит боль, которую Ройс причинил своим отсутствием. Как постоянное напоминание о том, что у меня было и что я потеряла.

— Хорошо. — Слоун хихикает, пинком закрывая за собой мою дверь и направляясь к спортивной сумке, которая стоит в конце моей кровати. — Но напиши Мэтти, чтобы узнать, что он делает, раз мне скучно. Нам нужно выпить по последнему стаканчику SF, потому что я никогда сюда не вернусь.

После ухода Ройса я стала оболочкой той девушки, которой была когда-то, и не думаю, что когда-нибудь снова найду тут дом. Мои друзья делали все возможное, но это не помогало, когда все, чего я хотела, был он.

Jade

— Давай, Джейд! — кричит мама снизу. — Мы опоздаем, если не отправимся в путь прямо сейчас. Это долгая поездка. — Я люблю свою маму. Я согласилась остаться и отучиться на первом курсе в Стэнфорде после того, как у нее случился первый приступ паники. Мне потребовалось некоторое время, чтобы убедить ее, что она не теряет “обоих” своих детей и что посещение Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе всегда было моей конечной целью. Я хотела быть со Слоун и уехать *подальше* от района Залива. В конце концов, она пришла к этой идее, но была непреклонна в том, что она направляла.

— Иду! — кричу я, перекидывая рюкзак через плечо. Я в последний раз оглядываю свою спальню. Темно-фиолетовые стены превратились в обгоревшую сирень; кровать не застелена. Я совсем не буду скучать по этому. В моей голове проносятся воспоминания.

Кровать.

Стены.

Запах.

Как только я спускаюсь вниз, я открываю дверцу машины и пристально смотрю на нее.

— Ты же знаешь, что я вполне способна вести машину сама? Вот почему ты купила мне этот симпатичный BMW M8 Grand Coupé. Ты знаешь. Чтобы я могла водить эту смехотворно дорогую машину и быть в безопасности.

Она отмахивается от меня, пристегивая ремень безопасности на пассажирском сиденье.

— Чепуха. Я собираюсь лететь домой. Это прекрасно сработает.

На шоссе произошла авария, которая еще больше увеличила наше время в пути. Поездка была долгой. Так чертовски долго, что в итоге мы остановились на ночь, чтобы разорвать поездку пополам. Но сегодня воскресенье, и я здесь. Окончательно.

Я захлопываю дверь и улыбаюсь маме.

— Я так горжусь тобой, милая, — шепчет она, не сводя с меня глаз. Я люблю свою маму. В ней есть все, о чем только может мечтать девушка, но она не идеальна. Ни один родитель таковым не является, только мой подвел меня немного больше, чем большинство.

— Спасибо, мам. Я ва....

Я слышу позади себя громкий грохот мотоциклов, но не оборачиваюсь. В этом нет смысла. Это будет не он, и байкеры, очевидно, тоже учатся в колледже.

Байки останавливаются прямо возле моей машины, и лицо моей мамы бледнеет, прежде чем широко расплывается в улыбке. Я уже знаю, что она собирается сказать, прежде чем его имя слетит с ее губ.

— Ройс?

Я закрываю рот, все еще отказываясь поворачиваться лицом к звукам.

— Я не ожидала вас — всех вас...

— Привет, ма, я подумал, что приеду проводить свою младшую сестру в ее первый день

в новом колледже. Знаешь, наверстывая упущенное за эти годы... — Его голос был как шелк в дурном сне. Вы знали, что не должны слушать, как он колышется на ветру, но вы не можете не быть загипнотизированы им.

Я, наконец, поворачиваюсь к нему лицом, но на мгновение меня сбивает с толку то, сколько байкеров стоит за ним, а также пожилой мужчина на байке сбоку. На всех них одинаковые кожаные жилеты.

— Спасибо, Ройс, но в этом действительно не было необходимости... — Я пытаюсь сдержать язвительность в своем тоне, но я не шутила насчет зубов... Он мне, блядь, больше не нужен, и уже чертовски поздно. Гнев пронизывает меня до кончиков пальцев.

Ройс сует сигарету между ухмыляющимися губами, склонив голову набок, наблюдая, как люди толпятся.

— Нет, герцогиня, это действительно было...

Я вздыхаю, потому что, честно говоря, я не могу трахаться, споря с ним прямо сейчас.

— Ну, спасибо... — Мой взгляд скользит по всем парням. — Теперь ты можешь уйти.

Он снимает шлем, бросает сигарету на землю и тушит ее.

— Я провожу тебя.

— Ройс, — говорит мама. — На пару слов?

— Не сейчас, ма, я же сказал тебе, что приеду навестить тебя в следующие выходные. Я здесь только для того, чтобы убедиться, что Джейд устроится.

Я облизываю губы, закатывая глаза.

— Хорошо. — Я бросаю свой рюкзак ему в грудь. — Ты можешь нести это. — Раздается несколько ворчаний и смешков от его друзей, но я игнорирую их всех и направляюсь к парадным дверям. Есть еще одна причина, по которой он здесь. Ему плевать, как я устроюсь. Он больше не Ройс Кейн. Он большой плохой байкер с большими плохими друзьями и с дырой размером с Марс в груди, где раньше было его сердце.

После того, как мы забираем детали о моем общежитии у снобистки в главном фойе, мы поднимаемся по лестнице и находим мою комнату. Друзья Ройса, очевидно, все хотели остаться внизу. Кроме одного. Его зовут Джипси, и он должен быть примерно того же возраста, что и я, или между мной и Ройсом. После его очевидного интереса к каждой девушке стало ясно, почему он здесь. Извращенец.

— Псих, твоя сестра горячая штучка. В ней есть вся эта экзотическая штука, которая происходит с ней.

Я поворачиваюсь лицом к ним обоим, мои глаза пронзают Джипси. Как раз в тот момент, когда я собираюсь выругать его и послать к черту, я впервые за сегодняшний день смотрю на него. Молодой, со светло-каштановыми вьющимися волосами и дерзкой улыбкой. Это соседский мальчик в кожаном мотоциклетном жилете. Я могу себе представить, что он привлек бы к себе больше внимания, чем уделил бы.

— Ты не в моем вкусе. — Я поворачиваюсь к своей двери, вставляя ключ. — И кто такой Псих?

— Мы позаботились о том, чтобы у тебя была своя комната... — говорит мама, прерывая мой вопрос и указывая на двуспальную кровать.

— Каким образом? — удивленно спрашиваю я.

Мама пожимает плечами.

— Мы убедительны.

Мое сердце замирает.

— О. — Конечно. Деньги равны власти, и у Кейнов есть все это.

— Хей. — Рука Ройса касается моего подбородка, поднимая мое лицо к своему. — Я буду навещать тебя каждые выходные.

— Ройс? — бормочу я, хотя его хватка так крепка, что мои губы выпячиваются.

— Что? — спрашивает он, его глаза изучают мои. Это нужно прекратить. Я ненавижу его.

Он бросил меня.

— Действительно, в этом нет необходимости. У меня здесь тоже Слоун и Мэтти. Мне не нужно, чтобы ты берег меня здесь, как делал это дома.

Он смеется, отступая в сторону.

— Ты не знаешь, как я теперь держу своих домашних животных.

Я с вызовом поднимаю брови, скрестив руки на груди.

— И как это происходит?

Он пронзает меня простым взглядом.

— Я не знаю. — Затем он переводит взгляд на маму, его фальшивая улыбка очевидна. — Я присмотрю за ней.

Мама кивает, притягивая меня к себе для последнего объятия.

— Ладно. Мне лучше отправиться в аэропорт. Я планировала провести день с тобой, но все это движение задержало нас.

— Все в порядке, мам. Я люблю тебя, — шепчу я, крепко сжимая ее.

— Я тоже тебя люблю.

До того, как я поступила в Стэнфорд, и когда я сказала родителям, что буду учиться, чтобы получить медицинскую степень, я наполовину ожидала, что они усомнятся во мне. Много. Но они этого не сделали. Выбор был между этим или политической наукой. Политика была моим планом Б, если я не поступлю в мед. Я знала, что также могла бы стать великим политическим консультантом, но мое сердце и страсть горели не там. Я благодарна, что поступила в медицинскую школу, даже если я знаю, что это будет долгий, утомительный путь, я все равно хочу его пройти.

Мама уходит, и я остаюсь в комнате наедине с Ройсом и Джипси.

— Рой, я серьезно. Тебе не нужно быть здесь.

Он плюхается на мою кровать, опершись на локти. Он чертовски красивее, чем я его помню. У него красивые черты лица, но потом кто-то подошел и вырезал в них все острые углы. Татуировки только подчеркивают его индивидуальность. Как будто он всегда должен был носить татуировки. Его голубые глаза блуждают по моему лицу, а густые, как перья, ресницы веером расходятся по напряженным скулам. Это чертовски несправедливо. Почему он должен выглядеть так, как он выглядит? И черт возьми, он явно тренируется с тех пор, как уехал. Он всегда был высоким и худощавым, но то, как вены на его шее и руках набухают до поверхности кожи, говорит мне, что в эти дни он относится к тренировкам более серьезно.

— Ах, я знаю.

— Почему? — спрашиваю я, открывая коробку, одну из шести. Мне нужно заняться чем-то другим, а не тарачиться на него. — Почему тебя это волнует?

Он, кажется, обдумывает мои слова, его глаза сканируют меня с головы до ног.

— Потому что ты сейчас в моем городе, так что это справедливо. Но вот в чем дело...

Я смеюсь.

— Я не заключаю с тобой сделку, Ройс.

— О, ты будешь... — Он ухмыляется. — Итак, вот в чем дело. Теперь ты в моем городе, и у меня есть враги. Плохие. Мне не нужно, чтобы они добрались до тебя, чтобы добраться до меня.

Я закатываю глаза, роняю коробку на пол и перебираю фотографии, которые высыпала на свою кровать.

— Почему тебя это волнует?

Моментально.

— Я не знаю. Но у меня нет времени спасти тебя, если тебя заберут, а потом я должен буду объяснить маме и папе, что их драгоценная хорошая девочка попала в плен к плохим мужчинам.

Я усмехаюсь, мой язык пробегает по губе, когда я поднимаю глаза прямо на него.

— Прости, ты только что сказала "*драгоценная маленькая хорошая девочка*"? — Я знаю, что должна замолчать, но я слишком возбуждена. — Я не была *драгоценной маленькой хорошей девочкой* около... хм... — Я замолкаю, поднося палец к вискам, наслаждаясь его молчанием. Мне кажется, я слышу, как Джипси бросает "о черт" на заднем плане, но опять же, я слишком возбуждена, чтобы упустить эту возможность. — Четыре гребаных года, Ройс. А те *плохие люди*, о которых ты говоришь? — Я стискиваю зубы, моя губа скривилась в оскале, а глаза сузились. — Почти уверена, что я видела и похуже. Но, конечно же, старший брат. — Я поворачиваюсь, наклоняюсь и поднимаю с пола еще одну коробку, поворачиваясь к нему лицом, бросаю ее на кровать. — Все, что позволяет тебе спать по ночам.

Я бы гордилась своим возвращением, если бы предыстория не была такой чертовски печальной.

Он встает с моей кровати, пока не оказывается почти прямо передо мной.

— Проверь сегодня вечером под своей кроватью, герцогиня. — Он наклоняется, пока его губы не оказываются у моего уха. — Потому что я буду монстром, скрывающимся под ней. Куда бы ты ни пошла, я буду рядом. С кем ты будешь разговаривать, я узнаю. — Он откидывается назад, его холодные, бесстрастные глаза игнорируют меня, как будто я всего лишь таракан, на которого нужно наступить. — И ты ошибаешься...

— Как так? — говорю я, поворачиваясь, чтобы посмотреть, как он проходит через мою комнату, берет мой сотовый телефон и что-то набирает в него.

Он свирепо смотрит, швыряя мой телефон мне в грудь.

— Ты не видела худшего, потому что это должно было исходить от *меня*, и поверь мне, когда я говорю, что я охранял тебя с этой стороны всю твою гребаную жизнь. — Его рука лежит на ручке двери, когда он открывает ее, а Джипси проскальзывает у него под мышкой с другой стороны. — Я сменил номера телефона. Черт возьми, используй это. — Затем он хлопает моей дверью сильнее, чем когда-либо появлялся в моей жизни.

Мне потребовалось пару часов, чтобы устроиться в своей комнате, прежде чем мне стало чертовски скучно, и я позвонила Слоун.

— Эй! — выдыхает она в трубку. — Ты здесь? Мэтти вернется только на следующей неделе, и мне скучно!

— Да! — Я сообщаю ей детали своего общежития, а затем жду, пока она поднимется.

Я все еще не рассказала ей о Ройсе. На самом деле я этого не хочу. Во-первых, потому что она была сильно влюблена в него, когда мы были детьми и во-вторых, я не знаю, что на

самом деле делает Ройс в моей жизни. Это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я не могу доверять ему так, как раньше. Он уже не тот мальчик, каким был раньше. Теперь он чувствует себя расчетливым. Как змея в траве, ожидающая удара.

Раздается стук в дверь, вырывающий меня из моих мыслей, вызванных Ройсом, и я распахиваю ее перед Слоун и еще одной девушкой. У нее темные волосы и раскосые глаза; я предполагаю, что у нее какое-то азиатское происхождение. Но я могу ошибаться, поэтому я не буду высказывать это предположение вслух.

— Ура! — Слоун притягивает меня к себе, чтобы обнять. Я позволила ей, хотя мы с ней обе знаем, как сильно я ненавижу, когда нарушается мой личный пузырь. — Ух ты, твое общежитие намного лучше моего!

— Да, хотя я бы хотела, чтобы у меня был приятель по койке.

— Кстати, о, — объявляет Слоун, указывая на девушку рядом с ней. — Джейд, это Нелли, Нелли, это Джейд.

Нелли тычет в меня локтем. Я оцениваю ее внешность. Ярко-фиолетовые волосы на концах темных корней и очень эксцентричный стиль одежды. Полосатые носки до бедер, короткая кожаная мини-юбка и топ без бретелек, раздавливающий и выпирающий ее сиськи до небес.

— Привет...

— Итак. — Слоун плюхается на мою кровать. — Как прошла поездка с твоей мамой? Она, наконец, в порядке с тем, что ты далеко от нее?

— А, — отвечаю я. — На самом деле ей намного лучше. Поездка прошла нормально, но потом появился Ройс, и это...

— Подожди! — Слоун резко встает с моей кровати. — Ройс вернулся?

— Кто такой Ройс? — спрашивает Нелли у меня за спиной, вертя в руках фотографию, которую я уже разместила на комод, на которой мы пятеро на лодке, когда были моложе.

— Эм, — быстро начинаю я, но прежде чем я успеваю вставить слово, Слоун прижимает ладони к моим щекам, возвращая мое внимание к ней.

— Расскажи мне все.

Я отбрасываю ее руку.

— Нечего рассказывать. Он приехал домой в прошлые выходные на свой день рождения и рассказал нам, что последние четыре года работал в мотоциклетном клубе.

— О боже мой... — Слоун пускает слюни, ее рот широко открыт. — Он сексуальнее, чем был, когда мы были моложе?

— Что? Я не буду отвечать на этот вопрос. Он мой брат.

— ...Сводный брат, и мы все знаем, как он...

— Похоже, мне нужно с ним встретиться, — ухмыляется Нелли, сидя на моей кровати. Я не упоминаю, что едва знаю ее и что ей определенно не следует сидеть на моей кровати, хотя это подтверждает ее уверенность. — В каком он клубе? — Дальше спрашивает Нелли.

— Что? Ах, я не помню. — Я не хочу говорить им больше, чем я уже сказала. Не то чтобы меня волновало, найдут ли они его сексуальным, просто я не хочу говорить о нем прямо сейчас.

— Мы можем сменить тему? — бормочу я, собирая свои длинные волосы в высокий хвост. — Как еда. Где мы можем достать еду?

Мы находим небольшое местечко за пределами кампуса. Это типичная закусочная "жирная ложка" с глянцевыми красными кожаными сиденьями, проверенными полами и усталыми официантами. Я проскальзываю в кабинку и просматриваю меню.

— Так чем еще занимался Ройс? — спрашивает Слоун. Я игнорирую ее. Я не могу петь и танцевать под дудку Ройса ни сегодня, ни когда — либо. Когда официантка подходит к нашему столику, я улыбаюсь ей, благодарная за то, что отвлеклась.

— Я буду двойной чизбургер с дополнительным беконом, пожалуйста.

— Хорошо, — стонет Слоун. — Но мы собираемся куда-нибудь в эти выходные. Верно, Нелли?

Нелли кивает.

— Ага. Есть место, куда я хожу каждые выходные. Мы заберем Джейд.

Я ныряю в свой бургер, игнорируя их разговоры о том, какие мальчики в универе. Сказать, что мне это неинтересно, вероятно, будет преуменьшением. Моя сексуальная жизнь-это то, что я защищаю, поэтому я отключаюсь и копаюсь в своей картошке фри.

— Ты знаешь, где твои занятия в понедельник, Джейд? — Нелли спрашивает.

— Я так думаю. — Я кладу в рот еще одну жареную картошку. Краем глаза я вижу, как открывается дверь, но не обращаю на это никакого внимания. — Я имею в виду, что у меня есть университетская карта и все номера моих классов, так что я предполагаю, что их будет нетрудно найти.

Я смотрю на Слоун, которая смотрит через плечо Нелли и на новую группу, которая только что вошла. Я наклоняюсь, чтобы посмотреть, на кого она таращится.

— Слоун... — Я толкаю ее плечом. Моя подруга откровенна, когда дело доходит до того, чего она хочет. Вся задняя часть закусочной теперь занята группой парней. Отсюда практически можно почувствовать запах тестостерона. Конечно, Слоун вынюхивала футбольную команду школы, как собака в жару.

— Да? — Она хлопает ресницами, глядя на меня, и когда я оглядываюсь на группу, я вижу, что пара из них уже наблюдает за нами. Ну, наверное, за Слоун больше, чем за мной. Она красивая рыжеволосая бомба с большими сиськами, а я странная брюнетка с жуткими глазами. Слоун всегда говорила, что я совершенно не обращаю внимания, когда дело доходит до моей внешности, и что я-мечта каждого парня. Я на это не куплюсь. Она моя лучшая подруга, конечно, она собирается это сказать.

Усмехнувшись, я качаю головой.

— Ты ужасна. — Я лениво оглядываю группу, когда один парень ловит мой взгляд, который внимательно наблюдает за мной. Его растрепанные светлые волосы напоминают мне древний пепел, а его темные глаза, как магнетические шары, притягивают меня. У него загорелая кожа, широкие плечи и строение лица модели GQ.

Он привлекателен. На самом деле, это вопиющее преуменьшение. Он горяч, как гребаный грех, и я бы с радостью встала на колени в церкви в воскресенье за то, что проглотила это. Мгновенно я игнорирую свои мысли и направление, в котором они пошли. Я не могу позволить себе влюбляться. Ни сейчас, ни когда-либо.

— Джейд! — Теперь настала очередь Слоун потребовать моего внимания.

— Хм? — отвечаю я, поднося стакан к губам.

Слоун переводит взгляд с меня на парня, а затем ухмыляется. Отключиться от горячего парня-не такая уж плохая вещь, но когда у тебя есть лучший друг, который любит

выкрикивать тебе все, что угодно, это так.

— А, понятно. Ну, не прекращай свой трах с глазами из-за меня...

Нелли оглядывается через плечо, наконец-то сообразив, на что мы уставились. Я замечаю, что она заметно замирает, ее лицо вытягивается, прежде чем она поворачивается ко мне лицом.

— Я бы даже не стал пытаться. Моя сестра знает их, и они не те, за кого себя выдают.

— Я и не собиралась.

Покончив с едой, мы все встаем и направляемся к двери. Все это время (все несколько шагов) я чувствую на себе взгляды. Это Слоун. Она делает это, и это чертовски сводит меня с ума. Я ненавижу куда-либо ходить с ней. Как магнит, я поворачиваюсь к ним, проходя мимо, но мои глаза снова находят Пепельного Блондина, и мое сердце ускоряется в груди. Ни улыбки, ни хмурого взгляда, он просто наблюдает за мной. Я не знаю, пугает это меня или заводит, я соглашаюсь на первое, потому что опять же, я не могу позволить себе заводиться. Холодный воздух бьет меня по лицу, когда мы выходим на улицу, спускаемся по лестнице и направляемся к потрепанной "Хонде" Нелли. Это маленький хэтчбек, который выглядит так, как будто лет четырнадцать назад он чего — то стоил. Я сказала, что мы можем взять мою машину, но Нелли настояла на своей.

— Итак, мои мама и папа-это те отвратительные родители, которые были вместе слишком долго... — Нелли обращается, Бог знает к кому. — На самом деле это так тревожно, потому что они все еще целуются за завтраком.

— Вздох... — бормочет Слоун, открывая пассажирскую дверь и сдвигая сиденье вперед, чтобы я могла проскользнуть на заднее сиденье. — Я хочу этого однажды.

— Ну, — бормочет Нелли, пристегивая ремень и заводя машину-после осечки. — Ты не получишь этого ни от одного из парней там... — Ах, так вот куда она направлялась.

— Они тебе не очень нравятся, да? — Я хотела пошутить, но как только это слетает с моих губ, я слышу язвительность в своем тоне.

— Нет, — подтверждает Нелли, выводя нас на шоссе. — Я не знаю.

— Почему? — спрашиваю я, не в силах остановиться.

— Давай просто скажем, что в твоих интересах не ходить туда.

В воскресенье я провожу весь день, собирая все свои книги, которые мне понадобятся в понедельник, включая, но не ограничиваясь приготовлением еды. Я люблю хорошую еду на вынос и жевать картофельные чипсы с шоколадом, но мое тело может выжить только на мясе, овощах и углеводах. Да, я сказала углеводы.

Я ложусь в постель в конце дня, когда на прикроватном столике загорается мой телефон. Я бесцельно тянусь к нему, зная, что это будет Слоун. Она, наверное, пьяна.

— Алло?

— Джейд...

Ужас наполняет мое тело.

— Да?

— ...Ты мне нужна. Встретимся сейчас внизу.

— Я не могу. Я хо...

— ...Сейчас.

— Хорошо, — шепчу я, мой голос падает до смертельного уровня. Повесив трубку, я прижимаю телефон к груди и лежу так несколько секунд. Я бы никогда не освободилась от

этой жизни. Скванная его инициалами. Я никогда не буду свободна, чтобы жить своей жизнью. Он всегда очень ясно давал понять, что я никогда не буду свободной. Я всегда буду в долгу перед ним, и мне всегда придется быть доступной для него.

Я сбрасываю одеяло со своего тела и на цыпочках хожу по комнате, как делала бы дома в любое время, когда мне нужно было улизнуть.

Я хватаю свой телефон и отправляю ему еще одно сообщение.

Хочешь, я надену костюм?

Нервно покусывая губу, я жду его ответа.

Нет.

Я задыхаюсь от собственного дыхания. Знания, что он прямо внизу, ждет в своем модном внедорожнике, достаточно, чтобы высосать из меня жизнь. Я быстро надеваю обтягивающие спортивные штаны и майку, прежде чем накинуть толстовку и застегнуть молнию.

Вдыхай и выдыхай. Ты делала это тысячи раз, Джейд. Возьми себя в руки.

Я засовываю телефон и ключ от общежития в карман и спускаюсь по лестнице. Я не хотела начинать свой учебный год так.

Мне требуется одна секунда, чтобы найти его машину, стоящую на холостом ходу у обочины. Я иду прямо к нему и открываю пассажирскую дверь, прежде чем скользнуть в мягкую, теплую кожу.

— Привет, Джеймс.

— Джейд, — рычит Джеймс, поворачиваясь ко мне лицом. Как только его глаза встречаются с моими, весь страх и неуверенность, которые я чувствовала несколько мгновений назад, рассеиваются. Мои плечи расправляются, когда сила разливается по моим венам.

Я облизываю губы.

— Я не ожидала тебя здесь сегодня вечером.

Его рука касается моей щеки, его большой палец ласкает мою губу, где он нежно ее дергает.

— Я не могу позволить моему кролику начать свой учебный год без большого взрыва.

Я прочищаю горло, но рвота почти выходит наружу, поэтому я заставляю себя сплюнуть в горло, чтобы сдержать ее. Я к этому привыкла. Это случилось со мной каждый божий день почти сразу после того, как Ройс ушел. Я не знаю, почему это началось. Я не спрашиваю, и он не говорит, мысленно заключенная в клетку без выхода. Но где-то за эти четыре года все изменилось. Это превратилось во что-то большее без каких-либо дополнительных действий с моей стороны. *Я к этому привыкла.* В первый раз, когда это случилось, он пробрался в мой дом, в мою комнату. Я помню время, потому что мои часы ярко вспыхнули на прикроватном столике. 3:05 утра Я ненавижу сейчас 3:05 утра. Сначала он ничего не сказал. Его рука ласкала мое бедро из-под одеяла, его холодные часы "Ролекс" вызывали мурашки по всей моей коже. Он трахнул меня той ночью. Заставил себя войти в меня одним толчком. Я вскрикнула, но он зажал мне рот рукой, чтобы больше не шуметь. Я была потрясена. Я не знала, что делать. Мне было пятнадцать лет, и до той ночи он что-то значил для меня.

Тьма приветствовала меня в то время, когда мне нужно было чувствовать себя в безопасности, теперь я купаюсь в ней, чтобы не сойти с ума. Свету плевать на проклятых, так что с проклятыми я и осталась. Я помню цветные точки, которые танцевали по комнате, когда боль пробежала между моих бедер. Он разорвал мои стены одним ударом, так что я

восстановила их с помощью боли и крови, которую он забрал у меня. Он никогда не говорил. Я чувствовала, как его влажный член входит и выходит из меня, как нож, вращающийся в открытой ране. Слезы полились из моих глаз, но он не остановился. Наконец, он замедлился достаточно, чтобы я почувствовала, как он пульсирует внутри меня. Он приподнялся, высвобождаясь, и наклонился между моих бедер, целуя кровь с моей теперь обнаженной и изнасилованной области.

“Я собираюсь научить тебя стольким вещам, Джейд. В конце концов ты научишься любить это. Жажда этого. Ты научишься подчиняться мне, когда бы я ни пришел, по вызову. Приведи себя в порядок.”

Я вздрогнула, но знала, что лучше не отстраняться от его прикосновения. Во второй раз, когда он изнасиловал меня, я попыталась отстраниться от него. Он заставил меня заплатить за это, но не так, как вы ожидали от него. У Джеймса было искусство, которым он издевался над своими жертвами, а я была его вечной кистью. Он использовал меня, чтобы нарисовать своих новых жертв, а затем передавал следующему, чтобы одолжить. Он бы сказал, что я особенная, что мои удары не похожи ни на какие, которые он видел раньше. Я хотела сжечь всю художественную студию вместе со всеми остальными внутри нее.

— Останься со мной на ночь, а я высажу тебя здесь рано утром. У меня в отеле звуконепроницаемые стены. — Он ухмыляется, а затем выводит нас со стоянки. Я смотрю в окно и наблюдаю, как молодые люди смеются со своими друзьями. Они понятия не имеют, как им повезло. Не обращая внимания на то зло, среди которого я существую, вот почему я никогда не могла влюбиться ни в одного мальчика. Независимо от того, насколько они горячие или как они заставляют меня себя чувствовать.

Отель хороший, но, конечно, это так. Пентхаус, насыщенные красные цвета и стеклянные окна, выходящие на Голливудский бульвар.

Джеймс протягивает мне стакан, наполненный спиртом янтарного цвета, ослабляя галстук. Его голубые глаза встречаются с моими, такие голубые. Так знакомо. Я отхлебываю остаток жидкости, не обращая внимания на жжение, которое поселяется у меня в горле.

— Спасибо, — шепчу я, как только мой голос становится стабильным.

— На колени.

Я повинуюсь, опускаясь на пол.

— Сними свою одежду. — Он швыряет галстук через всю комнату, снимая ремень. Он несколько раз хлопает ремнем по ладоням, а затем его глаза встречаются с моими, когда он кладет его на кровать. — Твой брат вернулся.

— Он такой, — тихо говорю я, глядя на Джеймса из-под ресниц. Его рука касается моей щеки, а большой палец скользит по моим губам.

— Так красиво, Банни... — Мой желудок сжимается. Он опускается на мой уровень и медленно поднимает меня с земли, кладет на кровать, отступая назад, чтобы рассмотреть мою наготу. Его рука опускается под брюки, когда он вытаскивает себя и качает, его глаза на моем теле. — Все это принадлежит мне, не так ли?

Я сглатываю, кивая головой.

— Да.

— Раздвинь ноги.

Я делаю это, расширяя их, пока он не встает между ними, одной рукой проводя по моему соску. Каждый раз, когда его ладонь мягко скользит по моей груди, я прикусываю внутреннюю сторону щек, пока мой рот не наполняется металлическим вкусом крови. Мне

нужна боль, чтобы отвлечься от того, как его нежные прикосновения разрушают мою душу.

Он падает на меня, пока я не оказываюсь на спине. Его член у моего входа, его нежные поцелуи покрывают всю мою шею, когда он скользит внутрь меня. Сексуальное насилие бывает всех цветов радуги, это не просто черно — белое. Он продолжает свое нападение. Тот же танец, которому я научилась и теперь двигаюсь без особых усилий. Он переворачивает меня, берет сзади, сбоку, я сверху, он снова сверху, позиции меняются, но одно всегда остается. Темперамент его любовных ласк остается мягким, чувственным. Это такой секс, которым вы занимались бы с кем-то, кого вы любите всем сердцем, с вашим мужем или вашей женой. Только после четвертого раза я поняла, почему он так поступил.

Потому что он хотел не просто моего тела.

Он тоже боролся за мою душу.

Он никогда бы этого не получил. Я спрятала ее в таком месте, куда ни один мужчина никогда бы не рискнул войти, чтобы забрать ее. Единственная проблема в том, что теперь ее никто не найдет.

На следующее утро я стою под горячим душем, и вода стекает по моему ноющему телу. Он может делать это медленно, но он обязательно делает это в течение нескольких часов. Часов. И так часами напролет. Я дрожу, выбираясь наружу, и как только я возвращаюсь в свою комнату, я захлопываю дверь и выжимаю полотенце.

Первый день первого курса в новом колледже.

Я направляюсь к своей косметичке и начинаю. Эта рутина естественна для меня. Скрыть, изобразить улыбку. Макияж-это занавес, за которым я прячусь, как будто он сбивает с толку людей, которые пытаются заглянуть в настоящую меня.

Если бы только я тоже могла запутаться в этой лжи.

Jade

Моя первая неделя в колледже прошла быстро. Я обнаружила, что на мои занятия было довольно легко добраться несмотря на то, что кампус был намного больше, чем я первоначально предполагала во время ознакомительного дня. Сейчас пятница, и я с ужасом готовлюсь отправиться туда, куда запланировала Нелли. Однако я не получала вестей от Джеймса всю неделю, так что само по себе это стоит отпраздновать. Мы едем в машине Нелли на другой конец Лос-Анджелеса, когда Слоун протягивает мне фляжку.

Я делаю большие глотки, прежде чем вернуть ее обратно. Мое пьянство усилилось, когда Ройс ушел. Я обнаружила, что чем больше я пила, тем глубже проваливалась в дыру, которая поглотила меня целиком — включая мою боль. Я — одна большая зияющая рана, и алкоголь, так уж случилось, является лейкопластырем. Могло быть и хуже. Я могла бы превратиться в снег.

Я потираю руки вверх и вниз по бедрам. Я держалась непринужденно. Черные узкие джинсы со следами на бедрах и белое кружевное боди, которое делает для моих сисек больше, чем любой бюстгальтер.

— Боже, я не могу с твоих идеальных гребаных сисек! — Слоун ворчит.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? Твои огромные!

— Итак! — Ее руки опускаются на мою грудь, и она сжимает ее. — Фальшивые всегда выглядят лучше. — Я отбрасываю ее руки и закатываю глаза. Если бы только она знала, *почему* и *как* у меня появились искусственные сиськи.

— Итак, ты собираешься сказать нам, куда мы направляемся? — говорю я, наклоняясь вперед, чтобы положить локти на центральную консоль. Используя зеркало заднего вида, чтобы поправить волосы, я взбиваю их спереди и провожу мизинцем по ярко-красным губам.

— Это сюрприз. — Нелли смотрит на меня в зеркало заднего вида. Между нами проходит несколько секунд, прежде чем она снова сосредотачивается на дороге. Странно.

— Эй, Джейд, ты помнишь тех университетских игроков, которых мы видели в закускойной на прошлой неделе? — Слоун поворачивается на своем сиденье, чтобы посмотреть на меня.

— Да?

— Ну, один из них спрашивал о тебе.

Я замираю.

— Что? Откуда ты знаешь? — Мое сердце замирает на несколько ударов. Мне неловко от того, как он меня привлекает.

Слоун показывает свой телефон перед моим лицом.

— Потому что я трахаюсь с его лучшим другом, также известным как полузащитник.

Я закатываю глаза.

— Ты не заставила себя долго ждать.

— Вы ожидали бы чего-то меньшего? — деловито спрашивает Слоун.

— На самом деле, нет, — мои мысли начинают плыть по течению. Я завидую Слоун. У

нее такая жизнь, какая люди думают, что у т меня есть.

— В любом случае, — продолжает она, возвращая мне фляжку. — Его зовут Дженсен Пэкс. Он звездный квотербек. Тебе следует следить за ним в Instagram. Он уже следит за тобой и за мной, так что давай сделаем селфи и загрузим его.

Я делаю большой глоток — чего бы это ни было — и позволяю ей сделать селфи, возвращая ей фляжку, когда Нелли сворачивает на промышленную улицу. Я лезу в карман и достаю свой телефон, открываю Instagram.

Четыре новых подписчика.

Три сообщения.

Я игнорирую сообщения и обращаюсь к подписчикам.

@J_Pracks подписался на вас.

Мой большой палец зависает над кнопкой "Подписаться".

— К черту все. — Я нажала кнопку, а затем быстро засунула телефон в задний карман.

Автомобиль начинает тормозить у торговых зданий. Какие-то механические гаражи, другие я не могу разглядеть в это время ночи. Нелли подъезжает к высоким проволочным воротам, которые занимают несколько мест. Это определенно самый большой район на этой улице. Молодой тощий парень и мужчина побольше стоят на страже у входа. Я все еще не так много вижу, и меня почти отвлекает Дженсен. Дженсен. Даже имя у него горячее. Может быть, я смогу немного поиграть в это. Но сломленные девушки вроде меня не достигают совершенства, как Дженсен. Такие мальчики, как он, предназначены для таких девочек, как он.

Сейчас машина въезжает в ворота, откуда льется музыка. Справа есть длинная крытая парковка, где выстроились байки. Так много байков. За ними есть сарай на шесть машин. Слева есть еще одна крытая зона, где есть боевой восьмиугольник, столы и стулья, боксерский мешок и еще несколько человек. В середине горит огромный костер, а за ним — двухэтажный дом. Он большой, с верандой и качелями. Это похоже на то, что вы найдете в пригороде, а не на промышленной улице. Люди высыпают повсюду, мужчины в коже, а женщины — почти ни в чем.

Я не сразу осознаю, и когда замечаю, что они одеты в жилеты, я замираю.

— Нелли! — Я похлопываю ее по плечу. — Где мы находимся?

— Ты увидишь. — Она подмигивает мне.

Они обе вылезают, как ни в чем не, бывало, и я нерешительно выскользываю за Слоун. Дерьмо. Мои красные каблуки стучат по бетонной земле, когда музыка хэви-метала разрушает мои барабанные перепонки. Slipknot "Unsainted" играет достаточно громко, чтобы поднять ад. Я делаю еще один шаг. Все начинает соединяться в моей голове, когда я начинаю разглядывать нашивку на одном из жилетов парня. Только когда мы оказываемся прямо в начале бокового гаража, я замираю, кровь отливает от моего лица. Моя рука тянется к Слоун.

— Я не могу быть здесь!

Слоун поворачивается, закатывая глаза. Она берет меня под руку, прижимая ее ближе к себе. Вот тогда я, наконец, вижу, что происходит внутри. Пьяные байкеры и голые женщины отсасывают случайные части тела. Над баром висит большая металлическая эмблема с надписью:

Волчья стая МС.

Блядь.

Блядь.

Блядь.

Мое сердце бьется в груди, мое дыхание соответствует каждому удару. Я разворачиваюсь, чтобы выбежать из гаража и найти другую дорогу домой, когда врезаюсь в твердую грудь. Адское пламя облизывает мою кожу, когда в меня проникает запах богатого одеколона, тонкого мыла, горелой сигареты и потертой кожи. Я потираю щеку.

— Прости. — Затем мои глаза поднимаются вверх, находят нашивку, читают те же слова клуба и вице-президента под ней, а затем они поднимаются дальше, приземляясь на...

— Ройс...

— Герцогиня. — Его глаза заглядывают мне через плечо, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, на кого он смотрит. Он подмигивает Нелли, которая поднимает свой бокал в воздух. Затем мои глаза находят Слоун, которая изучает меня полными страха глазами. Прежде чем я успеваю вернуть свое внимание к Ройсу, его губы находят мое ухо, и его голос успокаивает меня, как открытая шкатулка с воспоминаниями. — Так рад, что Нелли доставила тебя сюда в целостности и сохранности... — Я отрываюсь от этого, обращая свое внимание на него. Он наклоняется, так что мы оказываемся на уровне глаз. — Слышал, у тебя появились новые друзья.

— Что? — шепчу я, заглядывая ему в глаза. — Я уйду. Я не хотела приходить сюда.

— Нет, — усмехается Он. Легкая враждебность в его тоне не остается незамеченной. — Ты только что пришла. — Его глаза находят Слоун. — Слоун тоже хорошо выглядит.

— Я уйду. — Я иду, чтобы протиснуться мимо него, но его рука взлетает, и прежде чем я успеваю его оттолкнуть, он перебрасывает меня через плечо. Я вздрагиваю от его плеча, прижатого к моему животу.

— Нет, герцогиня, это не так. — Затем он опускает меня на один из диванов, придвинутых к бильярдному столу. — Билли! — зовёт он, его глаза не отрываются от моих. — Убедись, что Слоун есть где переночевать.

Нет, нет.

Я собираюсь встать, но он толкает меня обратно, его мощные руки дергаются, когда они опускаются по обе стороны от моего тела.

— Ты, черт возьми, не сдвинешься с места, герцогиня, и будешь делать то, что тебе говорят.

— Или что? — огрызаюсь я, слезы наворачиваются на глаза. Я не покажу ему боль, которая скрывается за моей обидой. Он будет использовать это только как оружие.

Его глаза изучают мои, на его губах мелькает ухмылка.

— Или я сделаю тебе больно.

— Ты бы не стал, — говорю я, нервно сглатывая.

— Хммм, сейчас ты так многого обо мне не знаешь, герцогиня. — Он наклоняется ближе, изгиб в уголках его губ становится глубже. — *Так. Блядь. Много.* — Он встает с дивана. — Ты останешься со мной сегодня вечером. Не вздумай, блядь, спорить со мной по этому поводу. — Он исчезает в толпе людей, направляясь к бару, который находится в задней части. Мои глаза мгновенно находят Слоун.

— Мне так жаль, — говорю я одними губами, качая головой.

Наконец она направляется ко мне, вырываясь из объятий того, кто держит ее за руку.

— Мы можем бежать. — Она опускается на диван, ее нога прижимается к моей.

Я качаю головой, поражение проникает в мои кости.

— Это не будет иметь значения. Он будет преследовать нас. Мы просто дождёмся утра. — Бар сзади сделан из дерева, на стене гордо висят регалии их Волчьей стаи МС. Посередине есть жилет, расправленный открытым орлом. Я хочу изучить всех, посмотреть, как они выглядят, но тяжелая атмосфера заставляет меня ходить взад и вперед, не желая слишком долго оставаться сосредоточенной на одной области.

— Чувак, — бормочет Слоун, закидывая ногу на ногу и откручивая фляжку. — Я думала, что он все еще будет заботиться о своем маленьком питомце, но я ошиблась.

Я игнорирую ее, думая о том, как, надеюсь, вытащить нас обоих из этой передраги.

— Оставайся здесь. — Я встаю с дивана и проталкиваюсь сквозь рой тел. Разница в возрасте разная, начиная от моего возраста и заканчивая возрастом наших родителей, старше и моложе. Я направляюсь к бару, потому что именно туда я видела, как направлялся Ройс, когда я врезаюсь в твердую, как камень, спину.

— Прости, — шепчу я, потирая голову.

У стойки бара стоит мужчина лет пятидесяти с небольшим. Он поворачивается ко мне лицом, и вот тогда я вижу его полностью. Его челюсть немного слишком квадратная, а глаза частично раскосые. Мне показалось, что в нем есть что-то знакомое, пока я не поняла, что он похож на Чака Басса, только старше, и вместо костюма на нем МС-прикид.

— Ты, должно быть, Джейд. — Его голос мягкий, после многих лет, проведенных в дыму.

— Да. — отвечаю я. — Извините, я пытаюсь найти Ройса.

Он игнорирует меня.

— Меня зовут Лайон.

— Лев? — спрашиваю я, хотя не должна. Он страшен и вряд ли готов отвечать на вопросы.

— Джейд! — Ройс бросается за мной, берет меня за руку и оттаскивает. — Прекрати, блядь, блуждать. — Прежде чем я успеваю возразить, он тащит меня через море тел и ведет к лестнице, ведущей на второй уровень.

Я вырываю свою руку из его хватки.

— Кем ты себя возомнил, Ройс? Ты не можешь просто силой ворваться в мою жизнь и держать меня в плену! — Я лезу в карман, как раз когда он захлопывает за нами дверь спальни. — Я звоню маме.

— Да? — Его тон угрожающий, самодовольная полуулыбка на его лице слишком самоуверенна, чтобы быть тем Ройсом, которого я знала. Ройс, который заботился обо мне. Я должна заставить все внутри себя не дрожать от страха. — Сделай это. — Он удерживает меня на месте своим свирепым взглядом. — Посмотрим, поверит ли она тебе.

Мои плечи опускаются в знак поражения.

— Что с тобой случилось? — спрашиваю я, вглядываясь в его лицо. Лицо, на которое я когда-то смотрела в поисках уверенности и силы, теперь, как мне кажется, должно меня пугать. У некоторых людей за всю жизнь бывает только один монстр, по-видимому, у меня их два.

— Со мной? — Ройс отшвыривает дверь, и через пару шагов его байкерские ботинки ударяются о кончик моих лабутенов. — Ты — вот что случилось, герцогиня. — Я не могу с этим бороться, и даже если бы я хотела, я не смогла бы отвести от него взгляд. Глубина его синевы достаточно глубока, чтобы утопить меня. — Ложись на кровать.

— Но все же, почему я здесь? — спрашиваю я, падая обратно на матрас. Его комната

украшена черными плакатами "Харлей", и над его кроватью даже висит рукоятка руля. Никаких порнографических плакатов — слава богу, у него действительно есть вкус — и никаких использованных презервативов, которые я вижу. Еще. Честно говоря, я бы не исключал этого.

Ройс достает пачку сигарет из заднего кармана и открывает футляр, чтобы вынуть одну.

— Ты та, кто вошла сюда. Так хочется завести новых друзей. Нелли была проверкой, насколько легко тебя убедить, и я должен сказать, герцогиня, ты, блядь, провалилась.

Наклонившись, я выхватываю одну, хмуро глядя на него, и кладу ее в рот. Он зачарованно наблюдает, как я прикуриваю кончик и делаю вдох.

— Я завела много друзей с тех пор, как тебя не стало, Рой. — Я затягиваюсь сигаретой, прежде чем позволить дыму выйти между моими алыми губами. — Так много.

Он поджигает кончик и глубоко втягивает, оставаясь пассивным по отношению ко мне. Я смотрю, как дым вьется вокруг его носа, поднимается мимо глаз и над головой.

— Хммм.

— Хм? — Я приподнимаю бровь. — И это все? — Мои пальцы сжимаются в ладонях. — Нет никакого "с кем, черт возьми, ты разговариваешь Джейд"...

Ройс подтаскивает стул, стоящий под офисным столом, садится и кладет локти на колени.

— Я же говорил тебе, что мне плевать на тебя или на это дерьмо. Делай, что хочешь, но не создавай волн, из-за которых те же самые воды хлынут в мой клуб. В течение многих лет люди думали, что я сирота, без семьи. Теперь ты в моем городе? Ты соблюдаешь мои правила.

— Как трагично. — Я бросаю сигарету на ковер и раздавливаю ее каблуком. — Ты украл мою жизнь, а я украду твою.

— Перестань испытывать мое терпение, Джейд.

Я наклоняю голову.

— Есть ли что-то, что ты знаешь, чего не знаю я? Ты вернулся в мою жизнь спустя четыре года. — Я на ногах, хожу по комнате, прикасаясь к бессмысленным вещам. Это не его комната. Ну, так и есть, но он здесь не живет. Это слишком безлично, чтобы быть комнатой Ройса на полный рабочий день.

— Герцогиня... — бормочет он мое прозвище, и мои пальцы на мгновение замирают над стопкой журналов о мотоциклах. — Герцогиня, — повторяет он, и на этот раз я поворачиваюсь к нему лицом.

— Что за чертовщина, Ройс?

Он встает во весь свой рост — больше шести футов — и делает два шага, которые ему были нужны, чтобы добраться до меня. Его пальцы обхватывают кончик моего подбородка, наклоняя мою голову так, чтобы мои глаза встретились с его.

— Я не тот мальчик, которого ты знала раньше. — Его прикосновение мягкое, но его слова резкие. — Знай одно. — Я задерживаю дыхание, когда его глаза изучают мои. *Так, так.* Его язык выскальзывает наружу и скользит по зубам. — Я злее. — Он отпускает меня, толкая так сильно, что я падаю обратно на кровать. Прежде чем я успеваю сказать что-нибудь еще, он оказывается надо мной, закрывая мне рот рукой. *Кожа, сигарета, одеколон.* Я ничего не могу поделать, когда первая слеза скатывается с моего глаза, потому что он прав. Я не знаю, кто этот человек, который смотрит на меня сверху вниз. Тот же сосуд, другая душа. Мужчина, стоящий сейчас передо мной, преследует меня своим

сходством с мальчиком, которого я знала.

Его глаза сузились на моих, прежде чем он оттолкнулся от моего тела и встал на ноги. Его челюсть сжимается.

— Ты можешь, блядь, уйти, если хочешь. Думаю, моя точка зрения ясна. — Я всегда могла видеть, когда Ройс лжет. Его ложь висит между трещинами, которые он скрывает ото всех.

Все, кроме меня.

Так что я это вижу. Я вижу все, что он скрывает. Я встаю на ноги. *Успокойся.*

- Ну, ты стал театральным со своей тактикой, я в тебе это признаю.

Раздается стук в дверь.

— Псих! — проревел молодой голос сквозь старое дерево. — Йоу, у нас проблема.

Ройс изучает черты моего лица, его взгляд падает на мои губы.

— Не делай, блядь, ничего такого, что могло бы меня разозлить. Я больше не ребенок. Я тебя трахну. — Он тянется к ручке двери, и его лицо становится пассивным. Спускаясь обратно по деревянной лестнице, заново знакомясь с запахом виски и сигарет, я не могу перестать думать о том, как сильно он изменился. Я бы предпочла остаться с воспоминаниями о нем, чем мучиться с этим незнакомцем. Раньше он дерзко улыбался, а теперь хмурится и настороженно смотрит. Его стены, кажется, больше не сдвигаются вокруг меня, и что-то в его глазах кричит мне, чтобы я держалась подальше. Что-то бесспорно дикое. Проходя мимо него и еще одного байкера, которого я еще не встречала, я возвращаюсь, чтобы найти Слоун.

Tech N9ne гремит из динамиков и мои глаза облетает комнату в поисках Слоун, ее рука цепляется за мою.

— Ладно, первое, я не могу поверить, что собираюсь сказать это... — Она жестом указывает мне на кожаный диван, который спрятан в углу. В том же, в который меня затолкал Ройс. Этот клуб МС совсем не такой, как я ожидала, и я не совсем уверена, чего я ожидала. Не поймите меня неправильно, все они сами по себе страшны, но в то же время не лишены привлекательности. Даже старик, которого я встретила, Лайон, хорошо выглядит для своего возраста.

— Что ты собираешься сказать, Слоун? — шепчу я, потянувшись за бутылкой, которая стоит на кофейном столике передо мной. Водка. Идеально.

— Ройс намного сексуальнее, чем был четыре года назад — хорошо! — выдыхает она, откидывая голову назад, чтобы проглотить все, что находится в ее стакане. В какой момент я должна прервать ее? — Я даже не могу этого отрицать, и мне очень жаль.

Я игнорирую ее, откидываюсь на спинку дивана и выдыхаю измученный глоток воздуха.

— Он сказал, что не держит нас здесь. Это был какой-то дурацкий тест, чтобы увидеть, насколько я доверчива. — Именно в этот момент Нелли подошла, пряча лицо за бутылкой.

Я прищуриваюсь.

— Почему?

Нелли пожимает плечами, опускаясь на диван рядом со Слоун.

— Что Псих хочет, то Псих и получает. Вот как это здесь работает. — Ее взгляд скользит поверх моего плеча, на ее губах появляется улыбка. — Кстати, откуда ты его знаешь? — спрашивает Нелли, снова переводя взгляд на меня. Я пытаюсь разгадать ее ход. Она, наверное, спит с ним. Ему всегда было трудно держать свой член сухим, а Нелли симпатичная. Тот факт, что он все ещё играет в свои обычные игры, только на другом

уровне, не должен беспокоить меня так сильно, как это происходит.

Я свирепо смотрю на неё.

— Он мой брат, ты тупая сука. — Моё лицо остаётся застывшим, скучающим.

— Хей, — Нелли усмехается. — Вы, ребята, не похожи. Типа, вообще.

Слоун усмехается, качая головой. Она поворачивается лицом к Нелли.

— Вопрос, у вас с Ройсом что-то происходит?

Нелли качает головой.

— Нет, но у него действительно есть что-то, что происходит с кем-то другим. — Она откидывается на спинку дивана, потягивая свой напиток. — Вполне уверена, что она думает, что выйдет за него замуж или что-то в этом роде.

Мои мышцы сжимаются. Как раз в тот момент, когда Слоун поворачивает голову туда, где я сижу.

— Действительно? — Она поднимает брови. — Я могу заверить вас, что, скорее всего, это скоро изменится. — Я чувствую, как безрассудство проникает в мои кости, моя голова колотится так же быстро, как и сердце.

Он все еще спит с кем попало. Возможно, он все еще такой, но у него есть еще кое-что, если он думает, что я та же самая девушка, которая будет терпеть то же самое дерьмо. Я уложу другого мужчину плашмя на спину на той же земле, на которой я поклонялась Ройсу.

Я встаю на ноги.

— Нелли?

— Да, малышка?

Я хочу ударить ее. Мне приходится заставлять себя не протянуть руку через всю комнату и не ударить ее прямо в челюсть.

Я игнорирую ее.

— Отведи меня в бар.

Слоун ухмыляется из-за края своего бокала.

— Молодец, девочка.

Я чувствую на себе почти все взгляды, когда мы направляемся прямо к бару. Я не знаю, куда делся Ройс, но есть одна вещь, которую я знаю, и это то, что, что бы он ни говорил, я не думаю, что он позволил бы кому-либо причинить мне боль. Он может быть жестоким богом, но он никогда не позволил бы своим ученикам причинить мне боль. По крайней мере, я готова проверить эту теорию.

Нелли протягивает мне рюмку водки для храбрости и указывает на комнату.

— Это Лайон, — говорит она, перекатывая новый стакан между пальцами. — Он президент и лучший друг Психа. Они такие тугие, что это меня заводит. — Она делает паузу, указывая на другого. — Это Джипси. Он полный гребаный идиот, которому удастся переспать с моделями Victoria's Secret по выходным — и это не ложь — прежде чем заняться клубными делами сразу после этого. Красавчик. — Взгляд Нелли устремляется на мужчину рядом с Джипси. — И это Нечестивый — Как только имя слетает с ее губ, я ловлю себя на том, что наблюдаю, как двигаются его губы.

Нечистивый.

О.

— Хммм, — бормочу я, наклоня голову. — Интересно. Расскажи мне о Нечестивом... — Что-то, что не связано с тем, откуда я его знаю. Когда я смотрю на жесткие черты лица Нечестивца и холодные, как камень, глаза, мой желудок

переворачивается. Словно почувствовав, что я тарашусь, он поворачивает голову, его темные чернильные волосы блестят на фоне освещения. На нем белая рубашка под кожаным жилетом и свободные черные джинсы с разрезами на коленях. Его армейские ботинки свободно завязаны на ногах, засохшая грязь по краям резины показывает, насколько он, очевидно, грязный.

Хммм.

— Нечестивый на самом деле не разговаривает. Он обращается к людям своими движениями, если только вы не один из святых, с которыми он разговаривает, а это обычно только братья. С этим все по-настоящему, так что я бы даже не стал пытаться.

Еще интереснее.

Песня Эминема бьется о стены, подстраиваясь под мой пульс.

— Ты не говоришь.

Нечестивый смотрит мне в глаза, и мой желудок скручивает, когда он направляет свои мрачные глаза вниз по моему телу, прямо до кончиков пальцев ног. Я чувствую, как по моим венам пробегают мурашки, когда он медленно поднимает свою ледяную синеву, густые ресницы веером ложатся на его высокие скулы. Нечестивый, вероятно, на сегодняшний день является одним из самых красивых мужчин, которых я когда-либо видела. Ройс-это кошмар, обернутый сном, но Нечестивый — это домашнее животное Дьявола.

Запрокинув голову, чтобы проглотить текилу, или ром, или что-то еще, я перевожу взгляд на Нелли и отвожу глаза от Нечестивца.

— Интересно.

— Нечестивец? Нет, нет. На него приятно смотреть, но Псих — это больше моя скорость.

Я ничего не могу с этим поделать, и со всем алкоголем, пульсирующим в моих венах, я не могу это остановить. Смех срывается с моих губ.

— Что-то смешное? — спрашивает Нелли, словно оскорбленная. Так и должно быть. Я откровенно смеюсь над ней.

— Нет. — Я смотрю на Слоун, игнорируя Нелли. — Готова идти?

Она внимательно наблюдает за мной, осознавая мою внезапную перемену в поведении.

— Хорошо.

После того, как я выскользнула из клуба и поймала Uber, я снова вернулась в безопасное место под своим одеялом в общежитии. Я чувствую, что наконец-то могу наверстать все, что произошло сегодня вечером. От мысли, что Ройс похитил меня, до встречи с Нечестивцем. Мой телефон вибрирует на комод, и я хватаюсь за него, чтобы увидеть, что пропустила пару текстовых сообщений. Увидев неизвестный номер, я открываю его первым.

Мы ещё не закончили.

Я прикусываю нижнюю губу, свет от моего телефона убивает моё зрение. Я отодвигаюсь от него, на шаг от Джеймса.

Будь готова завтра к шести. Ожидай посылку.

Я выдыхаю, мои пальцы зависают над текстом Ройса. Прежде чем я успеваю остановиться, мои пальцы яростно летают по экрану.

Мы закончили в тот день, когда ты бросил меня.

Я думаю о том, чтобы дождаться его ответа, с животом, полным беспокойства, но прежде чем я успеваю бросить телефон обратно на прикроватный столик и немного поспать,

он отвечает.

Да?

Я игнорирую его неопределенное сообщение, засовываю телефон под подушку и, наконец, закрываю глаза.

Мои ноги были широко вытянуты, раздвинутые металлической распоркой, которая, казалось, становилась шире, чем больше я двигалась. Его пальцы сомкнулись на внутренней стороне моего бедра, в то время как в другой руке он держал стакан, наполненный, вероятно, лучшим ирландским виски. Когда мой взгляд опустился к его руке, он поднес ее к моему подбородку и притянул мое лицо обратно к своему. С кляпом во рту и привязанной к кровати в роскошном отеле, который брал бы за одну ночь столько, сколько большинство людей брали бы за весь год. Он не стал сдерживаться.

Грубо сжав, его темные глаза заплясали от жадности. Это был третий раз, когда это случилось, когда он наложил на меня свои руки без моего одобрения. Каждый раз, когда он это делает, он забирает часть моей души и оставляет эмоциональный шрам своим уходом.

— Ты будешь моим идеальным маленьким кроликом, Джейд. Ты знала об этом? — Мои глаза наполнились слезами, когда его рука снова спустилась к внутренней стороне моего бедра, мои влажные ресницы рассыпались по щекам. Я этого не знала. Совсем нет, но я начинала это понимать.

Он поставил свой стакан на пол, прежде чем выпрямиться во весь рост. Джеймс был настолько устрашающим, насколько я могла себе представить. Мой разум не был оснащен тем, на что он был способен. Ещё нет.

Его длинные пальцы сомкнулись на пряжке ремня, когда он снял его. Он перешел к пуговицам на рубашке от костюма, и его пресс из шести кубиков был виден из-за материала.

— Ты хочешь этого, Джейд. — он бросил рубашку на пол, прежде чем расстегнуть пуговицу на брюках. — Я вижу это по тому, как твои глаза скользят по моему телу. Ты хочешь этого так же сильно, как и я, и я собираюсь дать это тебе. — он наклоняется, кладет кулак на матрас и медленно ползет вверх по моему телу, пока не упирается в вершину моих бедер. Он проводит кончиком носа по моей шее. — Ммм, ты так сладко пахнешь, маленький Кролик. Как я собираюсь научить тебя каждой мелочи, которую нужно знать обо мне и о том, чем я занимаюсь, и знаешь ли ты, что ты собираешься делать?

Я не ответила. Во-первых, потому что у меня кляп во рту, но, а во-вторых, потому что я этого не хотела. Я удалилась от этих ситуаций. Возможно, он и взял мое тело в свою милость, но он никогда не завладеет моим разумом.

Толстый кончик его члена прижался ко входу в мою дырочку.

— Ты мне поможешь. — Он погрузился в меня, и я громко закричала, хотя это было заглушено кляпом.

Я потеряла девственность с этим придурком, и теперь он использует меня как свою игрушку. Я много раз думала о том, чтобы пойти в полицию, но помню, как однажды я это сделала и увидела, как Джеймс разговаривал со всеми полицейскими за пределами участка. Как будто он знал, что я собираюсь, по крайней мере, попытаться поговорить с кем-нибудь об этом.

Из его тени не было выхода, так что лучшее, что я могла сейчас сделать, — это слиться с толпой.

Он страстно поцеловал меня, занимаясь со мной любовью. Я оставалась пассивной, блокируя происходящее. Как только он закончил, он оторвал свое липкое тело от моего и потянулся за мундштуком для сигар в боковом кармане. Достав одну, не сводя с меня глаз, он зажег конец, а затем прикурил нижнюю часть металлического держателя, и прежде чем я успела понять, что он делает, он прижал раскаленный металл к внутренней стороне моей лодыжки, и я снова закричала в агонии, затерявшись в облаке своей боли.

— Теперь ты всегда будешь моей. Когда люди это видят? Они поймут, что ни хрена не могут к тебе прикоснуться.

Я плавно продвигаюсь по своим новым занятиям, но чувствую себя неуютно. Как будто мне так много нужно разгадать, прежде чем я смогу сосредоточиться исключительно на том, почему я здесь. Я ожидала, что мы с Джеймсом закончим, как только я уеду из Стоун-Вью. Мне следовало бы знать лучше.

Моя рука скользит по свертку, который был оставлен для меня на стойке регистрации, золотые и красные ленты скользят по моей ладони. Почему? Почему он так поступает со мной? И почему это меня больше не так беспокоит? Самым большим секретом, который я когда-либо хранила, была тайна Джеймса и меня. Молчала, но не знаю почему.

Я откидываю крышку и качаю головой.

— Зелёный. Конечно. — Я прикасаюсь к шелковому платью и достаю его из коробки. Этикетка PRADA, которая встроена в нижнюю часть коробки, совсем не удивительна. Джеймс делает все возможное. Всегда. Я облизываю нижнюю губу и беру свое платье в ванную, открывая кран моего личного душа. Я благодарна за свои собственные удобства, но я также не продаюсь тому факту, что он не имел к этому никакого отношения, поэтому никто не задает вопросов о моем местонахождении.

Быстро приняв душ, я вытираюсь и втираю в кожу мощный лосьон с ароматом. У меня всего час, чтобы собраться. Я продолжаю делать макияж и прическу. Нанеся густой тональный крем и сильный дымчатый макияж, я выкрашиваю губы в армейский зеленый цвет, прежде чем нанести на них матовую помаду. Я собираю косметику в кучу и рассматриваю себя в зеркале. Подтянутая грудь, чтобы она переливалась через край, в то время как талия плотно сжата, подчеркивая мою и без того фигуру в форме песочных часов. Спинка имеют маленькие крылья из черных перьев, на которых должны быть ремни. Это мило. Я передам ему это. Когда раздается стук в дверь, мои мышцы напрягаются, расправляя плечи. Время шоу.

Ночь безмятежна, но полуночное небо не делает ничего, чтобы укрыть нервы, которые сотрясают мое тело, обжигая меня от кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног.

— То место куда мы едем сегодня вечером, — бормочет Джеймс, выезжая на своем "Мазерати" на автостраду. Тихая классическая музыка наполняет машину. Теперь я ненавижу классическую музыку. — Я буду нуждаться в твоём лучшем поведении.

Проведя языком по внутренней стороне губы, я спрашиваю:

— Куда мы едем?

— Это место, — говорит Джеймс, глядя через руку на встречное движение. — Это называется L'artisaniant. Избранным людям предлагается присоединиться, и меня просто пригласили. Мне нужно, чтобы ты вела себя как можно лучше. — Я краем глаза наблюдаю, как его кулак сжимается вокруг руля. Хрустнув шейей, он поворачивается ко мне лицом.

— И за кого они меня принимают? — спрашиваю я, изо всех сил стараясь сдержать свое нахальство.

— Они думают, что ты моя игрушка, и это именно то, что ты есть. — Моя челюсть сжимается, когда он продолжает вести машину. Я чувствую, как вибрирует мой телефон в моем черном клатче от Louis Vuitton, и мне приходится бороться с желанием ответить на него. После четырех лет общения с Джеймсом он каким-то образом приучил меня подчиняться его воле. Властвуя надо мной железным кулаком, я довольно быстро поняла, что чем усерднее я боролась, тем суровее наказание, а значит, тем мягче секс. Если я его игрушка, то я львица в клетке, у которой нет желания спастись или бежать.

— И могу я спросить, кто есть кто? — говорю я, испытывая его терпение.

Джеймс качает головой, сворачивает на темную частную дорогу и останавливается перед большими проволочными воротами. Темные шипы тянутся к небесам заостренными готическими шипами, но густые кустарники и деревья скрывают любой вид, видимый дальше. Прежде чем опустить стекло, чтобы заговорить в маленькую белую голосовую будку, он пронзает меня властным взглядом.

— Нет. Это все личное. Ты должна это понять, Джейд. Быть приглашенным в L'artisanant — высокая честь. Только самые влиятельные люди в мире отбираются для участия.

Я обдумываю его слова, закусив нижнюю губу.

— Так это твой первый раз?

Губы Джеймса изгибаются, и я наблюдаю, как морщинки вокруг его рта морщатся под давлением. Я думала о причине того, почему он сделал то, что сделал со мной, и почему он делает это со мной — несколько раз — и все, о чем я могу думать, сводится к тому, что он представил мне после того, как много лет назад оставил шрам на моей лодыжке. Шрам маленький и невооруженный для человеческого глаза, если вы его не ищете, но невидимого шрама, который он оставил на моем сердце, достаточно, чтобы компенсировать его. Во что я вляпалась. Я благодарна, что не вернулся за пару месяцев, но он ясно дал понять, что происходит еще одно собрание, и оно происходит раньше, чем я думала, что может означать только одно.

Новое мясо.

— Да. Здесь ты будешь в маске. — Он достает из боковой двери два кожаных футляра и протягивает один мне. — Надень его сейчас и не снимай все время. Ты меня понимаешь? — Он открывает свою коробку и надевает ее на лицо. Она обволакивает его лицо, как вторая кожа, и останавливается над губами.

Когда я достаю свою из коробки, я нисколько не удивляюсь, увидев, что она кожаная. Не то, что он обычно заставляет меня носить, но все равно кожа.

— Я не могу представить, что им может понадобиться от тебя, — шепчу я, и прежде чем я успеваю понять слова и проглотить их обратно в горло, они уже там, на открытом месте, вдыхаются моим врагом. Я занята тем, что надеваю маску на лицо, когда он поворачивается и нажимает кнопку, чтобы опустить стекло. Он либо не слышал меня, либо я заплачу за это позже. С ним никогда не бывает ничего промежуточного.

“Каждый раз, когда твои бедра сжимаются для другого мужчины, ты будешь знать, что это я вложил туда этот голод. Я разорвал твою невинность.”

Джеймс был злобным ублюдком, но он был ублюдком, которого даже я не могла победить. Никогда. Нет смысла спасать обреченных, потому что обреченные не знают, как

существовать без проклятия, под которым они оказались, когда пробыли там слишком долго.

Ворота со скрипом распахиваются, и он нажимает ногой на педаль, чтобы погнать нас вперед. Приглушив фары, мы на медленной скорости продолжаем движение по длинной мощеной подъездной дорожке. Мой желудок скручивается в узлы, а сердце бьется слишком быстро.

Я провожу потными ладонями по бедрам, когда мы останавливаемся. Подъездная дорожка изгибается по полному кругу, к главной двери ведут ступени из темного дерева. Дом современный и представительский, со стеклянными панелями спереди и единственной деревянной дверью. Это, наверное, самый интересный дом, который я когда-либо видела. Ни единого цветного пятнышка или гвоздя. Это все стекло. Одинокий мужчина стоит перед дверью, одетый в полную военную форму, с АК, пристегнутым к боку.

Расправив плечи, я наклоняю голову.

— Это нормально?

Когда я вылезает из машины и Джеймс подходит с другой стороны от меня, его рука вцепляется в мою.

— Да. То, что происходит за этими дверями, делает это необходимым.

— И что же происходит за этими дверями? — спрашиваю я, интрига разъедает мои мысли. — Просто чтобы подготовиться.

Джеймс не отвечает, он просто направляет нас к передней части дома. Он часто так делает. Он либо ответит мне, либо проигнорирует меня, обе стороны этого, как правило, действуют мне на нервы.

Мужчина у двери постарше, с бритой головой и сердитыми, встревоженными глазами. Он напоминает мне, кем сейчас является Ройс, наполненный неуверенностью, которая плавает под поверхностью красивых голубых глаз.

— Проходи. — Он отходит в сторону после того, как Джеймс убирает руку. Как раз в тот момент, когда я собираюсь последовать за Джеймсом через деревянные двери, тяжелая рука упирается мне в грудь, останавливая мои движения.

Я смотрю на него сверху вниз.

— Прошу прощения? — Я хочу сказать ему, чтобы он убрал свои лапы с моих сисек, но прикидываю, что это даст мне еще один достойный кляпа праздник любви, как только я снова останусь наедине с Джеймсом, и когда дело дойдет до этого, я смогу вынести только это.

— Девушек нужно заклеить, — говорит офицер — Кочевник. *Кочевник?* Это его так зовут? Почему я не могу заниматься трахом в колледже, как Слоун? Я останавливаю мысли, которые с гневом проносятся в моем мозгу.

— Какое клеймо?

Челюсть Джеймса несколько раз напрягается.

— Это необходимо для нее? Она только мой плюс один. — Джеймс расстегивает куртку, подходя ближе к военному чуваку. Интересно. Не каждый день ему приходится набирать вес, чтобы получить то, что он хочет.

— Боюсь, что так. Правила совершенно ясны, что никто не должен переступать порог L'artisanant без знака.

— В чем дело? — Я паникую, мои глаза мечутся между ними двумя.

Джеймс хватается за руку и, повернувшись, поднимает мою руку в воздух.

— Рядом с подмышкой. У меня нет в запасе целой ночи.

Военный достает что — то похожее на крошечную марку. У него покрытая коркой позолота на ручке и скоропись, которую я не могу прочитать поверх наконечника. Огонь пробегает по моей коже и превращает все мои нервы в пепел, когда он отпускает меня. Я смотрю вниз и вижу свежий след ожога под своей рукой. Он маленький, может быть, размером с пятицентовик, но замысловатые линии, которые складываются в нечто похожее на каракули, хорошо впиваются в мою плоть.

Я наклоняю голову.

— Что?

Джеймс тащит меня через парадные двери, прежде чем я успеваю осознать, что только что произошло.

Было темно. Так темно, что люстра, свисающая с мраморного потолка, была единственным, что бросалось в глаза при свете полной луны, пробивающейся сквозь шторы. Толстые кроваво-красные шторы затеняли гостиную, и четверо мужчин сидели в креслах, закинув ноги на бедра.

Ни один не привлек моего внимания. Я никогда в жизни их не видела, и до прошлого месяца Джеймс тренировал меня.

Разрывая меня и трахая, пока мои внутренности не превратились в желе, и единственное имя, которое слетело с моих губ, было его, и слоги не были пронизаны любовью или страстью. Они были отравлены ненавистью, которая пульсировала в моих венах.

Он думал, что научил меня справляться с его жестокостью, что, в сущности, и было, но он забыл одну из самых важных вещей из всех.

Жестокость закаляет кожу, на которую она натирается, поэтому он не только готовил меня к тому, чтобы я стала — как он говорит — его сексуальной рабыней. Но он также вручал мне гвозди, на которые мне нужно было укрепить стены.

Ошейник защемил мне шею, когда он потянул за цепочку.

— Джентльмены...

Они все, казалось, заерзали на своих местах, прежде чем мои глаза нашли землю. Я знала, что лучше не обращать внимания ни на что и на все, что происходит вокруг меня.

Я не должна была ни на кого смотреть.

Я не должна была никого трогать.

Я должна была позволять людям прикасаться ко мне — кому угодно. Кому бы Джеймс ни сказал, что он может, так и будет. Всякий раз. Хотя мы еще не сделали этого шага — до сегодняшнего вечера — я была хорошо обучена тому, что я должна и не должна делать в присутствии того, к кому он меня привел.

— Даймонд... — промурлыкал один из мужчин. Я не могла его видеть, но хрипотца в его голосе свидетельствовала о том, сколько сигарет он выкурил за свою жизнь.

— Джентльмены... — сказал Джеймс, но я не сводила глаз с пальцев ног. Белые, как снег, в знак чистоты. На следующий день после того, как Джеймс лишил меня девственности, я начала свой тренд на белый лак для ногтей.

— Ты принес нам подарок? Тебе не следовало этого делать. — Мурашки побежали по моей коже, когда голос другого мужчины проплыл через пространство между нами.

— Не сегодня, — прогремел властный голос Джея, и именно тогда я получила первый намек на то, что, возможно, только возможно, он тоже управлял этим кораблем.

Он потянул меня за ошейник, и я упала вперед, упала на колени. Ожог от ковра пронзил мою кожу, когда его кулак нашел мои волосы и нежно погладил их. Как будто это сделал любовник. Как будто он не разрушает мой разум всякий раз, когда мы остаемся наедине.

— Сегодня вечером вы все будете иметь честь наблюдать за мной, но никто из вас не прикоснется. — Он делает паузу, а я все еще не подняла головы, чтобы увидеть остальных четверых пожилых мужчин. После серии ворчаний и одобрений он отпускает мою голову. — Очень хорошо. Во-первых, мы займемся бизнесом.

Наконец, я смотрю краем глаза, когда движение привлекает мое внимание. Видна еще одна комната, смежная с этой, скрытая за занавеской. В углу, свернувшись калачиком, сидела испуганная девушка. Очевидно, что она находится в главном помещении, а мы находимся в отдельной комнате.

Внутри было море тел. Молодые девушки, старики. Природа была очевидна. Как только я украдкой взглянула, мои глаза снова опустились на землю, и я проследила за рисунком ковра.

Просто кто, черт возьми, такой Джеймс?

Они разговаривали друг с другом, и каждая проходящая минута оставляла на моих коленях узоры ковра. Наконец, после того, как, казалось, прошла вечность, Джеймс встряхнул ошейник, возвращая меня на ноги. Мои длинные каштановые волосы рассыпались по стройным плечам. Мои ключицы были слишком острыми, а кожа слишком бледной. У меня заурчало в животе, когда я подумала о еде, которой не ела три дня. Я была на полпути к наказанию за посещение вечеринки со Слоун, на которой Джеймс предположил, что я переспала с кем-то другим. Если я не назову ему имя этого таинственного мужчины, с которым я якобы переспала, мне придется провести семь дней без еды. Мне разрешили пить, но только под его контролем. Иногда мне с трудом ставили капельницу. Сегодня был один из таких дней. У меня едва хватало сил стоять на собственных ногах, так что на этот раз я была благодарна за ошейник.

Я последовала за ним в комнату. Запах пота и сладко пахнущего масла заглушает мои чувства. Я почти задрожала прямо там, когда Джеймс провел меня через море тел в другой конец комнаты. Темные стены кровоточат от синего светодиодного освещения. Посередине находится круглый бар, под ним несколько стульев, а вдоль комнаты выстроились шезлонги и диваны. В каждом углу кто-то занимался сексом.

Я хотела знать, почему я здесь и что это за место. Я подняла голову и увидела ту самую молодую девушку, свернувшуюся калачиком в углу, пот стекал по ее светлым прядям на лоб. Она мгновенно нашла меня. Боль промелькнула в ее глазах лани, когда ее губы задрожали. Мой рот открылся, желая, чтобы слова вырвались для нее. Нуждаясь в том, чтобы они пришли за ней. Даже если это была всего лишь легкая ободряющая улыбка. "Ты не одна", — хотел я сказать. Ее лоб упал на колени, когда она повернула голову из стороны в сторону. Она была в плохом состоянии, даже я могла это видеть.

— Выйди вперед, Джейд. Не бойся. — Но я уже. Его слова ничего для меня не значили. Каждый отблеск света, ритм любой песни, которая играла, и дыхание, которое я делала, я боялась его и того, на что он был способен. Толкнув дверь, выкрашенную в самый темный черный цвет, он жестом пригласил войти, бросив поводок. — Войди. Я вернусь через секунду.

Я сделала, как мне было сказано, упала вперед, упала на колени в центре комнаты. Вокруг замелькали темные точки, мое дыхание участилось.

Освещение здесь мягкое, достаточно прозрачное, чтобы успокоить нервы любого, кто может быть встревожен. Интересно, они создали его таким образом? Чтобы люди чувствовали себя тепло и радушно. Как только мы входим, Джеймс ведет нас по длинному коридору, пока нас не встречает стеклянная дверь, затонированная над основанием, чтобы мы не могли видеть сквозь нее.

— Это похоже на Комплекс? — спрашиваю я рассеянно, изучая дверь, как будто это самое сложное испытание в истории. После моей первой ночи работы с Джеймсом я узнала, что он делал и где он это делал. Он назывался Комплексом.

— Нет, — бормочет Джеймс. — Это совсем другое. Тебе не понадобится ошейник, и ты можешь свободно бродить. — Был только один раз, когда я была свободна бродить. — Они не по моей части.

Двери распахиваются, и меня мгновенно затягивает в темный водоворот греха.

Тела двигаются по комнате, тихо играет музыка, каждый удар и нота предупреждающе скользят по моей руке. Это кажется сексуальным и мрачным, а не тем местом, частью которого я особенно хочу быть с Джеймсом. Люди занимаются сексом на диванах, другие пьют в баре, а некоторые находятся прямо посреди комнаты в мокром клубке потных конечностей, потирая друг друга с ног до головы.

Мои бедра сжимаются. Прежде чем я успеваю приклеить ноги к земле, Джеймс втаскивает меня в комнату, крепко держа за поясницу.

— Никто не знает, кто этим управляет. Они никогда не показываются и не общаются со своими гостями. — Ошейник, который он использует со мной для работы, болтается перед моим телом, вырванный из его хватки. Если бы вы не знали, что это было, вы бы предположили, что это аксессуар. На долю секунды все, что я слышу, — это глубокие вздохи, когда я хватаю ртом воздух. Атмосфера напряженная.

Он продолжает вести меня сквозь толпу людей, пока не достигает другого ряда дверей. На этот раз он толкает меня вперед, как только они открываются, и я падаю в темную комнату на колени, с глухим стуком ударяясь о ковер. Двери за мной закрываются, и я быстро пытаюсь переоценить свое окружение. Все погружено в крошечную тьму. Я ни хрена не вижу. Сжав руки в кулаки, я ругаюсь себе под нос. Мое сердцебиение прерывистое, ладони пульсируют от пота. Узоры ковра врезаются мне в колени, но я знаю, что лучше не двигаться.

Мне не терпится сунуть руку за свою кожаную маску и почесать под глазом, но я этого не делаю.

Именно в этот момент я слышу шарканье в углу.

У меня кровь стынет в жилах. Он оставляет меня в темной комнате в доме, которого я не знаю, во время вечеринки, которая пропитана всем зловещим, и теперь я почти уверена, что кто-то находится в этой комнате со мной. Я должна была бы удивиться, но это не так. Я лучше знаю, когда дело касается Джеймса.

Мои пальцы покалывает, когда я чувствую, как тепло тела плавает передо мной. Если я наклонюсь вперед, я почти уверена, что столкнусь с тем, кто бы это ни был. Я чувствую, как теплый туман чьего-то дыхания падает на мои губы, и внутри у меня замыкается короткое замыкание. Мои губы медленно приоткрываются. Я просто спрошу, кто там. С кем Джеймс оставил меня. Как только я собираюсь позволить словам слететь с моих губ, я чувствую тот же туман, но только на этот раз, он у меня на затылке.

О, мой гребаный бог. Сколько их здесь? Мои глаза закрываются, голова наклоняется набок, дыхание становится тяжелее, отчаяннее. Были времена, когда Джеймс делился со мной, и был другой раз, когда он делал больше, чем это, но ни один из всех тех случаев не был похож на этот. Я не знаю, то ли это потому, что я пришла безрассудно и в настроении для вечеринки, то ли потому, что в этом доме все по-другому. Человек позади меня опускается ниже, вниз по моему затылку, в то время как тот, кто стоит передо мной, остается прямо там. Кончик пальца скользит вниз от передней части моего горла, медленно задевая мою грудь. Я не могу дышать. Удерживая в себе остатки кислорода, я пытаюсь взять себя в руки, может быть, уговорить себя, но уже слишком поздно. Мои бедра сжимаются, а живот трясется от тревожащего количества похоти.

Снова открыв рот, я готова спросить, кто там, но мой голос прерывается, когда в комнате раздаются три звонка часов.

День... День... День...

Это был ржавый звон, напомнивший мне о старой церкви, просыпающейся в полночь.

Следующим раздается голос. Может быть, звонок прозвучал через акустическую систему по всему дому? Черт бы побрал Джеймса за то, что он не рассказал мне больше о L'artisaniant (Ремесленник).

— Леди и джентльмены. — Голос звучит незнакомо. Каждый слог произносится с помощью устройства, искажающего его в тон, который звучит слишком близко к Кукле Билли.

— Добро пожаловать в L'artisaniant. Если вы здесь сегодня вечером, вы уже знаете, кто мы такие, но не знаете, КТО мы такие. Когда вы вошли в наши двери и получили свою печать, вы отказались от своего права на речь. Оставьте свои пожертвования у двери на выходе и помните, что не заходите слишком далеко в дом. Каждый уровень классифицируется по тому, с чем, по вашему мнению, вы можете справиться. Каждый уровень имеет свою собственную стоимость. Чем выше вы поднимаетесь, тем дороже это становится. У каждого есть свой излом, но я могу заверить вас, что *niveau quatre* — это не так. С каждым уровнем среди вас появляется один из нас. Как вы знаете, никто никогда раньше не видел *les quatre sangs*, и так оно и останется. — Он коротко вздыхает и хихикает. — И пусть шансы всегда будут в твою пользу.

Почему это прозвучало как вызов? Колокольчики зазвучали снова, каждый ударяя по струнам моей души и вибрируя по моей коже на своем пути. На каком я сейчас уровне?

— Держу пари, она хочет знать, на каком уровне она... — говорит голос позади меня, и я замираю. В глубине моего сознания его голос проникает в скрытую часть моего мозга. Я не придаю этому большого значения. Когда у вас отнимут зрение, вы будете удивлены тем, насколько все искажается. Размытое пятно. Запутанно. Цепляемся ли мы за звук или запах? Его тон мрачный и хриплый. Как будто он курит слишком много сигарет. Но это так же гладко и чувственно, как будто он тонет в дорогом виски. Тот, кто стоит передо мной, не отвечает.

Мое сердцебиение учащается, пот стекает по груди.

— Почему тебя оставили в темной комнате с двумя голодными волками? — Губы царапают меня сзади по шее. — Скажи мне, — он проводит языком по затылку, когда я впиваюсь зубами в нижнюю губу, пытаюсь скрыть голодный стон, чтобы он не вырвался. — Ты готова к тому, чтобы тебя трахнули в дюйме от твоей жизни?

Выдыхая ровный выдох, я хочу, чтобы пришли слова, но они никогда не приходят.

— Бывало и хуже, — еле слышно шепчу я.

— Это что, вызов? — парень передо мной что-то бормочет мне в губы. — Потому что я могу ответить на чёртов вызов. — Это то, чем они здесь занимаются? Трахаться друг с другом в темных комнатах?

Мои ноги дрожат от удовольствия, и они едва коснулись меня. Я наклоняю голову в сторону, когда парень, который стоит позади меня, впивается зубами в то место, где моя шея встречается с плечом. Острое жало пронзает то место, где находятся его зубы, но вместо того, чтобы отпрянуть от боли, я наслаждаюсь ею. Я хочу погрузиться в нее и утонуть в ней. Джеймс никогда не был груб в сексе, и людям, которым он передал меня, он сказал, чтобы они были из того же теста. Это совсем другое чувство. Это разжигает огонь в моей усталой душе, пробуждая голод, который я скрываю глубоко в животе, который всегда хотел открыться.

— Черт, ты хороша на вкус. — Он рычит над моей плотью. Я дрожу на месте, озноб опустошает мое тело. Из динамиков доносится музыка. Не слишком громко, но достаточно громко, чтобы в ней потеряться. Я мгновенно узнаю ее. “Bad for Me” by guccihighwaters.

— Черт, — рычит голос позади меня. — Как тебя зовут? — Его рука скользит под низ моего платья, кончики пальцев касаются внутренней поверхности моих бедер. Влага скапливается между моих ног, когда я двигаюсь вперед. Я задыхаюсь, потею и готовлюсь взорваться.

— Я... — Мужчина передо мной наклоняется вперед и стягивает с меня платье спереди. Тепло покрывает бусинку моего соска, когда его язык кружится над бугорком. — О, черт, — шепчу я, моя голова падает на парня позади меня.

— Прикоснись ко мне, — скрежещет он у меня за спиной. — Ты чертовски скромная. Тебе нужно это изменить.

Я не отвечаю, ошеломленная тем, что все мои чувства оживают.

Потянувшись назад, моя ладонь натывается на твердую как камень грудь. Пресс, сложенный, как кирпичи, зазубренные под моей ладонью.

— Ниже, — тихо рычит он, его рот открывается у меня за спиной. *Господи Иисусе, кто этот человек?* Я царапаю ногтями его живот, добираясь до пояса его джинсов. Найдя кнопку, я щелчком открываю ее, когда рот на моем соске сосет сильнее, его другая рука приближается к моей другой груди. Застонав, я прижимаюсь задницей к мужчине позади меня, его толстый обхват зарывается между щеками моей задницы.

Его пальцы опускаются под мои трусики.

— Я дам тебе два варианта. — Его голос вызывает всех моих призраков и выводит их возбужденными и бушующими на поверхность. — Ты хочешь, чтобы тебя трахнули, или сама трахаешься?

Я обдумываю его слова, прокручивая их в голове. Когда дело доходит до моих потребностей и того, что мне до сих пор в этом нравилось, все сводится к одному.

— Я хочу чувствовать себя хорошо. Но мне нужно, чтобы это причиняло боль.

Он не отшатывается от моих слов, и мужчина передо мной отрывает свой рот от моего соска, сжимая зубы. Он шипит.

— О, так ты любишь боль?

Я сглатываю, не позволяя словам слететь с моих губ. Отказываюсь признать свое признание. Того, как пульсирует мой клитор при этом слове, достаточно, чтобы я почувствовала себя грязной и испорченной. Не та грязь, которую можно смыть в душе, а та,

которая впивается когтями в твою разбавленную душу.

Когда я не отвечаю, мужчина позади меня обхватывает мою киску ладонью и поднимает меня на ноги вместе с собой. Я по-прежнему ослеплена темнотой, гремит музыка, и теперь моя кожа скользкая от пота.

Как только мы поднимаемся на ноги, мужчина передо мной стягивает с меня платье, пока оно не оказывается бассейном у моих ног. Мой живот нервно вздрагивает, моя киска пульсирует. Так непохоже на Джеймса. Существует ли секс таким образом? Прежде чем эта мысль успеет закипеть в моей голове, мужчина позади меня поднимает меня с земли и разворачивает лицом к себе. Я чувствую, что он жаден, и это мне нравится. От него исходит доминирующая атмосфера. Мы падаем назад, пока он с глухим стуком не ударяется о стену, его рука все еще обхватывает мою киску. Мои пальцы исследуют его лицо. Короткие волосы, сильная, крепкая структура лица. Я погружаюсь в изгиб его скулы, его мягкие губы, которые немного приподнимаются по краям. Он не двигается, его дыхание больше не падает мне на лицо. На этот раз все по — другому, потому что мы стоим лицом друг к другу-но снова не видим друг друга. Он держит мое обнаженное тело в своих руках, но почему мне кажется, что он видит мою душу насквозь. Двигая кончик пальца ниже, я провожу им по его острой челюсти и спускаюсь к соску. Кольцо пронзает его левую грудную клетку, через нее проходит стержень и свисают два украшения. Мне приходится бороться с желанием откусить от него кусочек. Только когда другой мужчина подходит ко мне сзади, мы оба начинаем дышать снова, как будто забыли, где мы были. Возвращаю палец к его рту, изгибы его мягких губ изгибаются в усмешке, и мой живот ударяется о землю. Бабочки порхают у меня в животе и разжигают штормовой ветер, который достигает кончиков моих пальцев.

Это была жуткая ухмылка.

Мой рот открывается, и я наклоняюсь вперед, готовая поцеловать его. Я не знаю, почему я хочу поцеловать его, это, вероятно, слишком интимно для того, что мы собираемся сделать, — он торопливо поднимает меня, поднимая так, что мои ноги должны обвиться вокруг его шеи. Той силы, которая нужна мужчине, чтобы поднять любую девушку таким образом, достаточно, чтобы... *черт возьми*. Его скользкий язык касается моего клитора, и в моем мозгу происходит короткое замыкание.

— О! — Мои ноги сжимаются вокруг его шеи, когда мои пальцы погружаются в выбившиеся пряди его волос. Со мной никогда, ни разу, такого не случилось. Джеймс брал только то, что хотел, и что доставляло ему удовольствие, он никогда не интересовался оральным сексом со мной. Огонь горит в моих венах, когда я погружаюсь все глубже и глубже в неизвестность.

Его язык двигается с силой, скользкий и влажный.

— Я собираюсь сделать тебя хорошей и влажной, а потом мы оба трахнем тебя. Когда-нибудь занималась аналом?

Я киваю головой, прежде чем вспоминаю, что он меня не видит.

— Да. Несколько раз.

— Шлюх трахают, как шлюх. Когда-нибудь парковались дважды? — Мне требуется немного больше времени, чтобы понять, о чем он на самом деле меня спрашивает.

— Ах, нет...

— Ммм, может быть, ты не такая грязная, как я думал... — Он сосет мой клитор с достаточной силой, чтобы я потянулась к своему освобождению. — Жаль, что это скоро изменится. — Его язык погружается в мой вход, и моя голова откидывается назад, мои

волосы давно уже выпали из идеального шифонового пучка. Мое освобождение стекает по внутренней стороне бедер, и я чувствую, как его язык обвивает каждую каплю жидкости, слизывая каждую последнюю каплю. Он делает паузу, прежде чем доходит до моей самой смертоносной тайны, и я на мгновение замираю. Он скользит по мне своим твердым телом, и я падаю на пол у его ног, зажатая между двумя телами, которых я не вижу. Одна рука тянется к человеку, с которым я больше всего знакома, в то время как другая рассеянно ищет другого. *Пожалуйста, не будь таким большим, как этот.* Когда моя рука соприкасается с его грудью, мне чертовски не везет, потому что каждая мышца выпирает у него из кожи.

Дерьмо.

Думай, Джейд, думай.

Я падаю на колени и вслепую тянусь к промежности другого мужчины, возясь с его молнией.

— Сильно хочешь? — он хмыкает, но позволяет мне стянуть их вокруг его лодыжек. Другой рукой я тянусь к главному мужчине, делая то же самое, стягивая с него джинсы. Вдыхая и выдыхая, я тянусь к их обоим членам и... *я собираюсь умереть.*

Вытаскивая главного парня одновременно с другим, я накачиваю толстый ствол другого в ладони, раздуваясь и пульсируя каждую секунду. С главным парнем я провожу кончиком большого пальца по его голове, смахиваю выступившую каплю спермы и втягиваю ее в рот. Я понимаю, что они не могут видеть, что я только что сделала, но я довольно хороша в минете.

— Это вкусно на вкус? — спрашивает он, зарываясь руками в мои волосы.

Я замираю, не желая, чтобы он был нежен с моими волосами. Это то, чем занимается Джеймс. Как только эта мысль приходит мне в голову, он грубо дергает их, притягивая меня ближе к своему члену. Соленый осадок прилипает к задней части моего горла. Он сильно шлепает меня по щеке своим тяжелым членом.

— Я собираюсь трахнуть твой рот сильнее, чем ты трахнула мой. — Наклонившись, я разглаживаю свой язык и прижимаю его к его яйцам, прежде чем скользнуть вверх по его члену, все время покачивая парня рядом со мной.

— Ударь меня еще раз, — говорю я, моя рука ныряет между бедер. Кулак в моих волосах, когда он снова бьет меня по щеке. Моя киска сжимается, стон срывается с моих губ. Погрузив палец внутрь себя, я подношу его к члену другого парня и использую свою влагу в качестве смазки, чтобы накачать его член. — Черт.

Главный парень шипит—*чертовски шипит*—и я почти падаю. Это был самый сексуальный звук в этом чертовом мире. Я хочу услышать больше. Втягивая его в рот мягкими губами, я втягиваю его глубже, пока не чувствую, как его кончик касается моих миндалин. Его хватка крепче, когда моя накачка набирает скорость на другом. Я иду дальше, проглатывая его целиком, прежде чем закрутить языком на выходе. Я обхватываю его член и накачиваю, прежде чем перейти к другому.

Они оба похожи по размеру, насколько я могу судить — и это очень много, — но я бы сказала, что главный парень тяжелее, немного толще. Злее. Проглотив его, я задохнулась.

Я двигаюсь между ними двумя, втягивая их обоих в рот. Не проходит много времени, как главный парень приходит в возбуждение и поднимает меня на ноги за волосы. Это было неожиданно и горячо, посылая потребность и желание, растекающиеся между моих ног. Он мог бы стать грубее, я это чувствую. Он сдерживается.

— Прикоснись к пальцам ног.

Я встаю на ноги, чувствуя, как оба мужчины возвышаются надо мной.

— Заставь меня.

Руки грубо сжимают мои щеки, прижимая мое лицо к его. Снова главный парень. У этого чувака явно есть проблемы, и так уж получилось, что я хочу их решить.

— Тебе, вероятно, не следует раздвигать границы с мужчиной, у которого их нет.

Мое сердце бешено колотится, бедра сжимаются.

— Ни то, ни другое. Сделай.

Он толкает меня вперед, пока я не врезаюсь в стену, ударяясь о нее лицом. Его рука у меня на затылке, сжимается так сильно, что мне нужно откинуться назад, прежде чем выскочит мышца. Он проводит другой рукой по изгибу моего позвоночника, прежде чем обхватить мою киску сзади.

— Собираюсь трахнуть тебя, пока я думаю о ком-то другом.

— Забавно. — Я провожу языком по распухшей губе, слегка морщась, когда чувствую свежий порез и металлический привкус на кончике языка. — То же самое.

Направляя мою голову вперед, он наклоняет меня, пока я не касаюсь ремешков своих каблуков. Я жду пару секунд, прежде чем чувствую, как язык скользит по внутренней стороне моего бедра сзади. Он тянет меня назад все дальше, пока другой парень не оказывается передо мной, его пальцы вцепляются в мои волосы, когда он вырывает то, что осталось от моего собранного пучка, и притягивает меня к своей промежности. Он сжимает свой член одной рукой и, прежде чем я успеваю что-либо разглядеть, с силой шлепает меня по щеке. Мои бедра сжимаются, слипаясь от сырости.

— Ты вся промокла от этого, да? — говорит главный парень сзади, его палец погружается между моих складок. — В конце концов, ты можешь продержаться всю ночь. — Засасывая парня передо мной в рот, другой извлекает свой палец, и я терпеливо жду, когда он снова пососет мой клитор. Тепло скользит по моему анальному входу, и я замираю в своих движениях. Не знаю, как я отношусь к тому, что он ласкает языком мою задницу.

— Мне нужно заставить тебя подчиниться? — спрашивает он, продолжая тем же мучительным движением языка. Его пальцы впиваются в мои бедра, когда его язык, наконец, погружается в мою задницу. Это ощущение не то, что я уверена, нравится мне или ненавижу, и я не знаю, почему он это делает и почему он просто не трахает меня там. Он должно быть встал на ноги, потому что громкая пощечина вибрирует над моей ягодицей, мгновенно обжигая меня. Это приятно, так чертовски хорошо, но мне нужно больше.

Еще больше боли.

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул? — спрашивает он, и я вскрикиваю, когда он снова шлепает меня по тому же месту. — Ответь мне.

— Да, — шепчу я.

Ещё одна пощёчина.

— И ты хочешь, чтобы мой друг тоже взял тебя с собой?

Еще одна пощечина, на этот раз я могу поклясться, что чувствую, как моя кожа раскалывается.

— Да! — Я кричу, пот стекает по моему виску.

— Хорошо, — говорит он, снова шлепая, но на этот раз по моей киске. Я мгновенно пульсирую, выпуская капли спермы вниз по бедру. — Потому что здесь нет безопасного слова. — Он трет меня по моей расщелине, мягко массируя, когда я чувствую, как кончик его члена упирается в мой вход. Посреди этого хаоса он, очевидно, надел

презерватив. Схватив меня за бедра, он мгновенно входит в меня, разрывая меня на части, чтобы вместить его обхват.

— Так чертовски туго. — Он вынимает, проводит своим влажным членом по всей моей киске и щелочке в заднице, прежде чем нырнуть обратно и накачать меня в ритме. Не в силах предложить себе освобождение, которое я так хочу почувствовать, я притягиваю другого парня ближе, заглывая его целиком, в то время как главный парень бьет меня сзади. Глубокие, сильные толчки с достаточной силой, чтобы ударить по краю моей шейки матки.

Он снова вырывается, и я отсасываю кончик у другого парня. Звук его плевок — единственное, что я слышу, прежде чем слюна стекает по щелчке моей задницы, а его палец следует по ее следу. Кончик его члена упирается в вход в мою задницу, и я слегка напрягаюсь, боясь его огромных размеров и крошечной щели в моей дырочке.

Он сильно шлепает меня по заднице одной рукой, а другой собирает мои волосы в пучок.

— Расслабься. — Когда я этого не делаю, он дергает меня за волосы, и моя шея тянется назад, затрудняя глотание спермы, которая стекает мне в горло. — Расслабься, блядь. — Мои мышцы расслабляются вокруг его размера, когда он проникает все дальше и дальше внутрь меня. Я занималась аналом. Много. Джеймс любит анал почти так же сильно, как секс, и я имею в виду не только его член, так что взять его не проблема — обычно, но этот мужчина большой. Я даже не знаю его имени. Как только он глубоко погружается в мою задницу, он вырывается, обнимает меня за талию и снова поворачивает лицом к себе. То, как он обращается со мной, настораживает, как будто я почти ничего не вешу. Засасывая мой сосок в рот, он входит в меня, когда парень позади меня прижимает кончик своего теперь уже одетого в презерватив члена ко входу в мою задницу.

Я делаю глубокий вдох, когда они оба погружаются в меня.

— Ой. — Визг срывается с моих губ, когда они оба входят, и мои руки обнимают главного парня передо мной, мои зубы впиваются в его шею сбоку. Металлическая жидкость касается моего языка, когда я глотаю его гортанное шипение. Он делает пару вдохов и выдохов, в то время как парень позади меня хрюкает, медленно погружаясь в мою задницу. Они оба безжалостно врезаются в меня, мои глаза закатываются к затылку от удовольствия.

Путаница.

Я прижимаю главного парня ближе и, не раздумывая, мои губы находят его. Он не открывает их, не двигается. Становится почти нелепо, что я держу свои губы на его губах, потому что он не отвечает взаимностью, поэтому я отодвигаюсь и посасываю его шею. Не всем нравятся поцелуи. Я поняла.

Мои ноги дрожат, когда они продолжают. Только когда я кричу от облегчения, он падает навзничь, приземляясь на диван. Они оба остаются внутри меня, на этот раз я еду на главном парне, а другой позади меня.

Руки главного парня сжимаются вокруг моих бедер, когда он глубже прижимает меня к своему члену. Он хватает меня за щеки и опускает мое лицо ниже, чем его.

— Открой.

Я делаю.

Слюна скользит у меня во рту, когда парень сзади трахает меня сильнее. Я сжимаюсь вокруг них, мое тело снова готовится упасть под их руками. Еще раз. Я не знаю, смогу ли я

выдержать еще один оргазм, но я все равно гоняюсь за ним.

— Ударь меня, — шепчу я, перекатываясь на него всем телом.

Он шлепает меня по лицу, прежде чем схватить за грудь и затащить в рот. Он кусает мой сосок, и я теряю его. Парень позади меня вылезает из моей задницы, и через несколько секунд его горячая сперма брызжет мне на спину, в то время как главный подо мной хрюкает и стонет, освобождаясь, а мой сосок все еще зажат между его зубами.

Меня переворачивали, шлепали, дергали и трахали до тех пор, пока у меня не затряслись ноги, на коже — я уверена — появились синяки, а по телу размазаны пятна крови.

Мы все замолкаем, поэтому я сворачиваюсь калачиком на полу, пытаюсь отдышаться. Меня встречает тишина, когда они оба собирают свои вещи, дверь открывается и закрывается, и я снова остаюсь одна.

Одна.

Осталась ни с чем, кроме воспоминаний о том, что только что произошло. *Это только что произошло.* Я ухмыляюсь про себя, проводя языком по нижней губе. Я все еще чувствую их обоих на своей коже, чувствую запах их секса в воздухе. Они оставили меня с голодом, который никогда не может быть утолен.

Я хочу их вернуть.

Делая все возможное, чтобы ничего не видеть, я собираю свое платье и натягиваю его на свое тело как раз в тот момент, когда дверь распаивается и загорается свет. Я улыбаюсь, наконец-то разглядев, кто эти двое мужчин, но когда я поворачиваюсь к ним лицом, это Джеймс. Мое сердце падает на пол.

— О, привет, — говорю я, застегивая остальную часть своего платья.

Он делает один шаг внутрь, потом другой.

— Хорошо провела время сегодня вечером, Джейд?

У меня пересохло в горле, во рту пересохло, поэтому я провожу языком по губам.

— Я...

— Джейд... — говорит он, его глаза сверкают холодом, который стекает по моему позвоночнику и опускается на поясницу. — Я же сказал тебе, что ты можешь гулять сегодня вечером.

Он развязывает галстук на шее, бросая его на землю. Это первый раз, когда я хорошо разглядываю комнату и текущее состояние своего платья. На глазах у меня слезы, волосы спутались узлом на плечах, а руки в крови. Я вздрагиваю, когда прикасаюсь к внутренней стороне бедра. Я чувствую себя ребенком в кондитерской, который впервые находит секс. Я никогда не знала, что так бывает. Приятный. Приятный. Глаза Джея блуждают вверх и вниз по моему телу. Мысль о том, что он окажется на мне так скоро после секса с двумя незнакомцами, сжимает мне горло, и мне приходится заставлять себя не выдать сухую рвоту.

Не прикасайся ко мне, черт возьми.

Комната темного синего оттенка, стены окрашены в серый цвет омбре. В углу стоит двуспальная кровать с четырьмя балдахинами, поддерживающими ее. С другой стороны кровати стоит диван в викторианском стиле с пуговицами, вшитыми в подушки, а с другой стороны стены висит целый ряд украшений и игрушек. Очевидно, больше на стороне БДСМ.

— Эта комната-одна из четырех комнат L'artisanant. — Джеймс садится на единственный диван с высокими спинками, которые доходят до потолка, в то время как стороны изгибаются вокруг его тела. Я не знаю, чем он занимается или во что играет, но

Джеймс не зря получил свое имя. — Этим руководят четыре человека, некоторые говорят, что они четверо самых могущественных людей в Америке, а другие говорят, что они просто головорезы, у которых просто было больше мозгов, чем денег, которые затем создали это многомиллиардное тайное общество, которое хранит самые элитные секреты в мире.

— Секс? Вряд ли это секретно, — шепчу я, сгибая пальцы. Я знаю, что не должна отвечать, но что-то за последние пару часов придало мне уверенности, даже если это существует только в моей голове.

Он выдерживает мой пристальный взгляд, положив лодыжку на колено.

— Не только это.

Наконец, я застёгиваю молнию, прикрывая свое тело.

— Есть ли причина, по которой ты хотел, чтобы я была здесь? Пошла с тобой? — спрашиваю я, и того, как дёргаются его губы, достаточно, чтобы подтвердить это.

— Может быть. — Он встаёт на ноги, отряхивает свои безупречные брюки от костюма и протягивает мне руку. — Я отвезу тебя обратно в твоё общежитие.

Я сбиваюсь с шага. Колледж. Мои занятия. Все, что я должна делать вместо того, чтобы быть трахнутой семь раз в воскресенье в каком-нибудь элитном секс-клубе.

Я беру его за руку, когда он выводит меня, распахивая двери. На этот раз, когда мы проходим через главную комнату, энергия угасает, некоторые спят в разных частях комнаты. Я, должно быть, пробыла в комнате по меньшей мере пару часов. Повернув голову через плечо, я вижу, что слова "*Niveau un*" написаны тем же скорописным шрифтом, что и "*L'artisanant*", только подсвечены мягким синим оттенком.

Первый уровень? Вот что влечёт за собой проклятый первый уровень? Честно говоря, мне это понравилось, и я отчаянно пытаюсь подавить вопрос, сорвавшийся с моих губ.

— Как часто они проводят эти... мероприятия? — Это все равно выходит наружу.

Джеймс выводит нас обратно через парадную дверь, пока мы не оказываемся на деревянном крыльце, и вручает служащему наш билет.

— Раз в месяц.

— И почему они это делают? — Я ловлю себя на том, что спрашиваю, но на самом деле не хочу ответа.

Он все равно не отвечает, и когда "Мазерати" возвращается передо мной, я сажусь на пассажирское сиденье с жутким чувством, что что-то или кто-то наблюдал за мной, когда я это делала. Мы не снимаем маски, пока не окажемся на дороге.

Ройсе

Я только один раз в жизни испытал настоящий страх. Джейд было около пяти, и она упала с велосипеда, пока я пытался ее учить. Она накренилась, упала и ободрала колени, оставив пятна крови по всей белоснежной мраморной подъездной дорожке наших родителей. Я помню, как чувствовал себя таким беспомощным, что у меня от злости заболел живот. Я злился на себя, но я также злился на своего отца. Он купил ей этот велосипед, и, по сути, он не был виноват в этом, но в то время весь мой гнев был направлен на него. Я был иррационален. Я слетел с катушек, черт возьми, и замахнулся на него, ударил его прямо в челюсть. Хотел бы я сказать, что хотел бы вернуться к тому же мальчику. К Ройсу Кейну. Собственнический старший приемный брат, который дрочил при мысли о своей несовершеннолетней сестре за закрытыми дверями, но я не могу. Никогда. Время не просто состарило нас. Это тоже разлучило нас.

Раздаётся стук в мою входную дверь, и я беру свой пистолет с кофейного столика, засовывая его сзади в джинсы.

— Ты будешь так нервничать до конца недели, или...? — поддразнивает Джипси, поднимая на меня голову с дивана. — Гребаный гангстер.

— Ты собираешься остаться у себя дома на этой неделе, или...? — Я огрызаюсь на него с рычанием, широко открывая входную дверь, прежде чем поднять глаза на человека, стоящего с другой стороны.

— Сынок, — бормочет папа, расстегивая воротник своего костюма от Армани.

Я отступаю в сторону, приглашая его войти в мой дом. Первая чертова вещь, которую я купил, когда уходил из дома. Расположенный прямо у океана, с доком, окнами от пола до потолка в форме ромба в гостиной и всей мебелью в стиле бревен. Я никогда не хотел быть в центре Лос-Анджелеса, на самом деле, я чертовски ненавижу Лос-Анджелес. Рядом с океаном-вот где мне нужно быть, и таким образом я получаю свою лодку, я получаю природу, и я получаю покой и гребаную тишину, когда у меня нет Джипси или Нечестивца, висящего на моей гребаной руке. От Нечестивца труднее избавиться, так как он живет со мной.

Пинком закрыв дверь, когда он входит, я обхожу гранитную стойку и лакированные барные стулья, делая два шага вниз в гостиную. По бокам разбросаны горы, вдалеке по всему океану разбросаны маленькие островки.

— Все в порядке?

Папа садится на один из стульев, положив руки на ноги.

— Да, хорошо. — Он расстегивает пуговицу на пиджаке и откидывается назад. — У нас может возникнуть небольшая проблема.

— Нет, — говорю я, указывая на него пальцем одной рукой, а другой тянусь за сигаретами. Я падаю на единственное черное кожаное кресло, сверкая концом своей раковой палочки. — Сделка заключалась в том, что не будет никаких гребаных проблем.

Папа смотрит на меня усталыми глазами. Морщины пролегают по краям, когда темная

пятичасовая тень ложится на его подбородок.

— Я знаю, сынок, но мы уперлись в кирпичную стену с одним из дилеров.

Я откидываюсь назад, выпуская облако дыма. Джипси всегда молчит, когда приезжает мой папа. Он ему не нравится. Не знаю почему. На самом деле, он никому из моих братьев не нравится, и это должно быть красным флагом, но я всегда свожу это к тому, что папа не для всех. Он пизда, и притом сухая.

— У одного из моих главных продавцов возникли проблемы с перемещением грузов через границу.

Я пожимаю плечами.

— Ну, черт возьми, здешнему Джипси вполне комфортно использовать свое хорошенькое маленькое гребаное личико, чтобы обмануть пограничный контроль.

Папа неловко переминается с ноги на ногу, одаривая меня напряженной, короткой улыбкой.

— Я понимаю это, но просто дай мне два дня. Я возьму это. — Я скриплю зубами, слегка взволнованный. На самом деле это не первая работа, которую он выполняет для нас: — Сынок, ты же знаешь, что у меня есть это. Я могущественный человек. Посылка будет здесь через два дня, готовая для всех вас. Мы занимаемся этим уже сколько, четыре года, и я ни разу тебя не подвел.

Я хмыкаю, гася сигарету в позолоченной пепельнице, которая когда-то была колпачком от колеса моего велосипеда.

— Два дня, папаша.

Он улыбается, откидываясь назад.

— Сделано.

Я наблюдаю за его глазами и за тем, как они нервно бегают по комнате, я не знаю, всегда ли он был таким или это что-то новое, и я быстро бросаю взгляд на Джипси, чтобы обнаружить, что он уже наблюдает за мной. Его лицо застыло, ничего не выражая.

Я прочищаю горло.

— Ты и мама? — Я проверяю воды, в которые, блядь, хочу нырнуть. — Ты в порядке?

Он со смехом качает головой.

— Спроси меня, что ты действительно хочешь знать.

Сейчас у меня есть два варианта. Я могу притвориться, что не предполагаю, что у него есть маленькая подружка, или я могу показать ему руку, которую держу, зная, что у меня под задницей прячется совершенно новая гребаная колода.

— Ты примерно в том возрасте, чтобы найти кого-то вдвое моложе тебя, это все... — Мои пальцы сгибаются.

Он хихикает. Я почти чувствую, как глаза Джипси сверлят меня. Он ни хрена не понимает в том, о чем я говорю, он просто предполагает, что я догадываюсь, кто на самом деле мой старик.

— Возможно, я... — папа произносит слова, которые я уже знаю.

— Эта бедная маленькая сучка. Она горячая штучка? — шучу я, выставляя ногу перед собой. — Дай ей знать, что, когда она кончит кататься на конченном члене папочки, она сможет опуститься на колени перед своим хозяином.

Папа заметно замирает, и это самая сильная эмоция, которую я видел в нем с тех пор — навсегда. Он вообще бесчувственный человек, с трудом переключающий энергию, чтобы приспособиться к кому-либо. Он снимает напряжение с легкой улыбкой на губах.

— Ммммм, конечно. — Встав, он проводит большим пальцем по губам. — Увидимся через два дня. — Как только он подходит к двери, его пальцы сжимают ручку, когда он смотрит на меня через плечо. — О, и мальчик? Хочешь присмотреть за своей сестрой?

— У меня были все планы сделать это, но не по тем причинам, на которые ты, как ее отец, вероятно, надеешься.

На этот раз он поворачивается лицом ко мне, прислонившись к дверному косяку.

— Подробнее.

— Ну, — говорю я, поднимаясь со стула. — Ты надеешься, что я сохраню ее в безопасности, знаешь, подальше от всех плохих маленьких мальчиков в колледже. Что, учитывая, что это определено то, что я сделал бы в прошлом, но сейчас мне плевать. — Я ухмыляюсь, поднимаюсь по ступенькам и направляюсь прямо к холодильнику. — Но я все же присмотрю за ней. Только теперь я буду наблюдать за ней, обхватив рукой свой член. — Я подмигиваю ему, обхватываю руками свое холодное пиво и захлопываю холодильник из нержавеющей стали.

Папа качает головой.

— Ты действительно собираешься продолжать всю эту историю с инцестом? Я имею в виду, я всегда знал, что ты неравнодушен к ней, но это?

Я глотаю свое холодное пиво, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Остынь, старина. Я не собираюсь опускать палец в горшочек с медом. — Игнорируя его, я надеюсь, что он исчезнет, чтобы я мог вернуться к делам с Джипси.

Дверь закрывается за ним как раз в тот момент, когда Джипси открывает рот.

— Ненавижу этого ублюдка.

Посмеиваясь, я откидываюсь на спинку стула и качаю головой.

— Ты параноик. — Мой телефон звенит в кармане, и я лезу внутрь, открывая новое сообщение.

Нелли: Она раздражает. Почему я должна постоянно наблюдать за ней?

Потому что я, блядь, так сказал.

Я бросаю телефон на кофейный столик.

— Что-то не так с папой и его грузами.

Джипси насвистывает, когда я беру ключи от своего байка.

— Черт возьми, возможно, ты тоже захочешь это проверить, брат. — Я смотрю на его телефон, который он передает мне, прежде чем вернуться к нему.

— Что? — Я выхватываю у него трубку и смотрю на телефон. Это девушка, голая и связанная, лицом к камере. Ее длинные каштановые волосы струятся по спине, мягкими волнами останавливаясь над копчиком. Самое сексуальное гребаное тело, которое я когда-либо видел, с изгибами, от которых у меня зачесались пальцы, тянущиеся к прикосновению, и мягкой задницей, которая опускается туда, куда ей положено.

Я нажимаю кнопку воспроизведения, когда понимаю, что это видео.

Мужчина на записи выходит из-за телефона, одетый в темный костюм, перчатки и лыжную маску. У меня перехватывает дыхание, когда я вижу эмблему с бриллиантом "К", поблескивающую на его цепочке.

Все знают, кто такой этот чертов Кей Даймонд. Он печально известен в секторе торговли людьми подпольных отбросов. Само название произошло от его символа. Это буква "К", а затем еще одна зеркальная буква "К", образующая ромб, где начинается и заканчивается каждый кончик буквы.

— Это твой телефон, чувак, — шепчет Джипси, указывая на него.

Я сжимаю челюсти. *Какого хрена ему нужно.* Мы все знаем, как он работает. Он выбирает своих жертв, которые, как он знает, могут себе это позволить, и дразнит их чем-то или кем-то, что, как он знает, мы захотим или будем хотеть, предлагая за них определенную цену. Если мы проигнорируем это, он убьет этого человека — что, честно говоря, я не знаю, кто эта сука на видео, так что мне было по хуй, — но потом он ударит твою маму, бабушку, гребаную сестру, тетю. Любая другая женщина, с которой ты близок. Так он выбирает своих жертв. Никто не знает, почему он делает то, что делает, и даже как. Он скрывает свою личность за лыжной маской и камерами. Если вы купите свою приманку, которую он вам пришлет, они придут с клеймом K Diamond, выжженным на их плоти в качестве напоминания. Он серийный убийца, насильник и, блядь, полный мерзкий ублюдок.

Его тело движется перед девушкой, когда она скручивает и поворачивает запястья вместе в веревочных узах. На затылке у нее завязан красный галстук, но в остальном ее кожа чистая.

Она не кажется такой грязной, как другие девушки, которых я видел на его видео. У нее золотистая загорелая кожа, и на этот раз меня раздражает, что я не вижу лица жертвы. Есть причина, по которой этот мужчина выбрал меня, но никогда не было случая, чтобы он специально выбрал девушку для своей жертвы.

Стоя перед ней на коленях, я наблюдаю, как его лыжная маска появляется в поле зрения поверх ее хрупкого плеча.

— Этот совсем другое. — Голос, который раздается, записан на диктофон. — Вы готовы поставить на Даймонда? — Прежде чем я успеваю ответить или принять что-либо из видео за подсказку, видео обрывается, и я снова смотрю на пустой экран.

— Как тебе удалось попасть в поле его зрения? — спрашивает Джипси, попыхивая косяком, как будто от этого зависит его жизнь.

Мои пальцы в спешке летают над телефоном, и когда я подношу его к уху, голос Шторма прорезается.

— Сегодня вторник, ты же знаешь, что по вторникам я занят. В чем дело?

— Мне нужны твои умные мозги.

Я вешаю трубку, и мы выходим из моего дома, перекидывая ногу через байк и надевая шлем.

— Ты собираешься купить эту цыпочку? Играть в игру K?

Я усмехаюсь.

— Черт возьми, нет. Когда он пришлет мне части ее тела, я сохраню их в своем морозильнике.

Заезжая в здание клуба, я пинаю стойку для своего байка как раз в тот момент, когда Лайон выходит с сигарой, свисающей из его ухмыляющегося рта.

— Что тут смешного, ублюдок?

Он вынимает сигару, качая головой.

— Как все прошло с вашим посетителем?

Мой рот захлопывается, как раз в тот момент, когда Бонни, жена Лайона, выходит из здания клуба. Клубный дом — это старый дом, построенный в 1950-х годах одним из первых членов Wolf Pack MC. Дом принадлежал семье Лайона на протяжении многих поколений. Промышленные здания, которые его окружают, были построены вокруг этого

дома. Впереди стоят четыре маленькие колонны и крыльцо, на которое слишком много раз наступали окровавленные байкерские ботинки. Кроме того, облупившаяся краска от пулевых отверстий и тонированные стекла скрывают все мерзкое дерьмо, которое происходит внутри. Шесть спален, две гостиные, столовая комната и продолжение солнечной террасы с задней веранды. Это все, что любили пожилые люди. В прежние времена это стоило бы, блядь, тонны дерьма. Расположившись на паре акров, вся территория огорожена металлической решеткой. С одной стороны есть гараж, заполненный баром, бильярдными столами и диванами, заполненными спермой, а с другой — бойцовский ринг. Типичное дерьмо. В задней части участка, за домом, спрятана небольшая игровая площадка, а за ней находится место, где мы хороним прошлых братьев. Надгробие за надгробием тянется до задней линии забора. Детям чертовски нравится, когда они здесь, говорят, что в этом месте водятся привидения. Так оно и есть. Мы живут и дышат друг другом, это дерьмо не прекратится в тот день, когда мы умрем. Это продолжается на почве, на которой мы веселимся.

— Не чертовски хорошо. — Я закатываю рукава рубашки, закручивая их вокруг локтей.

— Хочешь позвонить в церковь?

Я киваю головой.

— Да.

— Что это я слышала о симпатичной девушке, несколько ночей назад, которая была здесь из-за тебя? — Бонни дразнится, уперев руки в широкие бедра. Бонни примерно того же возраста, что и Лайон, ей за пятьдесят. У нее длинные светлые волосы, карие глаза-бусинки и много всего такого, что со мной не связывается.

— Прежде всего, она моя сестра.

Улыбка Бонни только растягивается еще больше.

— Ну, я была бы осторожна, если бы ты приводил ее сюда, ты же знаешь, что если она не принадлежит тебе, то это сделает один из этих ублюдков.

Я отключаю ее, когда мы входим в дом.

Как только я оказываюсь внутри, я следую за Лайоном в главный зал заседаний совета директоров дома, также известный как гостиная, где мы проводим то, что мы называем церковью. Чертовски банально, но поскольку нет адской комнаты, эквивалентной церкви, мы продолжаем ее использовать.

Я сажусь справа от Лайона, в то время как остальные братья собираются по одному. Мои глаза сразу же находят Нечестивого, легкая усмешка играет на моих губах, когда мой палец потирает верхнюю губу. Его челюсть сжата, глаза мертвы. Нечестивец — это именно то, как его воспринимает его имя, чертовски злой. Он тот, кого я выбираю, чтобы взять с собой, если мне нужно что-то сделать, и точно так же с ним.

Он садится рядом со мной, а Джипси сидит напротив, по другую сторону от своего старика, он же Лайон. Этот маленький засранец-законченный долбаный болван, сводящий с ума своего старика. Его никогда не будут воспринимать всерьез в клубе и будут уважать только из-за его происхождения от Волчьей Стаи. Что делает его сопляком. Правосудие идет рядом с Джипси, нашим уравновешенным бывшим адвокатом, который может договориться о выходе из любой сделки в самый гребаный момент. Рядом со Нечестивым находится Ру, австралиец в клубе и тридцатитрёхлетний Тор, выглядящий ублюдком. Я хотел, чтобы его звали Тор, когда он вошел, но он вместо этого получил Ру, потому что, когда он дрался с Джипси на ринге, Лайон сказал, что он брыкался, как кенгуру. Если бы вы когда-нибудь

видели, как работает одна из этих мускулистых машин, вы бы знали, что это не гребаный комплимент. У него длинные светлые волосы, чертовски голубые глаза и кожа золотистая, как песок Сиднея Бонди, из которого он родом. Симпатичный ублюдок тоже может проломить тебе череп одним движением запястья, так что я бы с ним не связывался. Напротив Ру — Кукла Билли, да, после того же самого психопата из *Пилы*. Я имею в виду, нужно ли мне говорить больше? Билли облажался по уши, и я не имею в виду это легкомысленно. Он любит играть в игры со своими жертвами, а это значит, что я очень редко беру его с собой на убийства. Он валяет дурака, любит тянуть со смертью так долго, как только может, прежде чем на самом деле избавить бедного ублюдка от страданий. Однажды, на Сицилии, мы оказались в центре мафиозной войны между итальянцами и русскими. Это был гребаный беспорядок, но Билли решил отправить сообщение Братве, которая, по-видимому, лично оскорбила его, надев розовый цвет. Это был один мужчина, который был одет в розовое, но Билли обиделся. Он взял его, уложил этого бедного маленького ублюдка под гидравлическую машину и медленно раздавил его. Я выражаюсь чертовски легкомысленно. Там были минуты, прежде чем он зажал это гребанное дерьмо, как гребаный блинчик, что его плоть выскакивала по бокам, распухла и вот-вот лопнет. Каждый раз, когда этот маленький засранец неправильно отвечал на вопрос, Билли нажимал на кнопку. И я имею в виду, он задавал глупые вопросы, например, что после Б? Ребенок говорил “С!”, а Билли смеялся как маньяк, царапал *«К черту полицию»* татуировку у себя на шее и говорил: “Э-э-э! Неправильно!”, затем снова нажмите кнопку. Мы бы все сидели там, блядь, ошарашенные, но мы знали, что это то, во что он любил играть. Я имею в виду, что его история достаточно хреновая для книг. Он также является исключением из того, как вы должны судить о ком-то по его прошлому. Даже если они больше там не живут, они все равно когда-то решили там жить. Он такой долбанутый на голову.

Напротив Билли сидит Фьюри. Фьюри-ветеринар, афроамериканец, с которым на самом деле ты не хочешь ссориться. Он человек старой закалки, и у него нет проблем покончить с твоей жизнью кулаком. Фьюри также один из самых умных ублюдков, которых я когда-либо встречал. Когда-либо. Он отец-одиночка для самого надоедливого отродья в мире, но она также принцесса МС, так что, если кто-нибудь будет приставать к ней, я убью их.

Флаффи и Слим — наши две перспективы — на данный момент, — но они не сидят с нами в церкви. Мы оставляем перспективы с Билли. Он развлекается с ними так, что хватит на всю гребаную жизнь. Бедные маленькие ублюдки.

Молоток Лайона падает, и стук по твердому куску дерева заставляет всех замолчать.

— Псих, какого хрена происходит с твоим стариком?

Jade

Колледж начинает все больше и больше походить на тюрьму. Здесь еще хуже, потому что у меня нет безопасности моей мамы, на которую я могла бы опереться. Я в клетке между реальностью и моим кошмаром, я не могу пошевелиться. Я не могу дышать. Я одна, хотя Слоун всегда со мной.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает Слоун, протягивая мне чашку Соло. Это вечер пятницы, и Джеймс обычно бывает у меня по субботам, но я ничего не слышала о нем со вторника. Я благодарна, что не видела его с тех пор, потому что это было странно.

Мы движемся сквозь море людей, в то время как моя голова гудит от музыки, а кровь нагревается от алкоголя внутри меня. Я опрокидываю свой напиток в горло.

— Мне нужно убираться отсюда, Слоун, — кричу я ей на ухо, когда она тянет меня на танцпол в гостиной.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она, обнимая меня за талию и падая мне на спину. — Мы только что приехали!

Я поворачиваюсь к ней лицом, мои руки касаются ее щек.

— Я имею в виду окончание колледжа. Я не думаю, что нахожусь в правильном расположении духа, чтобы закончить его прямо сейчас. Я уже знаю, что терплю неудачу.

Слоун отмахивается от меня, хватая меня за руку и ведет к передней части дома.

— Чепуха! — Она проходит через парадную дверь, пока мы не оказываемся во внутреннем дворике. — Но я поддержу тебя, если ты сделаешь перерыв. Я понимаю, Джей, ты была немного не в себе в последнее время. Я поддержу все, что тебе нужно будет сделать.

Мои плечи слегка расслабляются, когда эмоции накапливаются в моем горле. Я люблю Слоун. Я искренне верю, что каждой девушке нужен лучший друг, но не каждой девушке нужен муж. Любовь супруга обусловлена, видите вы это или нет. Когда вы впервые влюбились в своего партнера, на то были причины. Лучший друг будет любить тебя вечно.

— Спасибо... — Грохот байков, доносящийся с улицы, останавливает мои слова. Я качаю головой и внутренне закатываю глаза. Ни хрена себе не может быть. — Спасибо. Мне нужно еще выпить.

— Еще выпить? — шепчет незнакомый голос позади меня, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кому он принадлежит. Он сверкает своими жемчужно-белыми зубами передо мной, полный контраст с его черными волосами. — Меня зовут Дженсен.

Я мягко улыбаюсь, стараясь не съежиться. Я не знаю, почему парни из колледжа не делают этого за меня, и очень кратко я подумала, что этот мог бы. Но теперь, лицом к лицу, я знаю, что это еще одна неудача.

Я беру у него напиток.

— Спасибо.

— Джейд, верно? — говорит Дженсен, прислоняясь к перилам. Его глаза остаются на моих, его ноги скрещены в лодыжках.

Я киваю.

— Ага, — делаю глоток плоского пива. Все, что связано с колледжем, сильно переоценено. Даже несколько навеселе, это никак не заполняет пустоту, которая ноет в моей груди.

— Олли внутри? — спрашивает Слоун, подмигивая мне. — Я думаю, я пойду и найду его.

Где-то в глубине моего сознания звенят предупреждающие колокольчики, но я заставляю их замолчать. Мне нужно было поступить в колледж. Мысленно меня там нет. Я на много лет опережаю всех людей в этом месте. Я борюсь изо всех сил.

Взгляд Слоун скользит поверх моего плеча, в то время как музыка продолжает доноситься из дома. Она бледнеет.

— О черт. Джейд...

Я слегка поворачиваю голову через плечо и вижу, что Ройс бросает свой шлем на землю рядом со своим работающим на холостом ходу байком, его глаза в ярости устремлены на Дженсена. Его челюсть напрягается, кулаки сжимаются. Как, черт возьми, я могла упустить тот факт, что их байки остановились? Все вращается, мой мозг затуманен. Ах, наверное, поэтому.

Мои брови выгибаются, когда он приближается, но как раз в тот момент, когда он собирается приблизиться к нам, один из других байкеров встает перед ним, положив руку ему на грудь. У этого короткие волосы по бокам, более длинные на макушке. Похоже, у него нет ни капли татуировок, и он выглядит почти слишком хорошо, чтобы быть в жилете МС, не обижайся Ройс. Нечестивый. Нечестивый наклоняется к уху Ройса и шепчет что-то, что могут слышать только они, прежде чем я наблюдаю, как лицо Ройса превращается в безмятежность. Спокойный. Весь гнев, свидетелем которого мы все были, исчез.

Глаза Ройса встретились с моими, на его губах появилось рычание. Он отталкивается от Нечестивца и бросается ко мне, только на этот раз он делает это, хватая сигарету, вставляя ее между распухшими губами и изящно прикуривая.

Боже, Ройс.

Так чертовски красиво, что у меня болит душа. Когда я была подростком, я думала, что эта боль вызвана бабочками, но сейчас я чувствую не бабочек в животе. Это моя душа вырывается из-под моей кожи, и осколкам некуда деться. Это все, что должно было бы убить тебя, но не убивает, вместо этого оно остается в твоих венах, распространяя яд. Изгиб губы, симметрия лица, сильная челюсть, красиво очерченные скулы, заточенные скальпелем. Это даже татуировки, которые окрашивают его безупречно мускулистую кожу, и то, как его темные ресницы веером расходятся по щекам. Это его раздражающе идеальный нос и безупречно прямые белые зубы. Ройс Кейн не для одной девушки, он для каждой девушки. Он-тайная фантазия твоей мамы и неуверенность твоего отца.

А ещё он большая шлюха.

— Что ты здесь делаешь? — говорю я сквозь стиснутые зубы, как раз когда он переводит взгляд на Дженсена. Я удерживаюсь на ногах, вцепившись в деревянные перила. Уууу.

Он подмигивает Дженсену.

— На самом деле, не для тебя. Где Нелли? — Я стараюсь, чтобы то, как он отвергает мою встречу с Дженсеном, не повлияло на меня. Это то, чего я всегда хотела, — не привлекать его внимания, так почему же это меня так беспокоит?

— Она в доме. — Я прислоняюсь к перилам, что ставит меня прямо перед

Дженсеном. Если бы я отодвинулась чуть дальше, мои ягодицы ударились бы о его промежность. — И вообще, что для тебя Нелли?

— А-а-а, — говорит Дженсен, его рука опускается на мое бедро. Мгновенно глаза Ройса устремляются туда, где они изгибаются.

Резкие морщинки вокруг его глаз смягчаются, когда он быстро берет себя в руки. Он делает шаг вперед, его грязный военный ботинок задевает кончик моего "Живанши". Тепла, исходящего от его тела, достаточно, чтобы зажечь разгневанный ад. Или, может быть, я пьяна.

Он наклоняется, пока кончик его носа не касается моего виска. Хватка Дженсена напрягается вокруг моей острой тазовой кости.

— Мммм, — тихо рычит Ройс, его теплое дыхание касается кожи на моем лице. — Разве вам не хотелось бы знать, герцогиня? — При простом упоминании моего прозвища мои внутренности затвердевают.

Вдохни.

Выдохни.

Почему его голос вдруг показался мне знакомым?

Ты пьяна.

Я отступаю назад, забывая, что Дженсен прямо там, так что, очевидно, моя задница ударяется о вершину его гребаных бедер.

— Нелли в доме.

— Кто это? — Дженсен шепчет мне на ухо сзади. Я должна отдать ему должное, у него есть яйца, чтобы не съеживаться в присутствии Ройса.

Любой другой мужчина определенно сделал бы это.

Мои глаза встречаются с глазами Ройса, ободок пластика подносится к моим губам, когда в нос мне ударяет вонь несвежего пива.

— Только мой брат.

— О, черт, чувак! — Дженсен хихикает, отодвигая меня. — Я думал, ты бывший парень или что-то в этом роде, но решил, что ты немного староват. — Ему буквально двадцать два. Дженсен-полный придурок. Ройс, которого я знаю, уже ударил бы Дженсена, но я думаю, что он не тот мальчик, которого я знала.

Он более спокоен. Больше контроля. Он-оружие, которое было заточено и использовалось только для массового уничтожения.

У меня неприятности.

Ройс смотрит мне в глаза, но его слова обращены к Дженсену.

— Если бы только.

Он уходит, и я, наконец, выдыхаю воздух, который задерживала. Дженсен снова тянется ко мне, но все, чего я хочу, — это убежать. Я не могу дышать, задыхаясь от этой жизни, это не помогает. Я чувствую, как мой разум проваливается в темную дыру, и не думаю, что на этот раз у меня хватит смелости выбраться из нее. Все вокруг меня замедляется, когда мой пульс учащается. Я делаю несколько шагов, необходимых, чтобы добраться до травы. Я смутно вижу байки, припаркованные у входа, но мне на них наплевать. Я хочу, чтобы в моем общежитии было безопасно, чтобы меня держали в помещении, в моих мягких одеялах и в безопасности.

Безопасность.

Прежде чем я успеваю остановиться, я убегаю. Ветер треплет мои волосы, высушивая

слезы, которые продолжают стекать по моим щекам. Моя жизнь в дерьме. Я разорена. Я хотела бы вернуться на все те годы назад и помешать ему уйти. Я бы хотела, чтобы он заботился обо мне настолько, чтобы не бросать меня в первую очередь. Боль сжимает свой стальной кулак вокруг органов моего сердца и сжимает их.

— Джейд! — Я слышу, как кто-то кричит позади меня, но уже слишком поздно, мне нужно уходить. Мне нужно быть подальше от всего и всех. Мне нужна тишина и утес с самой голубой водой внизу. Я хочу смотреть, как угрюмые волны разбиваются о темные скалы, чтобы моя душа знала, что она не одна.

Чья-то рука обхватывает меня за талию, и меня отрывают от земли. Я откидываюсь назад, раздраженная слезами. Боль. Слабость.

— Отпусти меня!

— Джейд! — снова кричит он, только на этот раз его голос звучит слишком знакомо. Как желчь, подступающая к моему горлу, его имя звучит в моей голове.

Джеймс.

Я замираю в его объятиях, опускаясь на колени.

— Мне жаль. Я не знала, что это ты.

Я не хочу, чтобы меня наказывали. Я устала. Я думала, что он Ройс. Он говорил как Ройс. Моя голова склоняется, когда в поле зрения появляются темные ботинки. Я слабо слышу еще один байк, но отмахиваюсь от него.

Это ботинки, а не мокасины. Прежде чем я успеваю встать, Ройс встречается со мной лицом к лицу, его глаза изучают мои.

— Что ты делаешь, герцогиня?

Я сглатываю комок, который застрял у меня в горле. *Он никогда не узнает.*

— Я... — Ища его глаза, их синей глубины достаточно, чтобы напомнить мне о волнах, по которым я так отчаянно тосковала всего несколько мгновений назад, его зрачки цвета скал, о которые они могли бы разбиться. — Почему ты не взял меня с собой?

Ройс бледнеет, вся кровь отливает от его щек.

— Что?

Не повторяйся. Ты еще пожалеешь об этом. Он больше не заботится о тебе; он ясно дал это понять.

— Почему ты оставил меня там?

После некоторого молчания он фыркает.

— То, что ты была там, было лучше для тебя, чем то, что ты была со мной. Поверь мне. — Он встает, подтягивая меня за собой. Прежде чем я успеваю возразить, он направляет нас обратно к вечеринке, подавая сигнал тому, кто следовал за ним на байке.

— Но в том-то и дело, — бормочу я, отказываясь вырваться из его хватки. Это слишком приятно. Как будто пустая часть моей души узнала то, чего ей не хватало четыре года. — Я тебе больше не доверяю.

— Послушай, — говорит Ройс, как только мы подходим к краю подъездной дорожки. Он оборачивается, кладет руку мне на горло и прижимает к кирпичной стене. Зажав мою ногу между ног, чтобы прижать меня там, он наклоняет голову и изучает меня. — Во-первых, мне плевать на твое доверие. Все, чего я хочу, это чтобы ты держалась подальше от неприятностей и не высывалась. Второе? Перестань говорить о чем-то другом, чем оно есть на самом деле. Ты моя сестра, о которой я, блядь, не просил, но все равно защищаю. Мне плевать, с кем ты трахаешься в свободное время, где ты живешь

или... — Он делает паузу, облизывает нижнюю губу, а затем ловит ее зубами. Его хватка на моем горле усиливается. — Или как чертовски хорошо моя рука смотрится на твоём горле. А теперь перекинь эти чертовы ноги через мой байк.

Он отталкивает меня, и моя рука оказывается там, где была его, мягко массируя ее. Я чувствую, как кусочки меня самой медленно исчезают. Джеймс забрал все, что у меня было, и заменил это болью, и единственный человек, на которого я опиралась большую часть своей жизни, теперь ненавидит меня.

— Я могу найти свою собственную машину. — Я протискиваюсь мимо него и иду по подъездной дорожке. Байки грохочут на заднем плане, в то время как мужчины на них наблюдают за нами внимательными, но нетерпеливыми глазами. Как будто они очарованы тем, что видят. Вечеринка в основном проходит внутри и снаружи, но в патио есть несколько человек, в том числе Нелли, Олли и Слоун. Дженсена нигде не было видно. Слава богу.

— Герцогиня! — Ройс щелкает, и это приковывает мои ноги к земле. — На моем байке. Прямо сейчас, черт возьми. — Воздух вокруг меня колыхается, и гнев медленно выплескивается на поверхность. Я не хочу устраивать сцену. Мне никогда не нравилось его делать, но он выводил меня из себя больше раз, чем я могу сосчитать сегодня вечером, и да, мои эмоции, возможно, были задеты несколько минут назад, достаточно, чтобы не отвечать ему, но теперь я злюсь.

Я разворачиваюсь и делаю четыре шага туда, где он возвышается надо мной. Я отвожу руку назад, крепко сжимаю кулак и бью его прямо в челюсть. Он почти не двигается, но все равно.

— Пошел ты, Ройс! — Я кричу ему в лицо на цыпочках — и все еще не достаю до его шеи. — Пошел ты на хрен за то, что бросил меня, а потом вернулся и думаешь, что можешь указывать мне, что делать, как будто я какой-то маленький щенок, которого ты держишь на поводке. Ты! — Я тычу пальцем ему в лицо, и в этот самый момент понимаю, что облажалась.

Он хватается мой палец в ладони, в то время как другой его палец снова летит к моему горлу, и я падаю назад, моя голова ударяется о траву. На несколько секунд у меня двоится в глазах, в то время как Ройс крепко держит меня повсюду.

— Все еще чертово отродье, да? — Он наклоняется, пока кончик его носа не касается мочки моего уха, и только я могу слышать, что он говорит. — Я собираюсь сказать это один раз, герцогиня. Теперь ты разрешена. Я бы следил за этим гребанным тоном. — Оттолкнув меня, он встает на ноги, глядя на меня сверху вниз. — Единственная вещь, на которой ты едешь сегодня вечером, это не я, это мой байк. А теперь иди нахуй, и, может быть, только может быть, я отвезу тебя завтра обратно в твоё общежитие. — Как будто он выбил из меня весь алкоголь. Поражение сжимает свои уродливые тиски вокруг моих костей, в то время как мои глаза остаются прикованными к небу.

— Я не останусь в твоём клубе, Рой.

— Байк, Джейд. Сейчас же.

Оттолкнувшись от травы и сердито вытаскивая ветки из волос, я хмуро смотрю на него, игнорируя смешки вокруг меня.

— Я ненавижу тебя.

— Больше, чем я могу сказать о тебе. Я вернусь через секунду. — Он заглядывает мне через плечо. — Она двигается, привяжи ее к моему байку. — Мои руки обхватывают мое

тело, когда я послушно направляюсь к матово-черному "Харлею Дэвидсону", припаркованному сбоку. Поворачиваясь, чтобы посмотреть через плечо, мой взгляд снова падает на того же парня, Нечестивца. Непреднамеренно я ищу его в любое время, когда он рядом. Мой желудок вываливается из задницы, когда я обнаруживаю, что он уже внимательно изучает меня. Нелли сказала, что он не говорит, интересно, что это значит и почему. Я не могу не хотеть узнать о нем больше.

— Ты знаешь, — говорит тот, что помоложе, кажется, его зовут Джипси. Он ухмыляется из-под своих растрепанных каштановых волос. У него нежные глаза, слишком красивые черты лица. — Не пойми меня неправильно, видеть, как Псих разозлился из— за девушки, на этот раз чертовски забавно, но, я должен сказать... — Он присвистывает, качая головой.

— Не говори этого, — бормочет один из мужчин. У него более темный цвет кожи, бритая голова и карие глаза.

Джипси продолжает.

— Ты как один горячий кусок гребаной задницы, и если он не ударит по ней, я это сделаю.

— Ты тупой ублюдок. — Тот же самый мужчина качает головой, зажмурил глаза.

Поговорив с Нелли и Слоун, Ройс возвращается ко мне и надевает свой шлем мне на голову.

— На байке, не позволяй своим ногам касаться труб, и обними меня. — Я делаю, как мне говорят, после того, как он приготовился. Заводя его, вибрация разгневанного двигателя ударяется о мою интимную область, и я быстро сжимаю ноги, что означает только то, что они сжимаются вокруг Ройса.

Он оборачивается через плечо, достаточно, чтобы я увидела ухмылку в уголке его рта и ямочку на щеке.

Заводя двигатель, я обхватываю его руками за торс, когда он выводит нас с подъездной дорожки.

Примерно через тридцать минут езды он въезжает в здание клуба, ворота открываются, и люди высыпают из парадных дверей. Сегодня вечер пятницы, и еще довольно рано, так что количество людей, которые устраивают вечеринки, совсем не удивительно, хотя это разрушает мои надежды погрузиться в теплые простыни и позволить сну овладеть мной.

Байки выключаются, и все слезают с них. Я слеую за ним, мои ноги превращаются в желе, как только они снова оказываются на земле.

Я снимаю шлем.

— Могу я просто лечь спать?

Ройс игнорирует меня, поворачивается спиной и направляется в главный дом. В углу, где установлен восьмиугольник, происходит драка, пьяные мужчины смеются и подбадривают друг друга, а из дома доносится громкая рок-музыка. Я чувствую, что на меня смотрят тысячи глаз, и я не хочу ни одного из них.

Я знаю, что это его область, и я не хочу раздражать его, следуя за ним повсюду. Я также не хочу, чтобы он чувствовал, что должен заботиться обо мне, поэтому, как только он исчез в доме, я внимательно осматриваю всех присутствующих здесь людей. Смесь старых и молодых, некоторые среднего возраста. Больше мужчин, чем женщин, некоторые большие, некоторые худые, некоторые мускулистые, некоторые средние.

— Ты удивляешься, почему он оставил тебя здесь безоружной, — шепчет голос позади меня, и я закрываю глаза, чтобы перевести дыхание. Это действительно приятный

голос. Мягкий и гладкий, как бархат. Он обволакивает твоё тело, как шелк.

Повернувшись лицом к владельцу, я удивляюсь, когда вижу Нечестивца, прислонившегося к своему чистому белому Харлею, его руки скрещены, а ноги такие же.

— В некотором роде.

Нечестивец не вздрагивает, его глаза не отрываются от моих. Меня нервирует, как он может это делать. Говорите много, не говоря вообще ничего.

— Ройс никому не позволяет кататься на своём байке. Ты вошла вот так. — Нечестивый широко раздвигает ноги, и у меня слюнки текут. — Теперь никто даже не вздохнет рядом с тобой. Он знает, что ему не о чём беспокоиться".

— А ты? — Я ловлю себя на том, что говорю, а потом мне хочется ударить себя за то, что я сказала это вслух. — Ты сделаешь это? — Я всегда была из тех, кто предпочитает танцевать с опасностью, чем гулять с обыденностью.

Нечестивый наклоняет голову на дюйм, принимая меня.

— Думаю, это будет зависеть от Ройса. — Он спрыгивает с байка и проходит мимо меня. Прежде чем он успевает отойти ещё дальше, я окликаю его.

— Нечестивый? — говорю я, изучая его широкие плечи и спину. — Ты назвал его Ройсом, а не Психом?

Его плечи напрягаются, прежде чем он расслабляется и идет дальше к дому. Я все еще не знаю, что я здесь делаю, стоя здесь, но тот разговор с Нечестивцем был странным. Все остальные люди здесь называют Ройса Психом. Кроме него. Станный. А может, и нет. Я пробираюсь в сторону дома, нахожу маленькую тропинку, ведущую к задней части.

— Эй! — говорит кто-то из темного угла небольшого садового сарая, подпрыгивая ко мне и засовывая то, что, вероятно, было косяком, в задний карман. — Ты сестра Психа? — она симпатичная. С каштановыми волосами до плеч и маленькой худенькой фигуркой. На ней обтягивающие синие узкие джинсы и свободная футболка Harley Davidson.

— Ах, да?

Она кричит, ее тощие руки обвиваются вокруг моей шеи и притягивают меня к своей груди.

— Я Эверли, но люди зовут меня Сильвер, в честь моей мамы. Я дочь Фьюри!

Я не знаю, кто такой Фьюри, но я киваю, неловко обнимая ее в ответ.

— Круто!

Она отступает назад.

— О боже мой. Я всегда хотела старшую сестру. Это здорово иметь кого-то еще моего возраста, так как все женщины стары, как... чееееерт!

— Эй! Ты маленький гребаный засранец! — кричит кто-то еще, оглябая заднюю часть дома, положив одну руку на бедро. — Однажды я надеру тебе задницу.

— Черт, пожалуйста. Ты любишь меня и знаешь это. — Сильвер жестом указывает на меня. — Это сестра Психа! Посмотри, какая она хорошенькая!

Пожилая женщина закатывает глаза, подходя ко мне ближе.

— Не обращай Внимания на Сильвер. Она так привыкла быть девчонкой, что забывает, что ей семнадцать.

Сильвер отшвыривает ее.

— Лайон явно не правильно тебя бьет, или у тебя менопауза?

Женщина игнорирует ее, не сводя с меня глаз. Ее кожа прекрасна для ее возраста, но ее глаза рассказывают о том, как много они видели.

— Я Бонни, жена Лайона.

— Привет, — говорю я, скрещивая руки на груди. Лайон — это страшно. Я не могу представить, чтобы эта женщина терпела его.

Сильвер берет ее за руку в мою.

— О, это потрясающе. Беа будет так зла, когда увидит тебя. Я имею в виду, я понимаю, что ты его сестра, но приемная, и ты безумно сексуальна! Беа возненавидит тебя. — Я не знаю, о ком она говорит, и не уверена, что хочу это знать. Я просто хочу спать и есть. Еда будет хорошей. Где, черт возьми, Ройс?

Мы поднимаемся по лестнице, ведущей на заднее крыльцо и солярий. Звуки с грохотом проносятся по дому, когда я поворачиваюсь, чтобы закрыть за собой дверь. Обернувшись, я замираю, когда вижу Ройса, Нечестивого, Лайона и Джипси. Они все сидят за маленьким столиком с напитками в руках, и Ройс выглядит напряженным. Блондинка сидит у него на коленях, зажав его пальцами. На самом деле здесь есть пара девушек, все они одеты не так, как Сильвер и Бонни. Более раздеты.

— О, это будет здорово, — шепчет Сильвер, наклоняясь ко мне. — Просто говорю, что после того, как ты нанесешь первый удар, я войду. — Я хочу сжать ее и сказать, что я ни с кем не дерусь.

Блондинка перебрасывает свои фальшивые длинные волосы через плечо, ее карие глаза встречаются с моими.

— О, это твоя сестра? — Ее улыбка кажется искренней, и на долю секунды я задаюсь вопросом, о чем говорила Сильвер. Пока Сильвер не откроет рот.

Сильвер ухмыляется — я предполагаю, что это Би.

— Приемная.

Я наблюдаю, как ее улыбка сменяется хмурым взглядом, и она смотрит на меня с новообретенным соперничеством.

Бонни щелкает пальцами на них троих.

— Убирайся отсюда. Иди потри там кого-нибудь.

Би проводит пальцем по лицу Ройса.

— О, я ведь могу остаться, правда, детка?

Ройс смотрит мне в глаза, его челюсть сжата так же крепко, как мой кулак. Он ненавидит слово "малыш". Я всегда это знала, поэтому не могу сдержать ухмылки, которая расплзается у меня по губам. Эта девушка не что иное, как член потеплее, иначе она знала бы, что Ройс ненавидит это слово.

Его глаза сужаются, когда он ловит мою ухмылку. Облизнув губы, он обнажает зубы и кусает ее за шею.

— Би права, детка. Давай, я схвачу тебя, когда лягу спать. — Я борюсь с очевидным отвращением, которое остается у меня во рту, когда Бонни берет меня за руку и жестом указывает на пустое место рядом с Нечестивцем, оставляя самодовольное, хмурое лицо Ройса прямо напротив моего.

Ублюдок.

— Итак, ты девушка с водкой, джином или ромом? — спрашивает Бонни, передвигая стаканы в шкафу.

Ройс ухмыляется мне.

— Она водная девушка.

Я с вызовом поднимаю брови, глядя на него, чувствуя жар Нечестивца рядом со

мной. Почему я чувствую его так глубоко?

— Вообще-то, я теперь больше любительница виски. — Я улыбаюсь Бонни. — Ройс забывает, что больше не знает меня.

Лайон хихикает с другой стороны стола.

— Девочка сведет тебя с ума, сынок.

Когда Бонни ставит стакан передо мной, я оглядываю комнату, в которой мы находимся. Похоже на вторую кухонную зону, более уединенную, чем остальная часть дома. Краска старая, мебели, похоже, лет сто, но фотографии, развешанные в рамках по всем стенам, привлекают мое внимание больше, чем что-либо другое.

Я делаю глоток виски, наслаждаясь ожогом, который он разжигает на моих губах. Фотография бросается мне в глаза за спиной Ройса, когда я провожу языком по губам, чтобы высосать остаток.

— Все хорошо, спасибо, Бонни. — На фотографии изображен мужчина с ребенком на руках, голова его повязана банданой. Стоит перед своим мотоциклом. Он похож на гордого папашу. Что-то, о чем мечтает каждый ребенок, и, вероятно, поэтому это привлекло мое внимание. Что-то, что я хотела бы иметь.

— Вы, мальчики, собираетесь сидеть здесь всю ночь или пойдете ухаживать за своими гостями? — говорит Бонни, когда Сильвер садится по другую сторону от меня. Я чувствую жар от пристального взгляда Нечестивца и Ройса на себе. Они оба разные, но одно. Банда сама по себе. Странно быть свидетелем, потому что в последний раз, когда я видела Ройса, единственными людьми, с которыми у него была такая связь, были Орсон и Шторм.

Нечестивец наклоняется вперед, упираясь локтями в колени. Я поворачиваюсь к нему лицом, его каменные глаза смотрят на меня, прежде чем перейти к Ройсу.

Ройс встает из-за стола.

— Я вернусь утром. Джейд, давай же.

— Ты же не хочешь, чтобы она спала здесь, не так ли? — говорит Сильвер. — Я имею в виду, я возьму ее к себе домой, если ты это планируешь. Эти кровати отвратительны. — Ее хорошенькое личико морщится, когда она произносит эти слова.

Ройс игнорирует ее.

— Давай же.

— Подожди! — Сильвер останавливает меня, положив руку на мою. — Какой у тебя номер?

— Черт возьми, — ворчит Ройс. — Действительно?

Бонни хихикает.

— И мне тоже. Я хочу этого.

— Я даже не удивлен, — говорит темноволосый мужчина, который очень похож на Сильвер. — На самом деле, тебе чертовски повезло, что Свифти тоже здесь нет, иначе она бы тоже взяла твой номер.

Ройс закатывает глаза.

— Поторопись.

Сильвер игнорирует его угрюмое поведение, когда я выбалтываю им обоим свой номер мобильного.

— Спасибо за виски, Бонни. — Бонни улыбается мне, садясь на колени Лайона. Он, кажется, все еще изучает меня, склонив голову набок. Мои глаза возвращаются к фотографии, которая привлекла мое внимание, когда я впервые вошла, прежде чем вернуться

к нему.

— Да, это я, — отвечает он на мой невысказанный вопрос. Он многое замечает, но многого не говорит. Интересный. Страшновато, немного, но интересно.

Мой рот печально кривится.

— Твоему ребенку повезло. — Засовывая телефон в задний карман, его следующие слова останавливают меня.

— Откуда ты это знаешь? Я мог бы стать худшим, что когда — либо случилось с этим ребенком.

Мои пальцы сжимаются в ладонях.

— Невозможно.

— Как так? — спрашивает он, одаривая меня кривой усмешкой.

— Потому что я знаю, как это выглядит, и у тебя нет его улыбки.

Его лицо вытягивается, но не обиженно, а скорее шокировано.

— Извините. — Я отодвигаюсь от своего стула, поворачиваясь, чтобы помахать на прощание Нечестивцу. Ройс уже выходит из комнаты, но Нечестивый? Нечестивец смотрит на меня так, словно только что увидел привидение. В комнате пусто, тихо, если не считать музыки, играющей по всему дому. Что-то движется в его мозгу, и я не уверена, что хочу знать, что это такое.

Я мягко улыбаюсь Нечестивцу, прежде чем бежать догонять Ройса.

Как только мы пробираемся сквозь людское море и добираемся до входной двери, я бегу вниз по ступенькам, чтобы дотянуться до него.

— Куда мы направляемся? — Я точно думала, что он оставит меня здесь, чтобы пойти трахнуть Би.

Он отшатывается от меня, замолкая, пока мы не оказываемся достаточно далеко от людей и рядом с его байком.

— Отвезу тебя обратно. Передумал.

Я замолкаю, скрестив руки на груди.

— Почему такая внезапная перемена? — Теперь, когда остались только мы, без зрителей, кажется, что все, что мы оба говорим друг другу, реально. Необработанно.

Он останавливается, оглядывая меня с головы до ног.

— О чем это было? Что ты только что сказала? — Выражение его лица становится жестким, и, хотя на улице темно, света из дома достаточно, чтобы рассмотреть очертания его лица. — Джейд.

Джейд. Не герцогиня.

— Ничего, только то, что я знаю, как выглядит жестокость, и он не казался мне таким.

— Ты ни хрена не знаешь о Лайоне. — Его губы кривятся вокруг зубов, но я чувствую, что рычание направлено на меня, а не на его чувства к Лайону. Очевидно, как сильно Ройс любит Лайона. — Я собираюсь спросить тебя один раз.

Моя кровь стынет в жилах, когда он делает шаг ближе. Не спрашивай меня ни о чем, потому что мне придется солгать.

— Кто-то причинил тебе боль?

Мой рот захлопывается, челюсти плотно сжаты. Я по-прежнему сосредоточена на маленькой нашивке, вшитой в его кожу, с надписью "вице-президент". Пальцы обхватывают мой подбородок, его грудь прижимается к моей, когда он поднимает мою голову, чтобы мои глаза встретились с его.

Его брови сошлись вместе.

— Скажи мне, Джейд.

Я не говорю ни слова, слоги застревают у меня в горле и не желают вырываться.

Его большой палец проводит по нижнему краю моей губы.

— Если кто-нибудь причинил тебе боль, пока меня не было. — Его рот захлопывается, и мышцы по обе стороны челюсти пульсируют. — Я убью их, черт возьми, и это не угроза. Это чертово обещание. — Мои ноги подкашиваются под моим весом, моя сдержанность давит на меня. Я хочу рассказать ему все.

Я открываю рот, но как раз в тот момент, когда слова вот-вот сорвутся с языка, Би прерывает меня.

— Ты не останешься? — она скулит, и я отшатываюсь от Ройса, отступая достаточно далеко, чтобы они могли поговорить. Я оказываюсь рядом с байком Нечестивца.

Я не могу поверить, что собиралась ему сказать!

Ройс прищуривается, глядя на меня, когда они падают на байк, рядом с которым я стою, стою так близко, как будто это спасательный круг.

— Нет, сегодня вечером с тобой все будет в порядке. — Он протягивает мне шлем. Я делаю несколько шагов вперед, чтобы взять его, мои пальцы скользят по глянцевой белой краске "Харлея" Нечестивца.

— Но...

Ройс свирепо смотрит на нее.

— Уходи, Би.

Глаза Би метаются между Ройсом и мной, и я вижу, как в ее глазах мелькают образы, которые она даже не показывает. Мы получаем это всю нашу жизнь, люди предполагают, что в нас с Ройсом есть что-то большее, чем то, что есть.

— Отлично. Позвони мне?

— Никогда, — прямо говорит он, а затем поворачивается ко мне и указывает на свой байк. — Давай. — Вдыхая, я перекидываю ногу через него и прижимаюсь к его спине. Его мотоцикл достаточно громкий, чтобы ты, блядь, оглох. Он выводит на нас из ворот, когда они распахиваются, прежде чем выехать на улицу и выехать на шоссе. Воздух проносится сквозь распущенные пряди моих волос, легкая улыбка на моем лице. Я никогда не признаюсь в этом Ройсу, но мне нравится кататься на заднем сиденье его байка.

Тридцать минут спустя мы подъезжаем к кампусу, байк эхом разносится по пустым улицам, когда он подъезжает к общежитиям. Он выключает мотоцикл и останавливается, когда я снимаю ногу, снимая его шлем. Я сжимаю шлем в руке, готовая вернуть его ему и уйти. В воздухе тихо, только он и я стоим так близко. Так интимно.

— Я не мог взять тебя с собой. — Его голос низкий, мягкий. Как будто он не хотел произносить эти слова, но знал, что ему нужно мне что-то дать. — Есть чертовски много такого, чего ты не знаешь, герцогиня. Я не мог позволить тебе быть рядом со мной. Я не мог взять тебя с собой. Я знал, что дома ты будешь в безопасности.

Мое сердце колотится в груди.

— О, как странно, — шепчу я, борясь со слезами, которые пытаются пролиться по моим щекам. Если я заплачу, я знаю, что все будет кончено, и он будет бороться со мной, пока я не скажу ему, что я скрываю. — Не у тебя одного есть секреты, Ройс.

Он наклоняет голову, вены на его шее набухают до поверхности.

— Что это должно означать, Джейд? — Я не пропускаю колкости в его тоне. — Видишь

ли, когда ты говоришь такое дерьмо, мне хочется убивать людей. Ты понимаешь, в чем моя проблема?

— Ты слишком хорошенький для тюрьмы? — Я грустно шучу, ухмыляясь.

— Нет. — Его глаза падают на мои губы, когда мой язык скользит по ним. — Меня никогда не ловят.

Я протягиваю ему шлем, и мое сердце разрывается, когда его рука касается моей. Он мог бы схватить его в любом другом месте, но он выбрал именно то место, где должна была находиться моя рука, чтобы взять его. Мои зубы впиваются в внутреннюю часть щеки, пробуя кровь на вкус. Мне нужно отвлечься от чего-то вроде разоблачения влияния, которое Ройс оказывает на меня.

— Спокойной ночи, Рой.

Я убираю свою руку от его первой, скользя под ней, ловя одно из его тяжелых колец.

Его глаза не отрываются от моих.

— Спокойной ночи, герцогиня.

Я быстро поднимаюсь в общежитие, борясь с желанием развернуться и сделать что-нибудь глупое, например, попросить его отвезти меня куда угодно, только не сюда, но я должна помнить, что он уже не тот мальчик. Временами я вижу старого Ройса, но потом вспоминаю, где мы сейчас, как сильно изменилась наша жизнь, как даже когда мы были детьми, он никогда не смотрел на меня иначе, как на чертову помеху.

Как только я оказываюсь в безопасности и возвращаюсь в свое общежитие, я слышу, как его байк заводится и отъезжает. В ту ночь я засыпаю с желанием, чтобы жизнь была другой.

Jade

Я просыпаюсь на следующее утро с воспоминаниями о прошлой ночи, вспыхивающими в моей голове, и мой телефон звонит на полу. Я вслепую тянусь к нему, быстро проводя по экрану, чтобы ответить.

— Алло?

— О, слава богу! Ты жива! — Слоун кричит на другом конце провода. — Расскажи мне все.

Я стону, прикрывая закрытые глаза ладонью.

— Я не знаю. Мы вернулись в здание клуба, и он привёл меня домой. Что с тобой случилось прошлой ночью?

Слоун выдыхает.

— Мы с Олли поссорились.

— Ты же не говоришь... — Я закатываю глаза, тянусь к занавеске и распаиваю ее. Единственный способ встать с постели этим утром — это если солнечные лучи будут проникать в мои окна. Мне чертовски не повезло, потому что идёт чёртов дождь. Вздохнув, я снова задёргиваю шторы. — Почему вы ссорились? — Хотя я знаю, почему. Они слишком похожи.

— Он просто сильно напился и начал на всех нападать, так что я попыталась остановить его, и, короче говоря, мне не следовало этого делать.

Вздохнув, я массирую виски и свешиваю ноги с кровати.

— Ты в порядке?

— Всегда. Эй, ты сегодня работаешь?

— Сегодня суббота, ты же знаешь, я всегда так делаю. — Вот уже много лет у Слоун складывается впечатление, что я работаю на дому у своих родителей. Она купилась на это. Я выдумала целую кучу дерьма, сказав, что работаю в компании, обменивая цифры на опыт работы. Я хотела бы, чтобы это было то, что я действительно делала.

Она вздыхает в трубку.

— Ну, обещай мне завтра пообедать, чтобы мы могли нормально поговорить.

— Возвращайся в постель! — Я слышу Олли на заднем плане.

— Слоун! — Я ругаю ее.

— Мне пора, пока!

Я смеюсь, качая головой. Она бесполезна.

5 Непрочитанных текстовых сообщений

Я открываю свои сообщения и перехожу к самому последнему.

Ройс: Этот вчерашний разговор еще не закончен.

Я закрываю его сообщение и перехожу к следующему.

Неизвестный: Это Сильвер! Это мой номер. PS Би была очень зла, когда вы с Психом уехали.

Неизвестный: Сохрани мой номер, милая. Это Бонни.

Слоун: У вас с Ройсом самый длительный трах в истории. Я чувствую, что, когда вы оба наконец трахнетесь, он случайно убьёт вас.

Мои глаза закатываются к затылку. Слоун всегда помогала мне и Ройсу. Она сумасшедшая. Щелчком открываю последнее сообщение, это ещё один неизвестный номер.

Неизвестный: Да, я бы так и сделал.

Я делаю паузу, мои пальцы скользят по клавиатуре на экране. Игнорируя другие сообщения, я импульсивно отвечаю:

Кто это?

Прежде чем вернуться к предыдущим сообщениям. Показываю Слоун смайлик, говорю спасибо Бонни, посылаю смеющиеся лица Сильвер, а потом, наконец, я здесь из-за сообщения Ройса. Моё сердце колотится в груди.

Нет.

Бросив телефон на кровать, я хожу по своей комнате, собирая все, что мне нужно для душа. Поскольку сегодня вечером я, скорее всего, буду одета во что-то неудобное, я достаю серые штаны для йоги и свободную футболку с надписью "Трэшер", достаточно повседневную, чтобы расслабиться. После душа я снова тянусь к телефону и вижу три новых сообщения.

Я открываю первым Ройса, так как он пугает меня больше всего.

Ройс: Буду через три минуты.

— Черт. — Я быстро заправляю постель, заплетая волосы во французскую косу, позволяя им упасть мне на спину. Наконец я иду, чтобы открыть следующее текстовое сообщение, но в мою дверь громко стучат. Сжимая ручку, я распахиваю ее перед Ройсом и Нечестивцем.

— Правда, тебе не следовало этого делать, — говорю я Ройсу, хлопая ресницами.

Он отодвигает меня в сторону, когда они оба входят, пинком закрывая дверь.

— Мама сделала для тебя это? — Ройс обводит жестом комнату. — Она действительно полностью ушла в тебя, не так ли?

Я сжимаю телефон в руке, мои глаза устремляются к фотографии, на которой я, Ройс, Орсон и Шторм на лодке, когда мы были детьми.

— Конечно, сделала. Думаю, вот что происходит, когда один ребенок оставляет другого позади.

Нечестивец садится на стул, придвинутый к моему столу, так же тихо, как и всегда. Его молчание не вызывает дискомфорта. Это просто. С другой стороны, его присутствие очень интенсивно.

Ройс садится на мою кровать.

— Что ты делаешь сегодня вечером? Бонни и Сильвер хотят, чтобы ты пришла на вечеринку.

Я смотрю на свой телефон, зная, что неизвестный номер, должно быть, ответил, только когда я читаю сообщение, которое есть в моем телефоне, мои глаза устремляются к Нечестивому.

Ты пристально смотришь на него.

Откуда у Нечестивца мой номер и знает ли об этом Ройс?

— Ах, я не могу. У меня есть работа. Что за вечеринка?

— Работа? — Лицо Ройса морщится. — С каких это пор, черт возьми, наши родители

разрешают тебе работать? Это барбекю, Джейд.

— Она лжет, — говорит Нечестивец, не сводя с меня глаз.

— Нет, — огрызаюсь я на Нечестивца. — Каждую субботу я работаю на наших родителей. Что? — Я неловко переминаюсь с ноги на ногу. Это не идеально, когда они оба находятся в моем пространстве, особенно когда я пытаюсь скрыть самый большой секрет, который я когда-либо держала, а Нечестивец слишком умен. Дерьмо. Я уже показываю свои карты? Я расправляю плечи. — Я набираю для него цифры, и в ответ они дают мне все это.

Глаза Ройса сужаются, когда он проводит рукой по губам. Его волосы растрепаны, глаза темные.

— В этом нет смысла, герцогиня. У тебя есть трастовый счет. Тебе не нужно работать ради всего этого.

Блядь.

Яжимаю плечами, падая на свой мягкий матрас.

— Не обязательно иметь смысл, чтобы это было правдой.

— Во сколько ты заканчиваешь? — спрашивает он, поднимаясь на ноги. — Мне нужно приставить к тебе одного из братьев.

— Что? — говорю я, хмуро глядя на него. — Что ты имеешь в виду, говоря, что тебе нужно приставить одного из них ко мне?

Ройс свирепо смотрит.

— Это значит, что мне нужно быть уверенным, что кто-то все время знает, где ты находишься.

— Почему? — Я срываюсь. — Ройс, я только что поступила в новый колледж, ты уже целую вечность не был частью моей жизни, а теперь вдруг ты весь на мне, как сыпь.

Он смеется, но от этого леденящего душу звука у меня по спине словно разгорается огонь. Его ноги ударились о мою кровать, его руки обхватили мои бедра, притягивая меня вниз, одновременно прижимая мои руки над головой своими.

— Ройс, — настаиваю я, обращаясь к Нечестивцу. — Действительно.

Он оборачивается, чтобы оглянуться через плечо и увидеть Нечестивца.

— О, что? Он? Тебе не нужно беспокоиться о Нечестивце.

Я стискиваю зубы.

— Я не нахожусь рядом с тобой, Джейд, я пытаюсь убедиться, что ты, блядь, не умрешь, и это не потому, что мне не плевать на твое существование, это потому, что я не хочу превращать маму в еще худшего алкоголика, чем она есть.

— Ах, да? — говорю я, и меня захлестывает вспышка гнева. — Тогда о чем была та речь прошлой ночью, когда вы все были *"кто причинил тебе боль, Джейд. Скажи мне, Джейд. Я бы пошел к..."* — Его рука у моего горла, его пальцы сгибаются, чтобы прервать мою тираду.

Он наклоняется, его губы касаются моего уха.

— Скажи следующие слова и посмотри, что, блядь, произойдет.

Я наклоняюсь, мой нос касается его, глаза скошены от его близости.

— Ты... — Его язык скользит по моему рту, и мои внутренности твердеют, то ли от шока, то ли от чистой эмоции. Вероятно, сочетание того и другого.

Ройс хихикает, поднимаясь с кровати.

— Поскольку я не могу избить тебя, а затем трахнуть — в таком порядке — мне просто придется лизать тебя каждый раз, когда ты захочешь открыть этот гребаный рот. Слим будет у тебя на хвосте, — говорит он, направляясь к выходу. — Так что не делай никаких гребаных

глупостей. — Когда он открывает дверь, мои глаза находят Нечестивца.

На секунду мы с ним остаемся вдвоем. Он стоит, возвышаясь над моим маленьким телом.

— Ты лжешь. Он это знает, но думает, что сейчас ему все равно, но, Джейд, когда он узнает, что бы ты ни скрывала, это будет катастрофой, так что сделай мне одолжение.

Я замолкаю, глядя на него из-под ресниц.

— Не говори ему, блядь. — Затем он поворачивается и направляется к двери. Выдыхая воздух, я падаю обратно на кровать, замешательство искажает мое зрение. Я бы в любом случае ничего не сказала Ройсу, но проблема в том, что мы с Ройсом обычно улавливаем чувства друг друга. Мы были связаны с рождения, и я боюсь, что чем больше времени мы проводим друг с другом, тем быстрее наши души понимают это.

Я открываю сообщение для Нечестивого.

Я: Он знает, что ты пишешь мне?

Возможно, это глупый вопрос, но я должна знать. Я не могу прочитать его или ту атмосферу, которую он излучает, но я также не думаю, что он сделал бы что-нибудь, чтобы расстроить Ройса. Я не могу поверить, что собираюсь это сказать, но я думаю, что они даже ближе, чем Ройс, или были, к Орсону и Шторму. Шторм и я все еще время от времени поддерживаем связь, но не так часто, как Орсон. Он очень знаменит и богат, и живет своей лучшей жизнью на Голливудских холмах с Индией, но я знаю, что если я появлюсь на его пороге или мне что-нибудь понадобится, он все равно останется братом, которого я полюбила. Интересно, поддерживает ли Ройс связь с ними обоими, держу пари, что поддерживает.

Мой телефон загорается в моей руке, и я открываю сообщение.

Нечестивый: Нет.

Я перечитала это слово еще раз. А потом еще раз. Может быть, я неправильно его поняла, или, может быть, то, что происходит между мной и ним, полностью платоническое. Я не знаю, что написать в ответ, поэтому я кладу телефон и достаю учебники, листая страницы.

Несколько часов спустя я вытягиваю руки над головой, ловя время.

— Черт. — Мой телефон начинает звонить на моей кровати. Я нажала "Ответить".

— Джейд, — говорит Джеймс. — Будь готова через пятнадцать минут.

— Да, — шепчу я. Я так увлеклась учебой, что потеряла счет времени. Неприемлемо. Обычно мне требуется час, чтобы убедить себя в том, что должно произойти. С тех пор как мы с Джеймсом в последний раз были вместе, все несколько изменилось. Он становится все сильнее. Злее.

Я быстро снимаю одежду и надеваю обтягивающий черный укороченный топ на тонких бретельках и длинные черные брюки с высокой талией, сочетая их с моими кроваво-красными туфлями от Валентино и поясом от Гуччи.

— Блядь! — Я беру свой телефон, нахожу имя Джея и набираю номер, надеясь, что он ответит вовремя.

— Да?

— У нас проблема.

— Что это? — спрашивает Джеймс. Я слышу шум машин на заднем плане, так что он, должно быть, уже в пути.

— Ройс поручил одному из своих друзей следить за мной. Я не знаю почему, но я

думаю, ну, я предполагаю, что этот человек будет внизу на стоянке. Они увидят, как я выхожу, они будут задавать вопросы.

— Да, они могут, Джейд. Скажи им, что у вас деловая встреча с одним из ваших иногородних боссов. Что ты и делаешь.

Мои ладони потеют от нервов.

— Это должно сработать.

— Увидимся через пятнадцать. — Он вешает трубку, и я нервно оглядываю свою комнату. Я знаю, что Ройс сойдет с ума, если подумает, что я ему солгала, и вдобавок ко всему, Нечестивый умнее, чем кажется. Что, если он начнет складывать хлебные крошки вместе и поймет, что я скрывала?

Я открываю сообщение Ройсу, надеясь, что он слишком пьян, чтобы что-то понять.

Я: Просто, чтобы вы знали, работа сегодня вечером — это прогулка с одним из моих заокеанских боссов и его коллегой.

Я кладу телефон на стол и быстро крашусь, а затем провожу щеткой по волосам.

Ройс: Что? Куда?

Я: Рой, с ними я в безопасности. Твой мальчик может остаться здесь, пока я не вернусь.

Повисает долгая пауза, и я как раз выхожу из своей комнаты в общежитии, когда приходит еще одно сообщение.

Ройс: Я хочу, чтобы после, тебя высадили здесь.

Мои пальцы яростно порхают по клавиатуре, когда я спускаюсь к лифтам. Я нажала на кнопку.

Я: Где это здесь, и я не знаю, как поздно я буду? И кроме того, я не хочу идти в клуб в том, что на мне надето. Я также не знаю, в каком настроении будет Джеймс. Возможно, он не захочет высаживать меня там.

Мои каблук стучат по полу, как только я достигаю низа.

Ройс: Клуб, и это не обсуждается.

Толкнув двери, я выхожу к "Мазерати" Джея. Слава богу, за тонированные стекла.

Мой взгляд привлекает байк, припаркованный в углу, на нем сидит парень еще моложе Джипси, с капюшоном на голове. Он отдает мне честь, заводя свой мотоцикл.

Я отмахиваюсь от него. Какого хрена Ройс психует — больше, чем обычно — прямо сейчас?

Скользнув на прохладное итальянское кожаное сиденье, я закрыла за собой дверь.

— Привет.

Джеймс выезжает на дорогу, наполняя пустую тишину неловким напряжением. Отношения между ним и мной в прошлом то улучшались, то ухудшались, но независимо от того, насколько низко мы опустились, был уровень безопасности, который я чувствовала, находясь рядом с ним. Он всегда был нежен во время секса. Его безмятежность — это то, что мешало мне знать, что он никогда не убьет меня, но прошлой ночью в отеле он почувствовал разочарование. Сейчас над ним нависло темное облако неуверенности, которое заставляет меня чувствовать себя более нервно, чем обычно.

Он продолжает возить нас в один из отелей на другом конце города.

— Мы останемся на ночь тут? — Я спрашиваю, что никогда не бывает хорошо. Еда в моем животе катится, непролитые слезы выплывают на поверхность.

— Да, Джейд. Пошли, — он нетерпеливо расстегивает куртку. Я закрываю дверь, как только выхожу, и следую за ним в вестибюль, держась позади, пока он забирает ключ.

Когда мы находимся в лифте, я отчаянно тянусь к чему-то, к чему угодно, что может гарантировать, что я выйду отсюда живой.

— Мне не нужно идти в клуб сегодня вечером.

Он не отвечает, и на секунду я думаю, что он не собирается этого делать, пока лифт не поднимается вверх и он не прочищает горло.

— О, да, ты знаешь. — Следую за ним в коридор, темно-серые стены кружатся в замедленной съемке. Он останавливается у комнаты № 445 и вставляет карту в прорезь, пока она не издает звуковой сигнал открытия.

Он бросает карточку на стойку у двери, сжимая в руках спортивную сумку. Номер обставлен типично для пятизвездочного отеля. Чистое белье, бокалы для шампанского, мягкое освещение.

— Иди в ванную и подожди, пока я не скажу тебе выйти. Сними свою одежду и надень платье, которое там для тебя приготовлено.

Я киваю.

— Да, сэр.

Войдя в ванную через главную спальню, я закрываю дверь и начинаю раздеваться, когда мой телефон выпадает из кармана.

— Черт. — Я забыла положить его вместе с его ключами, если он увидит, что я совершил ошибку, мое наказание будет еще хуже, чем то, что меня ждет.

Надев то же самое зеленое шелковое платье, которое он заставил меня надеть несколько дней назад, и сложив одежду в кучу, я сажусь на унитаз и открываю камеру для селфи. Я несколько активна в социальных сетях, но я не большая любительница селфи. Нет ничего плохого в девушках, которые делают селфи, я просто не могу заставить себя это сделать. Мне нравится фотографировать океан, природу. Мертвые цветы интересуют меня больше, чем хорошенькое личико. Подняв телефон на уровень глаз, я фотографирую себя с волосами, собранными в одну сторону, волнами от того, что они весь день были заплетены в косу. Мой макияж остается гляцевым и нетронутым, с безупречными линиями и безупречными оттенками. Я смотрю на фотографию и замираю. Я так выгляжу? Я кажусь... грустной. Шелковое платье свисает с одного стройного плеча, мои ключицы такие же острые, как скулы Ройса, мои ярко-зеленые глаза налиты кровью по краям. Я засовываю телефон в сложенные джинсы и брызгаю холодной водой на лицо.

— Ладно. Поехали.

— Ты можешь выйти, — говорит Джеймс из одной из спален через дверь. Распахнув ее, следую за его голосом в хозяйскую спальню. Когда я вхожу, он закрывает весь угол комнаты белыми простынями с металлической самодельной подставкой посередине. Похоже, это может быть место для фотосессии, с откидными простынями и подставкой, но когда я вижу камеру на штативе и инструменты, выстроенные рядом с ней, я понимаю, что сегодня вечером я имею дело не с Джеймсом.

Это что-то другое.

Он направляется ко мне, надевая маску кролика мне на лицо перед повязкой. Это та же маска, которую я использую каждый раз, когда работаю с ним. Я не совсем понимаю, почему он выбрал это, или значение этого. Я свожу все к тому, что это связано с его извращенным умом.

— Мне очень жаль, Банни. Я был счастлив, что ты рядом со мной, как моя игрушка. Как мое величайшее и самое прекрасное достояние. — Он дергает завязки у меня на затылке, когда я чувствую, как слезы просачиваются сквозь повязку на глазах.

— Ты собираешься убить меня? — спрашиваю я сквозь треснувшие голосовые связки, разорванные, как ленты, и срывающиеся с моих губ.

— Ш-ш-ш, — шепчет он, прижимаясь губами к моим губам. — Еще нет, и не сегодня, нет, — он делает паузу, когда я слышу шорох на заднем плане. — Всегда самая красивая девушка в комнате. Достаточно красоты и силы, чтобы поставить любого мужчину на колени, и у тебя мог бы быть любой, так почему он?

— Почему кто? — Сопли стекают по моим ноздрям, когда слезы становятся плотными. Когда я подхожу, его руки лежат на моих, уводя меня прочь. Я чувствую простыню между пальцами ног, и я знаю, где нахожусь в комнате. Мои руки подняты над головой, когда холодные металлические когти сжимаются вокруг моих запястий.

Disturbed “Inside the Fire” начинает играть, когда он широко раздвигает мои ноги, тоже закрепляя их металлическими зажимами. Он долгие нажатия уже кнопку, потому что они расширяются. Я хорошо знакома с распорной планкой. Наступает долгая пауза молчания, прежде чем он заговаривает, и на этот раз он заговаривает с помощью того же диктофона, которым пользовался, когда снимал последнее видео.

— Каждую неделю, когда ты оставляешь ее, я буду наказывать ее.

Чего он хочет?

— Вам, вероятно, интересно, чего я хочу, так как я обычно занимаюсь продажами только с клиентами, которые, как я знаю, легко могут произвести обмен.

Обычно? Что? Он никогда в жизни так со мной не поступал. Должно быть, он разговаривает со своей камерой.

— Ответ таков: я ничего не хочу. Разве это не просто забота для тебя? Ты не будешь знать, как спасти эту девушку, и когда ты все поймешь, я могу заверить тебя, что ты захочешь это сделать. А пока у меня не будет другого выбора, кроме как покончить с ее милой маленькой жизнью. — Он делает паузу, и я чувствую прохладу шеста над своей задницей. Но он меня не бьет. Холодный столб скользит вниз по щелке моей задницы, ко входу в мою киску. Я плачу, всхлип вырывается, когда он медленно толкает его внутрь меня. Мои стенки сжимаются, сопротивляясь постороннему предмету.

Кричу так громко, что мое горло разрывает мои крики в клочья, моя голова откидывается назад, когда боль исходит между моих бедер.

— Она всегда была финалом. — Necro “Who’s Ya Daddy?” начинает играть. Наконец он извлекает шест, и скользкие капли стекают по внутренней стороне моего бедра.

— Ммм, кровь, — хнычу я, моя гордость и тело вырваны из невинности и прорваны прямо через врата Ада. Моя киска пульсирует, набухшая от жестокого обращения.

— Давайте поиграем в русскую игру...рулетка... — Я качаю головой, сдержанные вопли пульсируют из моей груди.

Мои мышцы расслабляются, мое тело наконец расслабляется. *Просто, блядь, возьми меня.* Небеса не примут меня, а Ад не примет моих демонов обратно. Я снова останусь в чистилище, только на этот раз по-настоящему. *Блядь. Возьми. Меня. Я устала.* Мое тело становится ясным, мой разум борется за ясность. Как раз в тот момент, когда я думаю, что он собирается приставить пистолет к моему виску, я чувствую, как наконечник входит в меня, и колющая боль снова пронзает меня. Песня воспроизводится на повторе. *Снова и*

снова.

— В патроннике одна пуля. Мы можем догадаться, что это. — *Нажатие.* Он нажал на спусковой крючок. — О, я не хотел этого делать. — Он снова поднимает пистолет, и я напрягаюсь вокруг ствола, пустота в моем сердце распространяется, как инфекционная болезнь, становясь все более пустой, чем дальше он идет. — Что я хочу, чтобы ты сделал? — *Щелчок.* Мои плечи начинают трястись, когда слезы текут по моим щекам и сквозь повязку на глазах.

— Как тебя зовут? — спрашивает он, и я замолкаю, мое лицо вытягивается.

Стыд накрывает меня, омывая грязью, пока песня продолжает играть, снова и снова, и снова, и снова.

— Она не хочет отвечать, потому что она умная.

Он вытаскивает пистолет, и все замолкает, когда его шаги приближаются.

— Тебе повезло, что она нужна сегодня вечером, иначе ее наказание было бы намного хуже. — Он что-то постукивает. — Но всегда есть следующая неделя.

Наконец, он снимает повязку с моих глаз и развязывает мои запястья и лодыжки.

— На кровать, — говорит он, и я улавливаю область, которую он установил. Похоже, он пытается скрыть то, что делает.

— Джеймс? — растерянно шепчу я. Он одет во все черное, на шее у него цепочка, и с нее свисает та же эмблема, которую он выжег на моей лодыжке.

— Кровать. Мы еще не закончили.

Я подхожу к кровати, когда он ставит камеру рядом с нами.

— Смотри налево и больше никуда не смотри. Если ты не будешь слушать, я снова вытащу шест. Поняла?

Я киваю, слезы текут по моему лицу, пока я не отрываю глаз от стены. Я позволила своим мыслям блуждать. Кто был здесь до нас? На прикроватном столике сложена брошюра, и мне в ответ улыбается пара. *Ты, должно быть, черт возьми, шутишь.* Эта комната, вероятно, видела любовь в ее чистом виде, будучи номером для новобрачных, и все же мы здесь. Расписывая стены злом.

Он надвигается на меня и толкает мое лицо глубже в матрас, когда я чувствую, как кончик его члена толкается в мой вход. Боль перешла мой порог, дошла до такой степени, что мое тело находится в режиме выживания. Он входит в меня, и я вздрагиваю, но не двигаюсь. Он вбивается в меня непрерывно, безжалостно. Стонет, но мягко уговаривает меня. Гладит меня по волосам. Нежно целует меня.

— Мне нравится заниматься с тобой любовью, Кролик. — Говоря мне, что я самая красивая девушка в мире. Он входит в меня, толкаясь так интимно, как любовник. Я сглатываю рвоту, которая подступает к горлу. Мне никогда не понравится так трахаться. Он продолжает нежно прикасаться ко мне. Он продолжает, пока его стоны не проникают в мое ухо от его горячего дыхания, и его пот не скользит по моей плоти. Когда он слезает с меня, я лежу неподвижно, пока он не говорит мне, что я, наконец, могу двигаться.

— Сними маску и иди прими душ. Приведи себя в порядок для своего брата. Не хочу, чтобы он знал, что ты трахаешься с кем-то другим, а не с ним.

Я игнорирую безжалостные слова, таща свою усталую, разбитую душу в ванную. Я включаю горячий душ, не глядя на себя в зеркало. Боюсь того, что я могу увидеть. Меня ничто не должно удивлять, учитывая зло, свидетелем которого я была на протяжении многих лет, и я должна была бы привыкнуть к нему, но это все еще влияет на мой дух каждый раз,

когда он берет меня. Сексуальное насилие — это не то, чем может быть обусловлен человеческий разум или тело. Выжившие находят механизмы преодоления, пока не найдут способ либо сбежать, либо это убьет вас.

Скользнув в душ, я наливаю шампунь и мыло в волосы, наконец позволяя слезам скатиться по моим щекам. Я соскребаю всю грязь руками, но не знаю, что делать с грязью, которая пачкает мою душу. Поставив бутылки обратно на стойку, я выключаю кран и оборачиваю хлопчатобумажное полотенце вокруг своего обмякшего тела, вытирая конденсат с зеркала и, наконец, взглянув на свое отражение. Если я появлюсь в клубе в таком виде, Ройс наверняка поймет, что что — то не так, и если он пропустит это — а он этого не сделает, — я знаю, что Нечестивец наверняка это сделает. Мои глаза ввалились, под глазами темные круги. Мои губы распухли от украденных поцелуев, щеки покраснели от соленых слез. Я знаю, почему Джеймс сделал то, что он сделал сегодня вечером. Он разрушил меня изнутри. Зачем причинять кому-то физическую боль, когда ты можешь изувечить его душу изнутри.

Потянувшись за косметическим зеркалом на стойке, я кладу его между ног, изучая, где у меня опухло. *Никакого кровотечения.* Что бы я ни чувствовала, должно быть, это было то, чем Джеймс смазывал шест. Боль все еще острая, хотя я понимаю, что она может быть более психологической. Я собираю свои кружевные трусики и натягиваю их на ноги, прежде чем надеть черные брюки с высокой талией. Закрепив груди обратно в чашечках лифчика, я натягиваю крошечный кружевной укороченный топ. Теперь мое сердце бьется хрупко, нежно и болезненно. Мне нужно выпить. Крепкий напиток. Порывшись в шкафах, я нахожу фен и выпрямитель и начинаю причесываться, тратя это время на то, чтобы мысленно уговорить себя спуститься со скалы, на которую я взобралась. Воспоминания. Воспоминания помогают.

— *Что ты делаешь? — спросил Ройс, ухмыляясь мне с другого конца комнаты. Это было Рождество, и мы знали, как сильно мне нравилось держать ангела подальше от елки до Рождества. Я рассуждала так: если ангел встанет слишком рано, демоны могут украсть ее. Поэтому я подождала до рождественского утра, чтобы приютить ее, и сняла ее в тот же вечер.*

— *Я поднимаю ангела.*

Ройс был без рубашки, в серых спортивных штанах, обернутых вокруг его тонкой талии, с миской мюсли в одной руке, а в другой он сжимал ложку, ухмыляясь.

— *Я помогу. — Он поставил миску на кофейный столик и подошел ближе ко мне. С тех пор как я стала подростком, реакции моего тела как будто усиливались всякий раз, когда он был рядом со мной.*

Я почувствовала его кожу на своей спине, когда он потянулся ко мне сзади, его длинные пальцы обернулись вокруг моих, чтобы взять ангела. Мое сердце сжалось.

— *Позволь мне сделать это. — Его рот был близко к моему затылку, и мои глаза закрылись. Я либо вела себя глупо, либо проявляла деликатность. Я не была готова исследовать другие причины того, почему я так реагировала на Ройса.*

Я вырываю себя из своих воспоминаний. Это было последнее Рождество, когда Ройс был с нами, после этого мы перестали праздновать, пока мама оплакивала "смерть" своего единственного сына.

Я заканчиваю макияж с громким выдохом и собираю все вещи, засовываю телефон в

задний карман и, наконец, выхожу из ванной.

Поездка на другой конец города оказалась длиннее, чем я ожидала. Я думаю, что это было больше связано с тем фактом, что тишина в машине была не просто неловкой или грустной. Это было жутко. Мы подъезжаем к обочине здания клуба. Что мне сказать? *Спасибо, что еще больше разорил меня, Джеймс. Как раз в тот момент, когда я думаю, что хуже тебе уже не будет, ты продолжаешь и доказываешь, что я ошибаюсь.* Я вижу Слима у ворот в боковое зеркало. Он делает пару шагов ближе к машине, и я паникую. Мне нужно выбраться отсюда.

Рука Джеймса ложится мне на бедро, и мне приходится бороться со всеми своими порывами, чтобы не улететь от него.

— Мне нужно угрожать тебе по поводу важности нашей ситуации? Ты и я? — *Ты и я.* Это то, что всегда говорил Джеймс, в надежде, что с годами это заставит меня поверить, что мы оба делаем это вместе. Вот что делают насильники.

— Нет, — тихо шепчу я, мой голос суров. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы подготовиться к приходу, и этого времени было достаточно, чтобы воздвигнуть стену, в которой я нуждалась, чтобы скрыть свою боль. Душа никогда не раскрывает себя без необходимости. — Никогда.

Он отпускает мою ногу.

— Я свяжусь с тобой на этой неделе. Мы снова нужны в L'artisanant.

Мой рот захлопывается, в груди вспыхивает искра света.

— Хорошо. — Я тянусь к ручке двери, мои ноги не в силах выбраться из машины и уйти подальше от Джеймса. Желчь поднимается в моем горле, когда я проглатываю ее обратно. — Я буду ждать от тебя вестей. — Выскользнув из машины, я закрываю дверь и направляюсь к воротам, когда он отъезжает, яркие задние фонари исчезают вдаль.

— Ты в порядке, Джейд? — спрашивает Слим, его брови тревожно изогнуты.

Я улыбаюсь, проскальзывая между открывающимися воротами.

— Я в порядке. — Вдалеке гремит музыка, и я задаюсь вопросом, все ли они делают, это веселятся, прежде чем вспомнить, что сегодня выходные. Конечно, они веселятся.

— Ты опоздала, — огрызается Ройс в темноте. Я вздрагиваю, поворачиваясь к нему лицом. Он идет ко мне со стаканом в одной руке и сигаретой между пальцами в другой. На нем толстовка с капюшоном под клубным жилетом, выцветшие синие джинсы, порванные на коленях, и военные ботинки. Тепло наполняет мое сердце при виде него, что не имеет смысла. Я не должна испытывать ничего, кроме ненависти, когда дело касается Ройса. Осознание запечатлевает истину в моем мозгу. *Наши души узнали друг друга.* Также ни для кого не секрет, насколько горячим всегда был Ройс. Я бы солгала себе, если бы сказала, что он никогда меня не привлекал, просто... Я никогда не хотела в этом признаваться.

— Я не знала, что у меня есть график, — язвительно говорю я, расправляя плечи и направляясь к нему. — Мне нужно выпить.

— Мне нужно беспокоиться о твоём пьянстве? — спрашивает он, стряхивая пепел с сигареты и поднося ее к мягким губам. *Глухой стук, Глухой стук. Глухой звук.* О боже, я не могу дышать. Его глаза щурятся от дыма, плавающего возле его зрачков, и я наклоняюсь вперед, вынимаю сигарету из его губ и кладу между своими.

Dr.Dre громко играет из дома, а люди кричат между глотками алкоголя и затычками

травки. Большинство из них находятся вблизи восьмиугольника.

— Нет, тебе не о чем беспокоиться. — Я прохожу мимо него, чтобы начать поиски Бонни или Сильвер, чтобы принести мне выпить, когда его пальцы ловят мои, и он дергает меня назад.

Я падаю ему на грудь. *Глухой звук. Глухой звук.* Его знакомый запах словно вошел в парадную дверь моего дома. Он убирает мои волосы с моего лица, прежде чем его пальцы обхватывают мою шею сзади, и он прижимает мое лицо к своему. Нос к носу. Мои глаза опускаются к его губам, мое дыхание останавливается. Я сжимаю сигарету между пальцами, чтобы помочь себе взять себя в руки.

— Как ты думаешь, что ты делаешь, входя сюда в одежде, похожей на секс?

Это что, Ники Хитон “ОТ” играет на заднем плане? Я почти смеюсь, потому что могу представить, как Сильвер меняет музыку на что-то сексуальное, например, на Ники Хитон. Заставляет меня любить ее.

Я свирепо смотрю на него, пытаюсь устоять на ногах, чтобы не заблудиться в лабиринте-глубине его голубых глаз. Его ресницы густы, как грех, а глаза почти слишком хороши, чтобы быть мужскими. Ройс — это чистая мужественность; ему не нравится быть красивым.

— Потому что я могу?

Его брови слегка приподнимаются, верхняя губа кривится. Я чувствую себя безрассудной. Это общение между ним и мной становится зависимостью, в которой нуждается моя похожая на труп душа. Я пристрастилась к ощущению, что он злится на меня, злится, находится рядом со мной. Я пристрастилась к Ройсу Кейну, и если ты попытаешься запереть меня в реабилитационной клинике, я найду путь только к нему. Ты не можешь разделить судьбу, как бы сильно ее ни трахал.

Я провожу кончиком носа по его лицу, закрыв глаза.

— Тебе это не нравится, не так ли?

Его пальцы сжимаются у меня на затылке, притягивая меня ближе. Его другая рука опускается вниз по моей пояснице, приземляясь на мою ягодицу. *О черт*, он вжимается мне в живот, и мое тело заливают обжигающий жар.

— Я собираюсь трахнуть тебя на этом полу, если ты не будешь следить за своим ртом, герцогиня, не пытайся вести себя так, будто ты не знаешь, что я хотел в эту киску с тех пор, как мы были детьми.

Когда я снова открываю глаза — частично в шоке от того, что он только что сказал, — он ухмыляется мне, его губы так близко к моим.

— Ты опоздал, — грубо шепчу я, не в силах скрыть печаль в своем голосе. Я нежно провожу губами по его губам. Его тело замирает, его пальцы напрягаются на моей заднице, в то время как другая его рука следует за моей шеей.

Я толкаю его в грудь, прежде чем сделать что-то вроде поцелуя, быстро иду к Сильвер, Бонни и нескольким другим девушкам, которые сидят за столиком для пикника возле костра в передней части дома. Некоторые мужчины разбросаны по восьмиугольнику, как Джипси, я думаю, это так, бьется с каким-то другим парнем, которого я не видела, в то время как другие сидят вокруг, пьют и подпевают выбранной Сильвер музыке.

— Ну, черт возьми, девочка, — говорит Сильвер, приподнимая бровь, глядя на меня. Только когда я сажусь рядом с ней, я замечаю, что Нелли находится с другой стороны.

Я отстраняю Нелли взмахом своих длинных волос.

— Ты мне не нравишься.

Бонни начинает смеяться, как и другие женщины рядом с ней.

Нелли пристально смотрит на меня.

— Я просто делаю то, о чем меня просили. Перестань быть сукой.

Я падаю на один из стульев, проводя руками по лицу.

— Мне действительно нужно выпить.

Бонни начинает наливать жидкость из пластикового кувшина в красную чашку.

— Ну, добро пожаловать на арбузные маргариты Карли! Она не может измерить, так что будь осторожна, они очень крепкие. — Я беру пластиковый стаканчик у Бонни, изучая женщин рядом с ней.

— Привет, я Джейд.

— Я знаю, кто ты, малышка. — Она ухмыляется, стряхивая пепел с сигареты. — Я думаю, что все здесь знают, кто ты сейчас, и это не имеет никакого отношения к маленькому сексуальному костюму, в который ты одета, и ко всему, что связано с заведомо недостижимым и заносчивым придурком-психопатом, нависшим над тобой, как голодный волк. Я Карли.

Я набираю полный рот яда, который мне налили, и провожу по губам подушечкой большого пальца.

— Ройс просто защищает.

Наступает долгая пауза, поэтому я делаю еще один глоток. Лед замораживает мой мозг, но я игнорирую пульсирующую боль, проглатываю остатки и наливаю еще. После сегодняшнего вечера я хочу забыть все, что случилось с Джеймсом. Мне нужна рюмка, а не напиток с сахаром и льдом.

— Ммм, не тот Псих, которого мы знаем. Этому человеку плевать на кого и на что угодно, кроме клуба.

— Вопрос! — Сильвер поднимает стакан, ее напиток расплескивается и ударяется о ее руку. Музыка сменилась на “Chin Check” из NWA. — Сколько раз вы, ребята, трахались, когда были моложе? Я чувствую, что это был какой-то трюк.

Я расхохоталась, остальные девушки присоединились ко мне. Даже Нелли. Мне приходится сдерживаться, чтобы не уставиться на нее.

— Эм, сколько из них у тебя было? А мы этого не сделали.

— Что? — Бонни выплевывает свой напиток, наклоняясь вперед. — Никогда?

Я качаю головой, глядя на Карли.

— Могу я украсть сигарету?

— Конечно, милая. — Она бросает мне свою пачку. — Что мое, то и твое. Особенно. Если ты можешь что-то подхватить здесь.

Я достаю сигарету, останавливаясь на ее словах.

Бонни ругает ее.

— Оставь девушку в покое, ты большой сексуальный наркоман. — Бонни указывает на Карли. — Она и Джастис, ее старик, — свингеры. Не обращай внимания на ее приколы, малышка.

После того, как первоначальный шок проходит, из меня вырывается хриплый смешок. Черт. Может быть, эти напитки крепкие. Схватившись за живот, я качаю головой.

— О боже мой. — Смахнув слезы с глаз, я наполняю свою чашку, сдержанно забирая у нее Сильвер.

— Что? — говорит Карли, защищаясь. — Почему вы все удивлены?

Карли, я бы предположила, за сорок, у нее длинные каштановые волосы и фигура, за которую можно умереть. Линии разреза на ее руках показывают, как усердно она тренируется.

— Я думаю, я просто предположила, что байкеры были, я не знаю... ”

— ...пещерные люди? — говорит Бонни с ухмылкой на покрашенных красных губах. — Так и есть, эти двое просто странные.

— Что ж, приятно это знать. Приятно познакомиться, Карли.

Карли наклоняется вперед, чтобы выпустить дым.

— В любое время, дорогая. Я скажу, что у Психа определенно полно дел с тобой.

— О, да ладно, — хихикает Сильвер, танцуя на своем стуле. — Мы все знаем, что Псих играет в песочнице и развлекается с Би. Но знаешь что? — говорит Сильвер, внимательно наблюдая за мной. — Я не думаю, что он будет с ней.

— Мне нужны шоты. — Я качаю головой, затягиваясь сигаретой. Мне всегда было трудно заводить друзей. Открыться самой и позволить себе доверять кому-то настолько, чтобы называть его другом. Наверное, поэтому я всегда держалась только за Слоун.

— Держи. — Нелли протягивает бутылку текилы. Я прищуриваюсь, глядя на миску с солью и лаймом рядом с ее рукой.

— Ты отравила мою?

Нелли закатывает свои голубые глаза.

— Нет, сука. Я бы предпочла, чтобы меня пока не хоронили на заднем дворе вместе с моим отцом, если ты не против.

Я беру у нее бутылку, снимая крышку.

— Я тебе не доверяю.

Я облизываю кончик большого пальца и посыпаю сверху солью.

— Я это заслужила.

— Ты мне тоже не очень нравишься. — Я слизываю соль с руки и выпиваю текилу, зажимая между зубами дольку лайма, хотя она мне и не нужна.

— Так вот, я этого не заслужила. Ты будешь тепло относиться ко мне. — Нелли улыбается мне.

— Я не согреваюсь, я ледяная, и как только кто-то меня трахает, я никогда этого не забываю. — Я обхватываю бутылку губами и делаю ещё один глоток. Наверное, я веду себя скверно, но девушка обманула нас.

— Крутое дерьмо, *малышка*, — говорит Нелли, скрещивая руки на груди. — Я всегда буду здесь.

Эх. Алкоголь выполняет свое предназначение, то тепло, о котором я только что сказала, что у меня его не было, течёт по моим венам.

Сильвер поднимает свою чашку, стоящую на столе, ее задница двигается в воздухе под “Так хорошо” Большого Шона.

— Если вы обе просто собираетесь драться, я собираюсь потанцевать. Ты танцуешь, Джейд? Ты выглядишь так, будто могла бы.

Я хихикаю, наливая еще маргариты в свою чашку и добавляя в нее еще текилы.

— О, танцевать? Только когда я пьяна...

Карли вскакивает на стол в приступе смеха, таща Бонни за собой. Каждый раз, когда я общаюсь с этими девушками с тех пор, как я их знаю, я чувствую себя счастливой. Со всей текилой, протекающей через мой организм, и необходимостью скрывать то, что произошло

сегодня вечером с Джеймсом, вместе со всеми эндорфинами, циркулирующими по моим венам от того, что было между мной и Ройсом, я пою, забираясь с ними на стол. Они все ревут от похвалы, что я наконец-то присоединилась. Я прижимаю язык к верхней губе, вращая бедрами. Я знаю этих девушек всего пять минут, и они чувствовали себя для меня большей семьей, чем моя собственная когда-либо могла бы мне дать. Этот клуб больше похож на дом, чем особняк за сорок миллионов долларов, в котором я выросла.

— Какого хрена! — Кто-то ругается на заднем плане, но мы все это игнорируем. Я пою одну часть куплета — ту, что о том, как сделать что — то с его душой, — когда меня стаскивают со стола, рука Ройса надежно обнимает меня за спину.

— Ооооо, Псиинииииииих! — Сильвер запинаясь, и Джипси смотрит на нее снизу.

— Тебе обязательно быть засранкой, пока твой старик в бегах? — Джипси хватает ее за запястье и перекидывает через плечо, неся ее обмякшее тело в дом.

— И вот, друзья мои, почему я не залезла на этот стол. — Нелли посмеивается над Карли, которая осталась танцевать одна.

Я поворачиваюсь в объятиях Ройса, его грудь прижимается к моей.

— Я в порядке. Мне просто нужно выпить. — Я откидываюсь назад, чтобы дотянуться до стакана, но Ройс сбивает чашку со стола, содержимое выплескивается на землю. Его челюсти сжимаются, когда руки ныряют в карманы. Он бросает свои ключи Нечестивцу, который внимательно наблюдает за нами обоими.

— Отвези нас домой.

— Я только что пришла! — говорю я в замешательстве. Я люблю этот клубный дом.

— А теперь ты уезжаешь. — Рука Ройса падает в мою. Наши пальцы переплетаются, когда он направляет меня к гаражу, где стоят в ряд байки. За парковкой есть еще один сарай, рядом с большим сараем, где обычно вечеринки, с большой закрытой дверью из листового металла.

Нечестивец подходит ко мне, когда Ройс тянет дверь гаража, открывая ее.

— Ты действительно не думала, что это произойдет? — спрашивает Нечестивец себе под нос.

— Он сказал, что ему наплевать на меня, так что нет, я не думала, что это произойдет.

— Для кого-то, очевидно, такого умного, ты чертовски тупая, — рычит Нечестивый, следуя за Ройсом в гараж.

— Ройс! — раздается сзади девчачий голос. Меня тошнит от всех вагин, которые хотят его. — Могу я прийти?

Я поворачиваюсь, изучая ее с ног до головы.

— Я могу ответить на это, и это "нет".

Ройс подходит ко мне сзади, его пальцы растягиваются на моем животе, прежде чем толкнуть меня за спину.

— Садись в машину. — Он поворачивается к Би. — Нет, ты не можешь.

— Но я не была в твоём доме! — Би опускает нижнюю губу.

Я поворачиваюсь, чтобы сказать что-то еще, когда рука Нечестивца закрывает мне рот, и он начинает тащить меня в сарай, открывает дверь и бросает меня на заднее сиденье, как будто я ничего не вешу.

— Нечестивец! — Я кричу на него, как раз когда он садится за руль и заводит машину.

Я замираю. Знакомое землистое урчание разъяренного V8 дрожит под моей задницей, поэтому я начинаю разглядывать детали машины. Узкие кожаные сиденья, старое рулевое

колесо.

— Это его Charger.

— Да, — говорит Нечестивец, прислоняясь головой к запотевшему окну.

— Хм, — усмехаюсь я, качая головой. — Конечно, он оставил свою машину, просто не мог оставить меня. — Мои глаза находят его и Би, которые все еще разговаривают перед нами. Нечестивец еще не включил фары, вероятно, потому, что они будут мигать по всему комплексу.

— В любом случае, что она для него значит?

Злые смешки.

— Она просто одна из многих девушек, которых Ройс держит рядом, чтобы трахать ее до тех пор, пока она не перестанет видеть четко. Вот и все. — Он наклоняется вперед и включает радио, нажимает на сенсорный экран и подключается к Bluetooth.

Я замираю, когда Би приподнимается на цыпочки, ее пальцы обхватывают шею Ройса. Она крепко целует его, и я отворачиваюсь, не желая больше смотреть.

— О, сука только что поцеловала его.

Нечестивый качает головой.

— Ройс никого не целует.

Теперь я игнорирую всех, достаю телефон и просматриваю свои текстовые сообщения.

— Почему ты написал мне? — говорю я, мои глаза встречаются с его глазами в обзорном зеркале.

— Ты хочешь сделать это сейчас? — Его бровь вопросительно выгибается.

Задняя дверь открывается с другой стороны от меня, одеколон Ройса проливается в мой пузырь. Я отодвигаюсь от него как можно дальше, гнев кипит в моих венах из-за него и Би, а потом я начинаю злиться, что злюсь на него.

Нечестивец заводит машину так громко, что сотрясается жестяной сарай, и выгоняет нас из гаража. “Rehab” from Machine Gun Kelly начинает играть, пока я продолжаю просматривать фотографии на своем телефоне. Все, что угодно, лишь бы не смотреть на Ройса. Его рука касается моего подбородка, поворачивая мою голову лицом к нему. Моя челюсть сжата, мои глаза выцвели. Нечестивый заводит песню, и я бы хотела, чтобы он этого не делал. Тексты песен поразили меня на уровнях, которых они не должны были достичь.

Он пристально смотрит на меня, изучая мое лицо, пока мы едем мимо уличных фонарей. С каждым проходом свет освещает только его черты. Я жду, что он что-нибудь скажет, что угодно. Он молчит. Его взгляд падает на мои губы, прежде чем спуститься к моей груди, к моему обнаженному животу, прежде чем вернуться, чтобы встретиться с моими глазами.

— Ты злишься? — на его губах появляется ухмылка. Музыка слишком громкая, чтобы его услышать.

С меня хватит.

Я отстегиваю ремень и двигаюсь по сиденью. Он даже не кажется расстроенным или шокированным, когда я обхватываю его бедрами за талию и устраиваюсь сверху на его твердом теле. Он медленно отступает, широко расставляя ноги и откидывая голову на спинку сиденья. Его взгляд остается на моем, и мое сердце бешено колотится в груди.

— Да, я злюсь, — громко говорю я, просовывая большой палец ему между губ. Он грубо кусает его, его руки обхватывают мою задницу. *Глухой звук. Глухой звук.*

Другая его рука обнимает меня за шею, притягивая мое лицо ближе к своему.

— Тогда, блядь, перестань отстраняться от меня.

Мои губы опускаются к его губам, и он слегка приоткрывается, втягивая мою нижнюю губу в свой рот. Я углубляю поцелуй, приближая его ближе, его бедра соприкасаются с внутренней стороной моих бедер. Боль, которая была там, растворяется с каждым толчком. Того, что я держу Ройса в своих объятиях, мне достаточно, чтобы забыть, даже если только на данный момент. Как только я думаю, что он собирается отстраниться от меня, он переворачивает меня на спину, пока я не оказываюсь расprostертой на сиденьях, и опускается между моих ног, его рот никогда не покидает мой. Его язык исследует мой рот, щелкая, потирая и массируя мой. Нечестивец, должно быть, еще больше заводит музыку, чтобы отключить нас, когда он набирает скорость.

Рука Ройса лежит на моей шее, когда он наклоняется, переводя дыхание, мои глаза ищут его. Я почти слышу, как мысли мечутся у него в голове. Положив руку ему на затылок, я притягиваю его обратно к себе, касаясь губами его губ.

— Перестань думать.

Он рычит мне в губы и отстраняется, отступая обратно на свою сторону машины и оставляя меня в восторге и сухости.

Вздыхнув, я подтягиваюсь к своему месту и смотрю на затылок Нечестивца. Проходит еще больше огней, и я шурюсь, чтобы увидеть, действительно ли то, что я замечаю у него на затылке. Шрам, который виден за его рубашкой, становится более заметным.

Мои барабанные перепонки пульсируют, когда огоньки вспыхивают на его шее.

Я не могу выставить напоказ тот факт, что знаю, что это за шрам или что он означает, по той самой причине, что у меня точно такой же шрам на лодыжке.

Роусе

Поцелуй никогда не имел для меня смысла. Это было нечто такое, что казалось излишним. Я не хотел, чтобы губы сучки касались моих, я бы предпочел, чтобы они обхватили мой член, но я бросил мяч. Я вышел из-под контроля тех же самых рук, которые всегда хотели меня вылечить. Решить мои проблемы. Расскажи ей мои секреты или, блядь, просто посмотри мне прямо в глаза и заклинай мою душу, чтобы я отдал ей их все. Вот что такое Джейд для меня. Она ходячая, говорящая, гребаная ведьма, и это все, чего хочет и жаждет моя душа. Мое тело жаждет ее, но моя душа чертовски нуждается в ней. Прикосновение ее губ к моим было всем, о чем я, блядь, думал, и это меня бесит больше всего.

— Она все еще в постели? — спрашивает Нечестивый, обматывая костяшки пальцев скотчем.

Я вытягиваю шею, размахивая руками, чтобы согреться.

— Да, она вырубилась, как только я положил ее туда прошлой ночью.

Нечестивый выглядит подозрительно заинтересованным.

— В твоей постели?

Я отключаю его.

— Мы делим постель с тех пор, как были детьми, ублюдок. Ничего особенного.

— Ты прав, брат. Ничем не отличается. О, это верно, за исключением того факта, что теперь ты хочешь засунуть в нее свой член.

Я усмехаюсь, включая стерео. Я устроил под видом гаража снаружи, тренажерный зал. Боксерские мешки, гири. Мне это было нужно, чтобы занять себя, но теперь это в значительной степени спортзал Волчьей Стаи.

— Да, но этого не может быть. — Я начинаю колотить кулаком по боксерской груше.

— Не хочешь напомнить мне, почему? — осторожно спрашивает Нечестивый, удерживая сумку на месте. — Ты псих, гребаная легенда на улицах. Никто никогда не захочет с тобой связываться. Итак, почему?

Я сжимаю челюсти.

— Это сложно.

— Как так?

— Ты сегодня задаешь много вопросов или как? — Я кладу перчатки, а Cypress Hill громко гудит на заднем плане.

— Потому что твое лицо слишком близко, чтобы задавать так много вопросов.

Нечестивый вздыхает, прежде чем усмехнуться.

— Все, что я хочу сказать, это то, что вы трое чертовски скрытны относительно того, почему вы все должны держаться от нее подальше. Мне просто любопытно, почему.

Я прекращаю бить, разворачиваю запястье и бросаю ленты на землю, вытирая пот с живота.

— Потому что она должна держаться подальше от всех нас. Это было частью сделки.
Его лицо бледнеет.

— Да, теперь я понимаю.

— Хорошо. — Я бросаю бутылку с водой на землю, потирая рукой шрам на левой груди.

Jade

Я была зла на себя за то, как быстро я заснула прошлой ночью. Я, по крайней мере, хотела немного усложнить ему задачу, когда он целовал меня, а потом отстранялся.

Достав молоко из холодильника, я оглядываю дом. Это именно то, чем, как я думала, должен был владеть Ройс. Главной достопримечательностью являются большие окна, выходящие на пляж, с остроконечной аркой до самой крыши и окрашенным красным деревом. Вся мебель — чистые кожаные диваны, на стене висит большой телевизор. Кухня оборудована приборами из нержавеющей стали, но в декоре есть нежный женский оттенок. Я сразу же думаю, что, может быть, у Ройса был кто-то другой в его жизни. В этом доме определено жила другая женщина. Коровий череп, висящий над входной дверью, и персидские ковры, расстеленные на деревянных половицах. Дом очень красивый. Захватывающий. Но запах духов витает во всей мебели.

Я беру свой стакан молока в передней части гостиной, нуждаясь в лучшем виде воды. Я усмехаюсь, когда вижу лодки, обернутые вокруг его частного причала. Волшебные огоньки выются и завязываются узлом вокруг перил, ведущих к нему. Справа — большое дерево с похожими на когти ветвями, нависающее над ямой для костра, в которой по кругу разложены расколотые бревна для сидения. Он действительно построил свою собственную жизнь, а я просто вернулась и разрушила ее.

— Чуть не назвал ее Джейд. — Я не поворачиваюсь к нему лицом, не в силах оторваться от очарования океана.

— Здесь красиво, — шепчу я, наконец поворачиваясь. — Ты ведь знаешь это, верно? Его тело осторожно двигается. Моя грудь раздувается, а живот опускается.

— Я знаю, герцогиня.

Я прочищаю горло.

— Это ты его спроектировал? Потому что я должна сказать...

Смех срывается с его губ, он делает два шага вниз, в гостиную, подходит ближе ко мне. Мои пальцы напрягаются вокруг стакана в моей руке.

— Черт возьми, нет. Индия это сделала. Она известный дизайнер интерьеров в Хиллз. У нее есть телешоу и дерьмо на Netflix за это.

Я фыркаю, потягивая молоко.

— Я видела это. Она сильно изменилась.

— Так и есть.

Я пытаюсь скрыть боль в груди от того, как легко эти мальчики двигались дальше. Я знаю, что это то, что ты должен делать, но они были всем, что я знала всю свою жизнь, а потом, через шесть месяцев, они исчезли. Все трое.

— Хммм, — бормочу я, игнорируя пристальный взгляд Ройса, поворачиваясь обратно к пляжу.

— Джейд, — рычит он у меня за спиной. — Повернись.

— Мммм, нет. Я в порядке. — Я не могу смотреть на него прямо сейчас. Я боюсь, что он увидит секреты, которые я скрываю, независимо от того, как сильно я этого *хочу*. Я хочу поцеловать его снова, и я хочу, чтобы он заключил меня в объятия и напомнил мне, где всегда находится мое счастливое место.

Он откашливается после долгого молчания.

— Помнишь, когда тебе было четыре года, и ты плакала каждую ночь. Ты не была уверена, почему, но ты это сделала. Так что я прокрался в твою комнату и позволил тебе спать у меня на груди. — Мое сердце разрывается в груди, но вместо того, чтобы от боли, оно открывается, чтобы впустить Ройса обратно. Пронзительный звон раздается в моих ушах. Он смеется. — Это был единственный способ, которым ты могла уснуть в течение двух гребаных лет. Я чертовски устал, но это была моя самая любимая часть того, чтобы быть твоим братом.

— К чему ты клонишь, Рой? — Я наконец смотрю ему в лицо, в уголках моих глаз собираются слезы.

Он ловит одну большим пальцем и подносит ко рту, высасывая каплю. Я игнорирую то, как его мягкие губы обхватывают большой палец, ради моих яичников.

— Я хочу сказать, как мне перейти от этого к желанию согнуть тебя над этим диваном и трахать тебя, пока ты, блядь, не закричишь. Хммм?

— Я не знаю, — говорю я, моргая. — Может быть, так же как ты оставил меня в том доме одну.

— О черт, герцогиня. — Он качает головой, в отчаянии хватаясь за волосы. — Когда ты собираешься бросить это гребаное дерьмо? Я сделал то, что должен был сделать, и это ответ, с которым тебе просто придется жить. — Он поворачивается ко мне спиной и уходит. Это только бесит меня еще больше.

— Этого, блядь, недостаточно, Ройс! — Я срываюсь. Он снова игнорирует меня, и прежде чем я успеваю остановиться, я поднимаю руку и швыряю свой пустой стакан через всю комнату, пока он не ударяет его по затылку. Пот блестит на его обнаженной груди, когда он поворачивается. Я была так захвачена своей вспышкой, что пропустила татуировки, покрывающие всю его спину. Прежде чем я успеваю наклонить голову, чтобы изучить их, он врывается обратно ко мне, хватая меня за горло и перекрывает мне дыхательные пути, бросая меня на кожаный диван.

— Осмелилась. — Его глаза в ярости смотрят на меня, а губы сжимаются вокруг зубов. — Чтобы, блядь, ударить меня и посмотреть, что, блядь, я сделаю.

Я вырываюсь из-под его хватки, и его руки летают вокруг, хватая меня за запястья, чтобы поднять их над моей головой. — Ни хрена себе, я собираюсь тебя, блядь, убить.

— Хорошо! — рывкаю я, переполненная эмоциями. — По крайней мере, это заставит его уйти.

Его челюсть напрягается.

— Заставит что уйти? Видишь ли, ты продолжаешь говорить подобную чушь, и это меня злит. — Он крепче сжимает мои запястья. — И я почти уверен, что ты не хочешь, чтобы я так себя чувствовал.

— Ройс?

— Что? — спрашивает он, его взгляд падает на мои губы.

— Слезь с меня.

Уголок его рта приподнимается в ухмылке, когда он отрывается от моего тела. Как

только его вес исчезает, я вздыхаю, вытягивая ноги.

— Ты можешь отвезти меня обратно в общежитие? Мне нужно закончить домашнее задание.

Роусе

Я щелкаю ножом между указательным и безымянным пальцами, перекатывая его между каждым из них, пока старые часы тикают на заднем плане, заполняя тишину своими громкими ржавыми стрелками.

Тик.

Так.

Тик.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — В центре комнаты стоял телевизор с проигрываемым видео. Мы не могли видеть его лица, но он был одет во все черное. — Я скажу тебе. — Мы в комнате. Холодный. Темный. Подвал? Мои запястья были привязаны к спинке стула, рот закрыт. Я нашел Орсона и Шторма рядом со мной, ошеломленных и сбитых с толку. Прошлой ночью была чертовски тяжелая ночь. Намного больше, чем мы ожидали. На самом деле, Орс вообще не должен был пить из-за своей сегодняшней игры.

Я натянул веревки нас, блядь, похитили. Гнев просочился в мои поры, мои мышцы напряглись от напряжения. Ублюдок.

Видео начало расплываться, как у старых коробочных телевизоров, а затем стало четким. Единственное черное сиденье, темные кожаные подушки, черная толстовка с капюшоном, черные брюки и глянцевые мокасины. Я вырос в деньгах, свободно говорил "богатый ублюдок", и хотя этот ублюдок использовал толстовку в качестве одеяла для своей личности, я точно знал, что он тоже разбирается в деньгах. — Каждый из вас уходит. Сегодня вечером. Твоя жизнь была перенесена в ускоренную перемотку вперед.

Зарывав, я попытался выкусить тряпку изо рта, но безрезультатно. Орсон подпрыгивал на стуле, пытаясь развязать веревки, в то время как Шторм молчал, глядя в телевизор, как будто изучая каждую деталь. Нам было, блядь, по восемнадцать лет. Какого хрена ему могло от нас понадобиться? Очевидно, это не деньги, так что это должно быть одолжение от одного или всех наших родителей. У тебя трое самых богатых ебарей в Америке сидят в одной комнате, связанные и ты знаешь, что это как-то связано с родителями.

Его голос возвращается, роботизированный тон выдает, что этот мудака не хотел, чтобы мы знали, кто он такой.

— Прежде чем вы даже попытаетесь отказаться, я скажу вам прямо сейчас, что есть одна очень веская причина, по которой каждый из вас будет слушать каждое слово, которое выходит из моих уст, и не просто повиноваться мне, но и бояться меня.

Вряд ли, ты, гребаная пизда.

— Вас всех выпустят из вашей комнаты с оборудованием, необходимым для возвращения домой. Я уверен, что однажды вы будете восхищаться моей техникой. — Он наклонился вперед, и его ожерелье привлекло мое внимание. — Все трое пойдут домой, и каждый из вас найдет папку на своей кровати. В этой папке будет причина, по которой вы

собираетесь меня выслушать. Вы были полностью готовы поступить в колледж. Вы уходите раньше. Вы должны покинуть свои дома не позднее полуночи сегодня вечером. Если попытаетесь кому-нибудь рассказать. Твой друг. Подруга. Родитель. Тетя. Я выпотрошу их, превращу их органы в одежду и продам на Etsy. — Он сделал паузу, и мы все ждали.

Он был чертовски сумасшедшим, но в его словах чувствовался страх, который остался в комнате после того, как он их произнес. Угроза, которая не нуждалась в оружии.

— Если ты не уйдешь... — Вот оно. — Твоя сестра Джейд Оливия Кейн... — Кровь отхлынула от моих вен, и, если бы я физически не был полностью здоровым мужчиной, я бы истек кровью на земле от простого шепота ее имени с его губ. — Станет моей. Когда я говорю "моя", я имею в виду, что вы бы хотели, чтобы я просто убил ее к тому времени, как закончу. Я буду преследовать ее каждый шаг, повешу ее в качестве моей тряпичной куклы, разрывая ее по швам и не сшивая обратно, и если ты думаешь, что у меня нет такой власти... я призываю вас вернуться домой, проверить папки, открыть свой маленький ноутбук или телефонов, и просто ввести Даймонд.

Моя челюсть напряглась, и все внутри моего тела горело.

Он откинулся на спинку стула.

— Я верю, что вы сделаете правильный выбор, джентльмены, и когда вы устроитесь в своей жизни, я вернусь, а если нет, это означает, что один из вас облажался по пути, и мое прибытие вам не понравится. — Потолок открылся, и ножи упали нам на колени. — Вы свободны.

Мы замерли, смотря в телевизор после того, как видео давно исчезло. Нам потребовалось некоторое время, чтобы развернуться и освободиться, но как только наши руки были готовы, все остальное отпало.

— Что, черт возьми, это было? — рявкнул я, свирепо глядя на Орсона и Шторма.

Орсон покачал головой.

— Я не знаю, брат. Мне это не нравится.

Направляясь к двери, я распахнул ее и вышел на палубу, сбитый с толку.

— Мы на яхте.

— Что? — Шторм вышел из-за моей спины с Орсоном на хвосте. Дверь за ним захлопнулась, и когда я потянулся за ней, она осталась запертой.

— Черт. — Быстро пробравшись через моторную яхту, мы взбежали по лестнице, ведущей в главную каюту, и я остановился, увидев океан с одной стороны и береговую линию в сотнях метров от нас с другой.

— Что, черт возьми, происходит? — Замешательство Орсона только разозлило меня. Никто из нас не знает.

— Мы должны его выслушать. — Я знал, что он богат, но эта яхта была чем-то, что могли позволить себе только такие люди, как наши семьи. Это была не маленькая гребаная игрушка. Это была чертова машина стоимостью в несколько миллионов долларов.

— Почему? — сказал Орсон. — Он может блефовать.

Я нашел три доски для серфинга, выстроенные в ряд сзади, стоящие вертикально, с нашими именами, написанными на листках бумаги, и наклеенными на них толстым слоем воска.

— Потому что я не хочу ставить на Джейд.

Орсон замолчал.

Шторм потянулся к своей доске.

— Я с Ройсом.

— Я не это имел в виду... — попытался уточнить Орсон. — Ты прав. Мы разберемся с этим дерьмом на берегу.

Мы все трое схватились за доски, нырнули в ледяную воду в тишине ночи и стали ждать, когда поднимется первая волна, чтобы мы могли поймать ее и проехать весь путь до береговой линии.

Когда я вернулся домой, я хотел бы сказать, что он блефовал.

— Что происходит? — спрашивает Шторм, закрывая за собой входную дверь, когда входит. — Чувак, ты можешь разжечь огонь или что-то в этом роде? Здесь холодно.

— Потому что герцогиня была здесь, вот что. — Я наблюдаю, как он входит в мою гостиную, где падает на единственный шезлонг, его волосы взъерошены после полета.

— Вы собираетесь объяснить, почему созвали эту встречу? Я был занят чем-то важным. — Шторм всегда был самый уравновешенный из всех нас. Тот, кто использовал свой мозг больше, чем рот. Это было полезно. Чертовски полезно. Особенно когда у тебя есть Орсон и я в группе из трех человек. Но за эти годы Шторм открылся чертовски многим. Я не должен винить в этом его жену и то, что он так рано стал отцом, но я знаю, что это как-то связано с этим. Он обрюхатил первую попавшуюся сучку сразу после того, как мы уехали, и хотя он один из богатейших инженеров-программистов в Соединенных Штатах Америки и управляет самым эксклюзивным бизнесом в области компьютерных наук в стороне, я не могу не обижаться на нее чертовски сильно.

Главным образом потому, что она сука-золотоискательница.

— Я подожду, пока Орс придет сюда, — говорю я, указывая на угол, где хранится вся выпивка. Несколько минут спустя Орсон входит в дверь, волоча за собой свой чемодан.

— Йоу, вчера вечером мне пришлось подцепить гребаное "красное зрение", просто чтобы успеть вовремя. Лучше бы это было важно, — ворчит он, закрывая дверь.

Я наливаю ему стакан виски и протягиваю его ему, снимаю жилет и кладу его на диван. Когда я с ними тремя, связь обрывается. Мой клуб всегда будет на первом месте, но не тогда, когда дело доходит до этого.

— Мне нужно задать вам обоим вопрос, и мне нужно, чтобы вы ответили на него честно.

Орсон вздыхает, плюхаясь на Г-образный диван с видом на океан.

— Ты не мог бы задать этот вопрос через FaceTime? Черт возьми, я тоже скучал по тебе, но сейчас не сезон, и мы с семьей готовимся к поездке в Аспен.

Я игнорирую его, прислонившись к каминной полке.

— Кто-нибудь из вас сбился с пути?

Они все замолкают, их глаза встречаются с моими.

Шторм отвечает первым.

— В этом не было необходимости. Он никогда не просил меня сделать что-то большее, чем уехать из города.

— То же самое и здесь. — Орсон поднимает свой стакан, одним глотком проглатывая дорогое виски.

— Ты? — спрашивают они оба, приподняв брови.

— Меня тоже ни о чем не просили. — Я закрываю глаза. — Кому-нибудь из вас прислали видео?

Они оба отвечают в унисон.

— Нет.

Я достаю телефон и просматриваю свои фотографии, пока не нахожу его, бросая телефон на диван рядом с Орсоном.

Он поднимает его, и я наблюдаю, как его лицо искажается в замешательстве. Его губы сжимаются, глаза сужаются, а голова наклоняется.

— Кто она такая?

Я пожимаю плечами.

— Ни хрена не знаю.

Шторм отказывается смотреть, его глаза по-прежнему прикованы к стене перед ним.

— Может быть, он проверяет нас, используя приманку на этот раз вместо друг друга.

Мой рот резко закрывается. Я не хочу снова берeditь эту рану и удваивать время заживления.

Я свирепо смотрю на него.

— Я почти уверен, что он ясно дал это понять в первый раз. — Качая головой, я сажусь на диван перед собой, пробегаю руками по волосам. — Нет, это что-то другое. Мы что-то упускаем.

Тишина окутывает наши воспоминания, поскольку я уверен, что все мы блокируем их. Воспоминания-это пятно, которое либо добро, либо зло оставляют на вашей душе после ухода.

Этот человек-зло. Такое чертовски злое.

— А как насчёт Нечестивца? — спрашивает Орсон, не сводя с меня глаз. — Спросил его о чем-нибудь?

Чёртов Нечестивец.

Jade

Откинув волосы на затылок, я игнорирую музыку, играющую на заднем плане, и тяжелый запах секса. Пальцы тянутся к моему животу, прикрывая черное обтягивающее платье, которое на мне надето. Сзади оно длинное, а спереди короткое. Я соединила его с черными ботинками до бедер и заплела волосы в беспорядочную французскую косу. Я не знаю, почему мы снова здесь так рано.

L'artisanant.

Джеймс сказал, что они делают это только раз в месяц, так почему же сейчас?

Поднеся стакан ко рту, я быстро нахожу комнату, в которой была в последний раз, когда была здесь. Все вокруг меня отодвигается на задний план, когда я изучаю ее, как будто это самый важный тест в истории.

Провожу подушечкой большого пальца по губам, мурашки бегут по спине, когда воспоминания возвращаются ко мне. С ними все было по-другому. Секс никогда не был таким с Джеймсом или с кем-либо из мужчин, которым он меня отдал.

Джеймс разворачивает меня к себе, его маска такая же. Простая резьба по черной коже вокруг его черт. Она покрывает большую часть лица, что обычно делает маска.

— Почему ты носишь маску, а я нет? — спрашиваю я, внимательно наблюдая за его реакцией. Со времени второго видео в отеле отношения между Джеймсом и мной резко изменились. Я в какой-то степени доверяла ему, и, вероятно, это было из-за многих лет, проведенных под его руководством. Но сейчас я просто хочу убежать.

— Хммм. — Он жестом указывает на лифты, которые скрыты за морем людей. Я нервно прикусываю губу, прежде чем, наконец, последовать за ним к грубым металлическим дверям. Лифт-один из старых, в котором вы вручную задвигаете металлические ворота. Как только мы вошли, и музыка обрывается, лифт поднимается, а мои кулаки сжимаются.

Я смотрю, как старая стрелка останавливается на *deux* (2).

Пот стекает по моему затылку, когда стрелка снова сдвигается.

Trois. (3)

Мы не останавливаемся.

Не раньше чем на *quatre*. (4)

Мы мгновенно оказываемся в комнате, погруженной в темноту. По всей комнате время от времени горят бирюзовые фонари, но их недостаточно, чтобы можно было хорошо разглядеть. Бирюзовый оттенок больше относится к зеленому спектру, и это странный выбор цвета, но он соответствует эстетике, которая, кажется, незаметно перемещается по комнате. Прямо посередине стоит черный кожаный диван, ни окон, ни занавесок, никаких признаков света, кроме светодиодных линий, которые прикреплены к краю плинтусов. Я хочу спросить, что мы здесь делаем.

Почему именно это место?

Маска надевается на мои глаза, когда губы Джеймса опускаются к моему затылку.

— Теперь тебе это нужно.

Я нервно сглатываю, вытирая пот с ладоней.

— Хорошо. — Освещение еще больше тускнеет, а музыка становится громче. В другой комнате это казалось интимным.

Эта чувствуется более заряженной.

Korn “Twisted Transistor” громко играет на заднем плане, когда Джеймс продвигается дальше в комнату. Он останавливается на пороге, где соединяются гостиная и другая комната, засунув руки в карманы.

— Мальчики.

О, черт.

Я делаю шаги, которые мне нужны, чтобы добраться до того места, где он стоит, и когда я поднимаю глаза перед собой, я замираю.

Четверо мужчин.

Все в темной одежде и темных кожаных масках, закрывающих верхнюю половину лица.

Гребаный четвертый уровень.

Они все разбросаны, сидят на разных местах. В центре комнаты есть небольшая импровизированная сцена, и когда Джеймс оставляет меня стоять там одну, я понимаю, что должна делать.

Джеймс идет к небольшому бару, где сзади стоит бармен в белом костюме. Он заказывает выпивку и поворачивается ко мне лицом.

Его голос доносится снова, только искаженный. Он любит, когда его игрушки манипулируются его словами. Как будто он знает, почему он делает то, что делает, и от кого он прячется.

“Change” from Deftones начинает звучать громко, и я ловлю себя на том, что проверяю всех, кто здесь находится.

Двое в темных толстовках, их рты прикрыты белыми банданами, один одет в дорогой костюм с черной кожаной маской, скрывающей верхнюю половину лица, а последний парень одет в кожаную куртку с капюшоном под ней, с такой же простой белой банданой вокруг рта.

Я провожу языком по губам, кладу телефон на пол и направляюсь к импровизированной сцене. Это не ново. Джеймс в прошлом заставлял меня танцевать для людей, но это всегда было с определенной целью. Развлекать богатых толстяков, у которых было слишком много денег и недостаточно человечности. Это бы их подразнило. Джеймс сказал бы, что я являюсь прямым воплощением тех девушек, которых он продавал.

Меня это беспокоило, но я ничего не могла с этим поделать.

Песня продолжает играть в припеве, и мои пальцы сжимают холодный столб, когда я выбиваю волосы из косы. Скатившись с шеста, я позволяю мыслям переместиться в другие места, только когда я отворачиваюсь от них, кто-то оказывается у меня за спиной, его пальцы лежат на нижней части моего живота.

Я узнаю его прикосновение почти мгновенно, и прежде чем я успеваю слишком много думать об этом, я понимаю, что причина, по которой я узнала его, в том, что он был одним из двух парней с первого вечера, когда я присутствовала.

Вдыхая, я прижимаюсь щекой к прохладному металлу шеста, когда его палец ныряет за пояс моих трусиков.

Когда я оглядываюсь через плечо, чтобы найти Джеймса, его уже нет.

Мои плечи расслабляются, когда мои пальцы сжимаются вокруг шеста, вдавливая мою задницу в промежность его брюк. Его пальцы скользят по моим бедрам, когда он дергает меня, чтобы оказаться к нему лицом.

Он наклоняет голову.

“Lapdance” by N.E.R.D начинается с того, что его рука находит изгиб моего горла, а другая ныряет в переднюю часть моих трусиков. Разочарование борется с удовольствием, когда я пытаюсь найти его глаза.

Кто ты, черт возьми, такой?

Его пальцы добираются до моей задницы, когда он отрывает меня от земли, и я обхватываю ногами его талию, как раз в тот момент, когда кто-то другой подходит сзади ко мне, расстегивая молнию на моем платье. Оно падает с моих плеч, и он стягивает его через голову, мои волосы падают на поясницу. Парень передо мной перекачивается, наклоняется и впивается зубами в кожу у моей ключицы.

Я стону, наклоняя голову к нему, когда тот, кто стоит позади меня, ныряет под мои трусики.

— Черт! — ревет кто-то позади нас, так громко, что музыка на мгновение заглушается. — Эй! Остановись! — Рука опускается на плечо парня, который держит меня.

Голос кажется знакомым.

Когда парень, который держит меня, ставит меня обратно на землю, сердито поворачиваясь лицом к своему другу, я наблюдаю в замедленной съемке, как он выхватывает у него мой телефон. Его плечи напрягаются, когда он медленно поворачивается с моим телефоном в руках.

Мой телефон? Дерьмо.

— Что? — рывкаю я, раздраженная тем, что сижу посреди импровизированной сцены в лифчике и трусиках, в то время как они все смотрят на меня так, словно никогда раньше этого не видели.

Он швыряет мой телефон через всю комнату и делает три сердитых шага ко мне, дергая меня за руки и срывая с меня маску.

Я задыхаюсь, в моих глазах ярость.

— Какого хрена!

Он снимает бандану, которая повязана вокруг его лица, и мой мир останавливается. Мой живот падает на землю и застывает у моих ног.

— Какого хрена ты здесь делаешь, герцогиня? — Лицо Ройса появляется в поле зрения, и я несколько раз моргаю, чтобы убедиться, что у меня не галлюцинации.

Дотянувшись до края его толстовки, я стягиваю ее с его головы, пока она не падает на его татуированную шею.

— О черт, — шепчу я, моя кровь становится холодной, как лед.

Он поддерживает меня, пока я не наткнулась на грудь парня, который стоит позади меня. Глаза Ройса яростно бегают по моему плечу, и я наблюдаю, как его челюсть каменеет, его глаза сжигают всю энергию в комнате.

— Убирайся. Черт возьми. Подальше от нее. — Его тон низкий, опасный и на тысячу уровней выше температуры Ада. Музыка обрывается на заднем плане, когда Ройс снимает мою одежду с моих ног и запихивает ее мне в грудь. — Оденься. Блядь, сейчас же!

Я делаю то, что мне говорят.

Что происходит?

Натягивая свой укороченный топ и одергивая юбку обратно, паника охватывает мои мышцы, когда я яростно обыскиваю комнату. Ройс в отчаянии дергает себя за волосы, садясь на диван с сигаретой между двумя пальцами.

— Рой, какого хрена?

— Черт возьми, — бормочет один из остальных, снимая бандану.

Я все еще...

— Орсон!

Орсон качает головой, проводя руками по губам.

— Да, герцогиня.

Я бледнею, подхожу к нему и обнимаю его сзади за шею.

— Ты женат! Какого хрена ты здесь делаешь?

— У нас другой вид брака.

Мои мышцы напрягаются.

— L'artisanant, это по-французски... — Складываю кусочки воедино о том, что Орсон был наполовину французом. Он одаривает меня грустной улыбкой.

— Да, герцогиня. Мы...

— Заткнись нахуй! — Ройс рычит, не поднимая на нас глаз. Когда я поворачиваюсь, чтобы увидеть, что последние два парня сняли свои банданы и маски, я даже немного не удивлена, увидев, что один из них Шторм, но я вижу, что другой Нечестивец.

Я сглатываю, мой взгляд скользит по его телу. Судя по тому, что Шторм слишком худой, а Орсон слишком высокий, я заключаю, что в первую ночь у меня был секс с ним и Ройсом.

О боже.

Я трахнула своего приемного брата, даже не осознавая этого.

Комната наклоняется, когда я падаю на сцену, недоверие лишает меня дара речи.

— Ройс, — шепчу я, желая, чтобы он посмотрел на меня.

Он не двигается, его плечи двигаются вверх и вниз, когда он делает глубокие вдохи. Когда я думаю, что он ничего не скажет, и Орсон исчезает в баре, чтобы взять несколько бутылок виски с верхней полки, я ползу по полу, пока не оказываюсь перед ним, положив руки ему на колени.

— Ройс... — повторяю я. — Посмотри на меня.

Мышцы его бедер напряглись. Он убирает мои руки со своих колен, откидывается на спинку дивана, зажимая сигарету губами, и закрывает глаза. Хмурый взгляд, запечатленный в его бровях, вселяет в меня достаточно страха, чтобы мои ноги дернулись, чтобы убежать, но я остаюсь. Потому что мне нужно это сделать. Потому что я знаю, что он собирается наброситься, и он попытается причинить мне боль, вот как он справляется со своими эмоциями. Он справляется со своими маниакальными эмоциями, притворяясь, что у него их нет, но он забывает, что когда-то наши души были едины. Я чувствую то же, что и он.

Я расправляю плечи, желая, чтобы слезы не вытекли.

Я не буду выглядеть слабой.

Я не прошла через все, что у меня было за последние четыре года, чтобы все рухнуло в руках Ройса.

Он смотрит на меня новыми глазами, такими же, какими он показал мне, когда впервые пришел домой. Однако на этот раз все по-другому. Стыд накатывает на меня волнами жара.

— Ответь мне на это, — бормочет он сквозь дым. Я тянусь к его пачке на земле и зажигаю свою собственную. Я знаю, что это мне понадобится для следующего вопроса,

который он мне задаст. И все остальные, которые придут после. Он глубоко втягивает воздух, все напряженные мышцы его лица разглаживаются, а затем я наблюдаю, как он выпускает кольца дыма из своих скривленных губ.

— Это ты была здесь той ночью? С одним и тем же мужчиной?

Я стискиваю зубы.

— Да.

Его губы кривятся в оскале, когда он наклоняется вперед, хватая меня за подбородок и поднимает мое лицо к своему. Положение, в котором я сейчас нахожусь, не в мою пользу, как его идеальный маленький питомец, сидящий у его ног. Как только я думаю, что он собирается что-то сказать, он сжимает мой подбородок, отталкивая меня от себя, прежде чем выпрямиться.

— Ройс, — ругает Нечестивец у меня за спиной, и когда дверь захлопывается в его отступлении, первая слеза капает. Я даже больше не борюсь с ними, эмоции, которые бурлят во мне, неподвластны.

Я подтягиваю колени к груди и кладу на них лоб. Мои щеки горят от стыда, плечи горбятся, защищая меня.

— Герцогиня, — говорит Шторм, кладя руку мне на плечо. — Ты знаешь, как х...

— Заткнись нахуй, Шторм. — Орсон поднимает меня с земли, увлекая за собой на диван. Я вытираю слезы с лица, когда Орсон выходит из комнаты с другой стороны, принося мне шерстяное одеяло.

Он накрывает мое тело и протягивает мне бутылку виски.

— Думаю, тебе это может понадобиться.

Я киваю, обхватывая губами ободок, когда чувствую, как Нечестивый двигается позади меня, его рука раскинулась по краю дивана.

— Это был ты? — спрашиваю я потрескавшимися губами, после того как виски давно улетучивается, оставляя пятно у меня в горле. Я провожу кончиком указательного пальца по его безупречной коже, прослеживая глубокие синие линии вен на его руках. Такая бледная.

Другая рука Нечестивца касается моего бедра, подталкивая меня под себя.

— Да.

Я грубо сглатываю.

— Ну, я рада, что это был не один из этих ублюдков.

— Эй! — Шторм смеется, садясь на сцену, когда Орсон подходит с другой стороны от меня. — Но это правда. — Они с Орсоном грустно смеются, прежде чем я чувствую на себе их взгляды.

— Герцогиня, — мягко произносит Орсон. — Кто этот мужчина, с которым ты была? Что ты здесь делаешь?

— Мммм, — размышляет Ройс с другого конца комнаты, и моя спина выпрямляется. — Что ты здесь делаешь, герцогиня, и кто, черт возьми, этот человек? — Когда он входит в комнату с наполовину опустошенной бутылкой виски, свисающей с его пальцев, он садится на сцену, прислонившись к столбу, подтягивая ногу к груди и свесив с нее руку.

— Я не могу ответить на этот вопрос. — объясняю я, игнорируя взгляд Ройса. Он причинил мне боль больше раз, чем я могу сосчитать, но до сегодняшнего вечера все это казалось поверхностным. Например, когда друг причинил бы тебе боль в начальной школе, и ты бы оправился от этого через несколько дней.

Сейчас все по-другому. Я боюсь, что теперь он не будет воспринимать меня так же, как

сейчас, когда он знает, что у нас не только уже был секс, но и у меня был секс с Нечестивцем.

— О чем ты думаешь, герцогиня? — Ройс насмехается, и я быстро смахиваю следующую слезу, которая скатывается по моей щеке. — Все убирайтесь. Сейчас же.

— Я? — спрашивает Нечестивый, его рука напрягается на моем бедре.

Тяжелый смешок Ройса пробегает у меня по спине.

— Особенно ты.

Орсон и Шторм выходят первыми, прежде чем Нечестивый неохотно отстраняется от меня и уходит так же, как и они. Когда дверь закрывается и шум стихает, я замечаю, что музыка все еще играет, просто теперь она тише.

— Джейд, — Ройс требует моего внимания, и я, наконец, заставляю себя посмотреть ему в лицо. Усталость овладевает моими мышцами. Я опустошена. Мои веки влажные и липкие от слез, а горло болит, вплоть до жгучего огня в легких. — Кто он такой?

Мои губы дрожат.

— Рой, я могу...

— Черт возьми, Джейд! — рявкает он, швыряя полупустую бутылку через всю комнату, пока она не разбивается о стену, и осколки стекла, смоченные жидкостью янтарного цвета, разбрызгиваются по непрозрачным стенам. — Не скрывай от меня ни хрена!

— Я не могу! — Я кричу, но мои чертовски глупые эмоции заставляют меня икать на каждом слоге. — Я просто не могу... "ик" ... сказать тебе, Ройс!

Он встает со своего места и с важным видом направляется ко мне. Он просовывает палец мне в рот.

— Мне нужно просунуть свой член между этими губами, чтобы напомнить им, что из них могут выйти плохие вещи? — злорадствует он, наклоняясь, пока его губы не оказываются на расстоянии шепота от моих. — Или, может быть, мне просто нужно наполнить твою пизду своим членом и трахнуть тебя так сильно, чтобы твои секреты умоляли убежать от меня.

Я все еще чувствую, как кулак, которым он ударил меня в живот, пульсирует от невыносимой боли. Прохладный воздух обдувает мою кровь, мое тело дрожит от холода. *Он уже осуждает меня.*

— Пошел ты!

Его рука у моего подбородка, а нос прижимается к моему.

— Скажи мне, кто, черт возьми, твой маленький парень, Джейд, и я обещаю, что не заставлю тебя смотреть, как я режу его на мелкие кусочки и разбрасываю его конечности по всему гребаному Тихому океану.

Я вырываюсь из его хватки.

— Он не мой парень. Я больше ничего не могу тебе сказать, Рой. Ты не можешь заставить меня говорить.

Он выдыхает, вытаскивает еще одну сигарету и кладет ее между губ, как раз в тот момент, когда на заднем плане открывается дверь и в комнату врывается Нечестивый, теперь уже в жилете МС поверх толстовки.

— У нас проблема, — перебивает Нечестивый, быстро осматривая меня, прежде чем подойти к Ройсу. — Парень слышал, как мы говорили о том, что только что произошло. Прежде чем я успел обхватить его руками за шею, он убежал.

Я в ужасе наблюдаю, как краска отливает от лица Ройса, а его густые черные брови

изгибаются вокруг глаз. Его зрачки расширяются, обнажая острые зубы. Его гнев разносится по комнате, как гроза.

— Ройс... — Я тянусь к его руке. Он мне нужен. Мне нужно почувствовать его прощение, даже если технически он не хочет давать его прямо сейчас.

Он отшатывается от меня.

— Ты возвращаешься в мой гребаный дом, и ты не уйдешь, если только это не будет на заднем сиденье моего чертова байка или в моей машине. — Он полностью поворачивается ко мне лицом. Его острая челюсть дергается, татуировки под кожей на шее растягиваются. Я на мгновение теряюсь в том, как сильно он изменился за эти годы. Его кожа оставалась мягкой, а черты лица все еще слишком красивыми, но татуировки и мышцы придавали его внешности что-то смертоносное и огнеопасное. — Я, блядь, ясно выражаюсь?

Комната возвращается в реальное время, когда я киваю.

— Да, хорошо. — Я не хочу соглашаться на это, но какая-то часть меня хочет быть рядом с ним прямо сейчас, другая часть меня надеется успокоить его, но самая большая часть борьбы, которая происходит внутри меня прямо сейчас, — это страх. Я искренне боюсь того, что Джеймс может сделать со мной теперь, когда он знает, что я знаю, что Ройс здесь.

Знал ли он, что это был Ройс?

Мышцы моего лица мгновенно расслабляются, мой рот слегка приоткрывается.

— Что? — рывкает Ройс. — Что, черт возьми, происходит у тебя в голове прямо сейчас?

Я прочищаю горло.

— Ничего.

Ложь никогда не казалась мне такой неправильной.

Ройсе

Я хмуро смотрю на Нечестивца, когда я возвращаюсь к Джейд. Она, блядь, скрывает от меня всякое дерьмо, я это знаю. Орсон это знает, Шторм это знает, и, что самое досадное, Нечестивый, блядь, это знает.

Джейд встает с дивана, и все взгляды устремлены на нее, когда она двигается.

— Ванная комната?

Я поворачиваю голову через плечо.

— Задняя комната. Если ты не выйдешь через четыре минуты, я вышибу эту чертову дверь.

Джейд игнорирует меня, пронесится мимо и исчезает за дверью.

— Ты всегда так строг с ней? — спрашивает Нечестивый.

Я поднимаю голову, пристально изучая его. Сейчас у меня есть два варианта. Я могу вернуть его в то место, из которого он так удобно, казалось, выполз, все еще будучи в состоянии спасти то, что осталось от нашей дружбы, или я могу сыграть с ним злую шутку.

— О, ты явно здесь новенький. — Шторм хихикает из-за стойки. — Это робко по сравнению с тем, к чему она привыкла.

Орсон молчит в другом конце комнаты, но я не отвлекаюсь от Нечестивца. Теперь я как акула, почуявшая кровь, и эта кровь пролилась из Нечестивца.

— Ты заметил пренебрежительный характер, который эта девушка бросает в него? — Наконец Орсон добавляет: — Это происходит из-за долгих и долгих лет стойкости после того, как я смирился с откровенным дерьмом Ройса Кейна.

Я отключаю его. Он не ошибается.

— Она что-то скрывает, — указывает Нечестивец, прислоняясь к стене. — Нам нужно выяснить, что это такое.

— Я знаю это, — шиплю я, немного слишком быстро. Я знаю, почему он угрожает мне больше, чем кому-либо из присутствующих здесь, и это потому, что двое других всегда смотрели на Джейд как на родную сестру. Никто из них никогда не пытался с ней связаться, да и не стал бы. У Джейд Оливии Кейн было мое имя, отпечатанное на ее гребаной заднице, когда она была новорожденным ребенком, и она, черт возьми, ничего не могла сделать, чтобы удалить его. Я знал это. Наши друзья знали это. Черт возьми, наши гребаные родители знали это. — Никто не знает Джейд лучше, чем я.

— Действительно? — Нечестивый проверяет воды, в которые ему действительно не следовало бы вступать. — Тогда почему ты не знаешь, что она скрывает?

— На самом деле все просто. — Джейд всплывает сзади, но я не двигаюсь. Я мысленно считаю про себя до двадцати, чтобы не броситься вперед и не вырвать горло Нечестивца прямо из его шеи. *Вдыхай и выдыхай.* Джейд продолжает. — Теперь я знаю, как хранить от него секреты.

Она берет свой телефон с дивана, и я наблюдаю, как ее пальцы сжимают черный футляр.

Идеальный белый маникюр. Простой, чистый, но точно знающий, что с ним делать. Единственное, что хуже невинной женщины, — это та, которая точно знает, как использовать это, чтобы поставить зло на колени. Я не знаю, почему белый прилипает ко мне, но это так. Это привлекает мое внимание главным образом потому, что Джейд — это что угодно, но не та чистота, которую она пытается провозгласить, нарисованная на ее ногтях. Это заявление.

— Может, пойдём? — она добавляет, и я, наконец, встаю, направляясь к Нечестивцу.

Когда все оказываются вне пределов слышимости, я стискиваю зубы и впиваюсь в него взглядом. Нечестивец — танк, и он знает, как сражаться и постоять за себя, но не заблуждайся, я, блядь, могу его одолеть. Вы даете человеку что-то, за что стоит бороться, и он будет сражаться до смерти. Джейд — боевая приманка для меня. Ты повесишь ее сексуальную задницу передо мной, и я убью любого, кто посмеет приблизиться к ней.

— Если у нас возникнут проблемы, связанные с ней. — Я ухмыляюсь, наклоняясь к его уху, мой взгляд падает на его плечо. — Скажи мне сейчас. Я бы предпочел получить кровь в этой комнате, чем в моем доме.

Нечестивец отступает назад, его темно-карие глаза изучают мои. Он высовывает голову из комнаты.

— Поболтаем.

Я поднимаю пальцы, чтобы остановить остальных в комнате.

— Дайте нам секунду.

Как только мы выходим в фойе, Нечестивый поворачивается ко мне лицом.

— Прежде всего, пошел ты нахуй. Я никогда ничего не делаю без гребаной причины, ты же знаешь, во-вторых, ты чертовски слеп, когда дело касается ее. Она-твое слепое пятно. Где бы она ни была, где бы ни была, Ройса больше не существует. Это делает тебя чертовски тупым. Она делает тебя чертовски тупым. Я здесь для того, чтобы убедиться, что ты не всегда чертовски тупой. — Я смотрю, как двигаются его губы, и мне приходится физически сдерживаться, чтобы не ударить его прямо в челюсть.

— Не слепой, брат, я чертовски сосредоточен. Ты вешаешь эту девчонку на все, что, по твоему мнению, я не могу убить, трахнуть или ударить, и можешь поспорить на свой последний доллар, что я убью, выебу и вырублю это. Она не мое слепое пятно. — Я хихикаю, проводя пальцем по нижней губе. — Она, блядь, переключает мою ярость. Она-то, что сводит меня с ума, черт возьми. Она-то, ради чего я *рвусь*. Так что я спрошу тебя еще раз, и брат или нет, я убью тебя, черт возьми.

Нечестивец качает головой, проводя руками по затылку и сжимая челюсти.

— Ройс. Я тебе не враг. Ты доверяешь мне. Вот почему вы все впустили меня в L'artisaniant.

Я делаю паузу и обдумываю его слова. В основном правда. Я действительно доверяю ему. Я ему очень доверяю.

— Доверие-это не то, о чем я могу договориться, когда речь идет о Джейде.

— Черт. — брови Нечестивца удивленно взлетают вверх. — Я не думаю, что когда-либо видел мужчину, который не хотел бы, но так сильно нуждался в девушке за всю свою жизнь.

— Ты, должно быть, здесь новичок. — Это была шутка, но в основном это была правда. Хотя я знаю Нечестивца много лет, он никогда не видел, как я отношусь к Джейду.

Его рука опускается мне на плечо.

— Брат, поверь мне. Все, что я делаю с ней или для нее, делается для твоей пользы.

Мои глаза сужаются.

— Не подходи к ней близко.

— Итак, ты хочешь ее? — спрашивает он.

Я высокомерно хихикаю.

— Ублюдох, ты задаешь неправильные вопросы.

— Ну, и что я должен спросить? — Если бы кто-нибудь другой сказал эти слова, я бы вышиб из них все дерьмо, но он. Я должен тепло относиться к тому, что он рядом с Джейд.

— Только не это.

— Почему? — он спрашивает, и теперь я знаю, что он хочет, чтобы его ударили.

— Потому что нет вопроса, хочу ли я ее или она хочет меня. — Я затягиваюсь сигаретой, пока дым не вырывается из моих ноздрей. — Есть только она и я, и больше никого.

Нечестивец кивает.

— Принято к сведению. Я не подойду к ней в таком виде, но я действительно хочу выяснить, что она скрывает.

Он не одинок в этом.

Позже той же ночью, после того как мы вернулись ко мне домой, и я убедился, что Джейд в постели — чертовски спит — я созвал церковь в своей гостиной. Мне нужно рассказать о том, что я узнал сегодня вечером, и, возможно, раскрывая новые факты, я соберу часть головоломки воедино.

— Почему бы тебе просто не привязать ее к кровати и трахнуть, чтобы она рассказала тебе, либо пытать ее? — это сторона Джипси.

Он молод. Я знаю это. Мне постоянно, блядь, приходится напоминать себе об этом факте, иначе я бы убил его, а потом у меня были бы проблемы со Лайоном.

— Потому что это не она.

Джипси запускает пальцы в свои волосы, уложенные в одну сторону, и пожимает плечами.

— Просто предложение.

Я качаю головой. Я горжусь тем, как сильно он растет и приспособливается к жизни, которой его окружают. Однако ему чертовски не повезло в ту секунду, когда он покинул Лайонс-болл-сакс.

Лайон наклоняется, упираясь локтями в колени.

— Она должна сказать тебе, кто он такой. Есть причина, по которой он приводит ее в ваш секс-клуб.

— Почему ты должен так говорить? — шучу я, подмигивая Лайону. Он никогда не видел деталей L'artisaniant, которые видит большинство. С Лайоном все черно — белое. Ты либо трахаешься, либо убиваешь.

Лайон тихо хихикает, проводя рукой по густой щетине на подбородке.

— Потому что это то, что, черт возьми, это такое.

Выбрасывая ногу, я наблюдаю, как Нечестивый хватает один из кухонных стульев и разворачивает его, чтобы сесть на него задом наперед.

— Кем бы он ни был, она защищает его не просто так. — Я все еще не уверен, как я отношусь к Нечестивцу и его игре с Джейд. Я знаю, что доверяю ему и его намерениям, но знание того, что он трахнул ее, не устраивает меня.

На самом деле, у меня чертовски чешутся пальцы, чтобы обхватить его за горло. И ее.

— Я в этом не сомневаюсь, — говорю я, щелкая зажигалкой по пальцам. — Она знает, что я, блядь, убью его.

— Что ты делал тогда, когда она училась в средней школе со всеми парнями? Черт, — бормочет Джипси. — Черт, Псих, ты с ума сходишь из-за нее.

Тишина.

— Это мило, что ты думаешь, что я позволял это.

— Бедная сучка, — шутит Джипси, ерзая на стуле.

Лайон встает с дивана.

— Вам присылали какие-нибудь новые видео?

Я стискиваю зубы, моя кровь гасит пламя, которое пылает в моей груди.

— Да. Их было два.

Лайон достает ключи из кармана.

— Следите за видео, пытайтесь контролировать свою женщину. Ты будешь в порядке завтра на пробеге или мне послать кого-нибудь другого?

Я выключаю Лайона.

— Пошел ты. Со мной все будет в порядке.

Лайон хихикает, направляясь к входной двери. Он бросает на меня последний взгляд, прежде чем переступить порог с Джипси, Нечестивым и Слимом позади него.

Лайон останавливается на пороге.

— Я никогда не спрашивал тебя о том, как она стала твоей сестрой.

— Хммм, — отвечаю я. — Потому что на самом деле я никому об этом не рассказываю. — Я наклоняюсь вперед, пока мои локти не упрутся в бедра. — Ее подбросили к нашему порогу.

Лайон наклоняет голову, скрещивая руки перед собой.

— Вы не проходили процесс усыновления?

— Нет. Ну, после того, как ее там оставили, мама и папа сделали то, что им нужно было сделать, чтобы найти ее семью, но о ней не было никаких записей. Из-за папы, он потянул за какие-то ниточки и сумел законно усыновить ее после того, как был решен вопрос об отказе от ребенка.

— Она знает об этом?

Я откидываюсь назад.

— Нет, она думает, что ее оставили в приюте, и мы прошли через этот процесс таким образом.

— Что-то в этом не так, — говорит Лайон, нахмурившись. — Отсидись на пробеге. Постарайся докопаться до сути того, что с ней происходит.

— Лайон, — рычу я. Он чертовски хорошо знает, как много этот клуб значит для меня и как я никогда не позволял никому приближаться к моему клубу или братьям.

За исключением того, что ты почти хотел убить Нечестивца из-за Джейда.

Он качает головой, вскидывая руки. Я знаю, что до этого упрямого старого ублюдка не достучаться.

— Псих, позаботься о девушке. Она твоя семья, а это значит, что она наша семья. В клубе сейчас туго с дерьмом. В прошлом году у нас не было войны на руках. Делай все, что тебе нужно.

Щелкая зубочисткой во рту, я улыбаюсь ему.

— Я все еще хочу этот пробег.

— Черт возьми. Почему? — раздраженно говорит Лайон.

Я вынимаю зубочистку изо рта и бросаю ее на кофейный столик.

— Потому что у меня внутри много гнева, и он должен выйти так или иначе.

— Ты хочешь начать войну? — спрашивает Лайон, приподняв одну бровь.

— Нет, не в этот раз. — Я подмигиваю ему, когда он отшвыривает меня, захлопывая за собой дверь, а потом остаюсь только я.

И она.

В доме, где нам не обязательно быть братом и сестрой.

Рыча, я закрываю глаза и пытаюсь выкинуть из головы воспоминания о том, как она чувствовала себя, обнимая мой член той ночью. Я должен был это понять. Почему, черт возьми, я не знал, что это она?

Jade

Три часа ночи.

Красные цифры, которые вспыхивают на прикроватном столике, смотрят на меня.

Свесив ноги с кровати, я провожу пальцами по волосам, убирая их с лица. Я замираю, когда вспоминаю, где я нахожусь.

Ройс.

Черные шелковые простыни, чернильные покрывала и белые подушки. На стене висит единственное произведение искусства, пустой холст. Белый. На нем ничего не было нарисовано. На противоположной стороне висит большой телевизор, занимающий большую часть стены, а под ним-комод.

Вдыхая и выдыхая, я пытаюсь взять себя в руки. Потянувшись за телефоном на прикроватном столике, я пролистываю главный экран.

Ничего.

Ни пропущенных звонков, ни текстовых сообщений от Джеймса. Тот факт, что он не обратился ко мне, вызывает во мне страх. Оттолкнувшись от кровати, я пробираюсь к двери, распахиваю ее и прохожу по длинному коридору. В конце горит свет, поэтому я иду к нему, холодный пол давит на подошвы моих ног. Мое сердце колотится в груди, желудок скручивается от беспокойства. Я не знаю, каким будет Ройс, когда я его увижу.

Я делаю два шага, которые ведут вниз, в гостиную и кухню, останавливаюсь, когда нахожу его лежащим на диване, закинув руку на лицо и откинув голову на спинку. Он без рубашки, только джинсы расстегнуты и низко висят на бедрах, демонстрируя трусы от Кельвина Кляйна. Это первый раз, когда я чувствую, что могу видеть все его татуировки. В основном это черепа и какие-то демонические лица, но на его груди вытатуированы цифры 2000. Мое сердце замирает, когда я вижу цифры — мои цифры — год моего рождения, нарисованные на его коже тем же шрифтом граффити, которым он размазывал по скале Орсона, когда мы были детьми.

Я пробираюсь дальше в комнату, беру бутылку виски, которая стоит на кофейном столике, и подношу ободок к губам. Я делаю глоток, проводя ладонью по его рубашке, которая на мне. На ней есть слова Wolf Pack MC, с их эмблемой волка под ней.

Поставив бутылку обратно на стол, я провожу большим пальцем по нижней губе, смахивая лишнюю жидкость и снова осматриваю его. Его тугий пресс, татуировки на коже, его руки, покрытые мускулами и связанные силой. Он — это все плохое. Все, что не так в мире, приходит в ящике Ройса Кейна, но он никогда не открывает этот ящик рядом со мной.

Когда-либо.

Его колени раздвинуты, грудь поднимается и опускается в мягком ритме. Его губы слегка приоткрыты, но он выглядит умиротворенным. Из того, что я вижу. Я знаю, что он злится на меня из-за Нечестивого, и я знаю, что, если бы он когда-нибудь узнал о Джеймсе, он, вероятно, отбросил бы меня в сторону, как использованную игрушку, но сейчас он мне нужен. Я хочу его всеми возможными способами, от которых он морил меня голодом все эти

годы.

Положив свои ноги по бокам его, я медленно опускаюсь на него сверху, и он мгновенно замирает подо мной.

— Джейд.

Я прижимаю палец к его губам.

Он мне нужен.

Опустившись к нему, я провожу языком по краю его губ.

Он убирает руку от своего лица, и мое сердце падает из груди. Он так чертовски красив. Его волосы растрепаны на макушке, его глаза пристально смотрят на меня.

— Герцогиня, мы должны быть братом и сестрой...

Я провожу языком по вырезанной линии его острой челюсти и татуировкам, которые ее украшают.

— Ммм, но братья и сестры не знают, каковы на вкус друг у друга.

Его тело все еще лежит подо мной, и как только я думаю, что он собирается сбросить меня с себя, его рука обхватывает мою поясницу, удерживая меня в заложниках. Другой рукой он обнимает меня за шею, грубо сжимая. Он притягивает мое лицо к своему и ухмыляется над моими губами.

— После этого пути назад не будет.

Я сглатываю.

— Я знаю. — Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, когда он отстраняется и поднимает меня, как будто я ничего не вешу, кладя меня на кофейный столик.

Он широко раздвигает мои колени, проводя руками по внутренней стороне моих бедер.

— Рубашка тебе идет.

Я вздыхаю.

— Заткнись и сними ее.

— Нет, я пока оставляю это. — Его голова исчезает между моих бедер, и мои пальцы находят его волосы. Я приподнимаюсь на локтях, наблюдая, как его лопатки изгибаются при каждом движении. Его руки обхватывают каждое бедро, и он все глубже втягивает меня в свой рот. Моя голова откидывается назад, когда его язык скользит по моему клитору.

Я прижимаюсь к его рту, в то время как его язык остается на том же месте, небрежно облизывая меня повсюду, впитывая мое освобождение. Он просовывает внутрь палец, потом еще один. Я так близка к освобождению. Я не могу дышать достаточно быстро, чтобы наверстать упущенное. Как только я оказываюсь рядом, он разжимает пальцы и проводит языком по тому месту, где моя киска встречается с бедрами. Я вскрикиваю, когда его зубы впиваются в мою кожу, толкая его в плечи. Его рот снова на мне, а его руки скользят под мою задницу, поднимают меня с кофейного столика и поднимаются в полный рост. Я хватаюсь за его волосы, когда мои бедра сжимаются вокруг его шеи.

— Ройс, не бросай меня.

Он хихикает между моих бедер.

— Этого не произойдет. — Его рот открывается на моем клиторе, когда он двигает нас обратно по тому пути, по которому я спустилась, и обратно в комнату, в которой я проснулась. Бросив меня на кровать, он наклоняет голову, проводя по своему рту подушечкой большого пальца, в то время как другая рука сжимает его выпуклый член.

— Сними ее.

— Что, это? — невинно спрашиваю я, хлопая ресницами и хватаясь за его рубашку.

Его глаза сузились.

— Сейчас.

Я сбрасываю рубашку, пока на мне не остается ничего, кроме лифчика, и подползаю к краю кровати. Его глаза вспыхивают жаром, отчего мои щеки загораются.

Засунув палец за пояс его джинсов, я притягиваю его ближе к себе, когда его пальцы погружаются в мои волосы.

— Герцогиня, — говорит он так просто, что я почти не собиралась ему отвечать.

— Ммм? — Я смотрю на него из-под ресниц, стягивая его джинсы вниз мимо члена. Мне это нужно. У меня слюнки текут от того, как сильно мне нужно ощутить его вкус во рту. Мне это нужно. Он, это, все, что он мне даст. Это ядовито, но я бы утонула в его яде. Он тянет мою голову за волосы назад и наклоняет голову.

— Встань.

Я, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги, мои губы сжимаются между зубами, чтобы остановить ухмылку. *Поймала его.*

— Ты думаешь, что тебя уже трахали раньше, и в этом проблема.

— В чем же проблема? — осторожно спрашиваю я, зная, что балансирую на его терпении.

Он хватает меня сзади за шею и прижимает мое лицо к своему.

— Мы собираемся убить друг друга. Ты ведь знаешь это, верно?

— Это прекрасно. — Я провожу кончиком пальца по твердому изгибу его челюсти. — Трахни меня так, словно хочешь убить.

Его рот кривится в зловещей ухмылке.

— О, но я знаю.

— Ты уже трахал меня раньше, Рой. Ты же знаешь, как мне это нравится.

Он прикусывает нижнюю губу.

— Туше.

Другая его рука ложится мне на горло.

— Еще одно. У меня есть склонность к фиолетовому цвету.

Мои брови хмурятся, и прежде, чем я успеваю соединить точки в своей голове, его хватка вокруг моего горла сжимается, лишая меня возможности дышать. *Ясно.* Чисто. Он отпускает меня, и я засовываю пальцы под пояс его трусов, опускаясь на землю и стягивая их с него, пока не оказываюсь лицом к лицу с его членом. Тугая кожа натягивается вокруг кончика, где на головке сидит прозрачный шарик. Облизнув губы, я приоткрываю их над его кончиком и провожу языком под ним, погружая его глубже в свой рот.

— Черт, — стонет он, и его рука на моих волосах сжимается, его бедра двигаются вперед. — Выгни спину. — Я следую его инструкциям, и когда он снова стонет, я беру его глубже. Выскользнув, я провожу языком по его пирсингу и втягиваю его обратно в рот, покачивая головой. Его бедра наклоняются вперед, мой скальп болит от его тяги.

Держа меня сзади за шею, он вырывается и сжимает мои щеки, наклоняясь, чтобы провести кончиком своего носа по моему.

— В ту секунду, когда я сознательно вставляю свой член в тебя, вот и все. Игра окончена.

Я киваю, слизывая его преякулят с моих губ.

— Поняла.

Наклонившись, он прикусывает мою нижнюю губу своим ртом, прежде чем встать и перевернуть меня на живот. Я с глухим стуком приземляюсь на кровать, прежде чем он

ложится на меня сверху.

— Ты принимаешь таблетки, я полагаю...

Я киваю, перекидывая волосы через плечо.

— Ага.

Он смотрит на моё тело, засунув кулак в рот.

— Иисус, блядь, Христос. — Его глаза устремляются к моим. — Со сколькими мужчинами ты переспала?

— Ройс... — Я ною, закатывая глаза. — Не делай этого прямо сейчас.

— Отвечай, — настаивает он, и когда он нависает надо мной сзади, его голова наклоняется, когда его рука скользит вниз по моей спине. — Может быть, не сейчас, но ты будешь это делать.

Я почти уверена, что не буду этого делать.

Его зубы впиваются в мой затылок.

— Мне просто придётся трахнуть тебя достаточно сильно, чтобы выгравировать твёрдые края моего члена глубоко внутри твоей пизды.

Другая его рука ложится мне на бедро, и он приподнимает меня, пока я не оказываюсь на четвереньках, его рука на моих волосах, а другая обхватывает мою киску сзади. Его палец скользит внутрь и наружу, катается и распределяет мою влагу по входу. Того, что я так беззащитна перед Ройсом, достаточно, чтобы я промокла на несколько дней вперёд, но он все равно продолжает мучить меня. Наконец, когда я чувствую, как кончик его члена касается моего входа. Он толще, чем я его помню. Тяжёлый и злой. Он толкается во мне, и я сжимаю простыни пальцами, крича сквозь пересохшие голосовые связки, в то время как он продолжает заполнять меня до предела.

Он отпускает мои волосы и хватает меня сзади за шею, ускоряя темп. С каждым толчком я снова врезаюсь в него. Безжалостно вот как он трахает меня. Его рука сжимается у меня на затылке, когда моя киска поёт, как чёртова сирена, требуя своего освобождения. Он замедляет скорость, но усиливает толчки. Толкая меня вперёд, он вонзается в меня, когда огонь пробегает по моим венам, и мои мышцы освобождаются от напряжения, за которое они держались. Влажная сперма стекает по внутренней стороне моих бёдер.

Потными руками он вырывается из меня и толкает обратно на спину, мои длинные тёмные волосы разметались по его простыням.

— Всегда знал, что однажды ты будешь подо мной... — Он ухмыляется, а я даже не могу улыбнуться, настолько я устала.

Он ползет надо мной, широко раздвигая мои колени своими, в то время как его член снова у входа. Я смотрю в его глаза, которые прямо надо мной, и мне приходится бороться с эмоциями, которые с ревом вырываются на поверхность. Как только он узнает правду, он возненавидит меня.

Его рука опускается к моему горлу, а губы прикасаются к моим. Как только он скользит обратно в меня, он целует меня. Не сильно, не быстро и не торопливо. Его губы двигаются совершенно синхронно, как будто поцелуи-это его искусство, а я-ученица. Наши губы не разрываются, и когда он вырывается и снова входит в меня, я стону ему в рот, когда его пальцы сжимаются вокруг моего горла. И так оно и происходит: поцелуи, шлепки потных тел, заполняющих комнату, хриплые стоны, пощёчины по моему лицу, запах секса, испорченный сигаретным дымом. Я никогда не чувствовала себя так хорошо и в то же время чувствовала себя такой виноватой. Как будто я знаю, что прямо здесь, с ним внутри меня, я

чувствую себя как дома, но чувство вины, которое проникает в мои кости, напоминает мне, что я не была честна с ним. Он всегда защищал меня, и я знаю, что в ту секунду, когда он узнает, что потерпел неудачу самым худшим из возможных способов, он будет нести ответственность. Так что сейчас, пока он у меня, я собираюсь утонуть в его яде и молиться о быстрой смерти.

Его бедра врезаются в меня, когда он продолжает скакать по моему телу снова и снова. Время от времени его хватка на моем горле сжималась все сильнее, пока я не почувствовала, что моя голова имеет форму воздушного шара, но затем он отпустил ее и кусал, грыз мою шею, как вампир, разрывая плоть на моей шее, пока кровь не стекала по изгибам моего горла.

— Ройс, — без устали стону я, мои бедра сжимаются вокруг его талии. Наши тела скользкие от влаги, моё сердце почти остановилось.

Его рот снова на моем, и я теряю контроль, мои внутренности превращаются в жидкий огонь, разжигая мой оргазм, пока я не стекаю по его члену и верхней части бедра в толчках освобождения.

Он заглушает свои стоны, прикусывая мою нижнюю губу, когда пульсирует внутри меня, его грудь опускается к моей.

Успокоенная, я обнимаю его, когда он соскальзывает, прижимая меня к своей груди.

Он целует меня в голову.

— Ты собираешься сказать мне, кто этот мужчина, герцогиня, и я собираюсь убедиться, что он точно знает, с кем только что трахалась.

Роусе

Я облажался прошлой ночью, проговорился. Моя сдержанность, когда дело доходит до Джейд, воображаема, и то, что она положила свою сексуальную маленькую попку мне на колени, было похоже на то, чтобы повесить приманку перед голодным волком. Я, очевидно, собираюсь, блядь, сорваться. Я был слаб, но в этом не было ничего плохого. Это должно быть неправильно, но когда я так долго фантазировал о том, чтобы она была подо мной, то, что это наконец произошло, только усиливает те же чувства.

Чувства, которые я, черт возьми, не могу позволить себе иметь в своей жизни.

— Я облажался, — говорю я Нечестивцу, как только он заезжает за мной в здание клуба.

— Ты снова ее трахнул. — Это был не вопрос, это было подтверждение.

— Да, и что ещё хуже? — добавляю я, ухмыляясь ему и засовывая ключи в карман. — В том, что я не позволю ей уйти сейчас.

Нечестивец усмехается, качая головой.

— Ты тупой ублюдок. Годами суетился со своей киской, никогда не трахал одну и ту же сучку дважды — за исключением Би, — а теперь вдруг ты готов к жёнушке.

Я отключаю его.

— Я этого не говорил, я просто имею в виду, что она морочит мне голову. Я всегда знал, какой потенциал она может иметь со мной, и отчасти поэтому я поклялся себе, когда был ребёнком, что никогда не прикоснусь к ней. Чертовски соблазнительно тоже, черт возьми, было несколько близких отношений, когда мы были детьми, когда я почти, блядь, бросил все это и был готов преследовать ее вот так, но... — Я замолкаю, когда мы достигаем края лестницы, поворачивая голову через плечо. — ...но она моя гребаная сестра.

Нечестивец пожимает плечами, взбегая по ступенькам.

— Ну, могло быть и хуже. Она может быть твоей кровной родственницей.

Мы входим и находим Лайона, Джипси и нескольких других братьев уже там, за кухонным столом. Лайон прищуривается и смотрит на меня.

— Отсюда я чувствую запах киски.

— Да? Прошло так много времени с тех пор, как Бонни позволила тебе скользнуть между ее губами?

— Ублюдок.

Я посылаю ему воздушный поцелуй, занимая свое место справа от него.

— Почему все так чертовски серьезны?

Лайон ёрзает на стуле.

— Что-то случилось за ночь, и я ждал, когда ты приедешь, прежде чем я рассказать всем.

Вытащив сигарету, я беру ее в рот, одновременно доставая зажигалку.

— Я слушаю.

Лайон ломает шею.

— Поставщик, с которым имел дело ваш старик, оказался мёртвым у входной двери картеля.

Я выпускаю облако дыма.

— Звучит как проблема мафии, а не проблема МС.

— Это ваша проблема, что делает ее проблемой для нас. — Я делаю паузу, оглядывая стол и наблюдая, как все взгляды устремляются на меня.

— Как так? — Я жду, когда мяч упадёт.

Лайон наклоняется вперёд, в его глазах появляется чёртов блеск, который появляется только тогда, когда он знает, что нас ждет убийство.

— Потому что его *разорвали*.

Я делаю паузу, медленно выдыхая облако дыма изо рта.

— Ну, это был не я.

Лайон стискивает челюсти.

— Псих, это был ты.

— Не-а. — я качаю головой, стряхивая пепел с кончика сигареты. — Это был не я. Я никого не убил с тех пор, как... — Я замолкаю, обдумывая свое последнее убийство. — С трёхнедельной давности.

Лайон откидывается на спинку стула, с любопытством изучая меня.

Джипси проводит руками по волосам.

— Тогда, черт возьми, у тебя есть копия.

— Это проблема, потому что картель думает, что вы убили их человека, и теперь у нас на руках возможная война.

Это первый раз, когда у меня есть копия, и это не потому, что я думаю, что кто-то не может скопировать меня, а потому, что искусство в том, как я оставляю свой след, — это не то, что люди обычно хотят делать. Когда-либо.

— Назначь им встречу.

— Ройс. — Лайон бросает мое настоящее имя. — Это гребаный колумбийский картель. Ты когда-нибудь видел Лицо со *шрамом*? Они не валяют дурака.

Я откидываюсь на спинку стула, обдумывая варианты, которые у нас есть, когда его слова останавливают меня на полпути.

— Кого, черт возьми, они убили? Обычно третья сторона-это гребаный Сокол. — Сокол — это то, что некоторые картели — в основном испанские-называют своими глазами и ушами. Бездельники, которые только и делают, что нюхают задницы, а потом бегут обратно к своим Капо, чтобы сообщить им, что они учуяли.

Лайон хихикает, проводя иссохшей рукой по своей растрёпанной бороде.

— Это был Капо.

Я стискиваю зубы, зажмуриваю глаза, пытаюсь обдумать, что это может означать не только для меня, но и для моего клуба, и теперь, когда Джейд вернулась в мою жизнь, я не хочу рисковать дерьмом. Именно поэтому я никогда не хотел, чтобы она вернулась в мою жизнь. Она-ходячая мишень для любого, у кого ко мне претензии.

— Нам нужно немного вразумить Хорхе Карлоса. Кто-то переходит дорогу нам обоим, и я позабочусь, чтобы он, черт возьми, знал об этом. Приведи свою сестру.

— Черт возьми, нет! — говорю я, в моем голосе слышится раздражение. Ни за что на свете, черт возьми, я не втяну ее в эту историю. — Зачем мне это делать?

— В здание клуба, ты, придурок. Мы будем заблокированы до тех пор, пока не

разберёмся с картелем. Только прямые семьи, вы все знаете, как это делается.

Со словами *“Одичай, живи свободно”* все вываливаются из комнаты, оставляя Нечестивого, Лайона и меня наедине. Как только их буйные задницы оказываются вне пределов слышимости, я говорю:

— Она не назвала мне имени.

Лайон послушно поглаживает бороду, звук его кожаного желета шуршит при каждом движении. Он наклоняется вперед, положив руки перед собой на стол.

— Приведи ее сюда. Мы можем поработать над этим.

Я качаю головой.

— Ты держись от этого подальше. Я возьму это, я просто говорю, что что-то не сходится. Вытащив телефон из кармана, я щелкаю сообщения Слим и Флаффи, которые сейчас дежурят в качестве няней, и прошу их привести ее.

— Возможно, тебе не захочется это слышать, но я думаю, что это намного глубже, чем то, что у неё есть маленький парень, у которого фетиш на групповые трахи в элитном особняке.

— Ммм, — говорю я, проводя пальцем по верхней губе. — Может быть.

Jade

Быть с Ройсом всегда казалось правильным, но я не наивна, думая, что могу быть той, кто поймает его каким-либо иным способом, кроме как между моих ног, и кроме того, знание того, что я ничего не слышала от Джеймса, вселило достаточно страха, чтобы я отвлеклась. Он бы уже связался со мной. Он что — то планирует, и я знаю, что мне нужно рассказать Ройсу о нем и обо всем, что я знаю, прежде чем он узнает через кого-то другого, а именно Джеймса. Это могло бы ему как-то помочь, но мой страх заглушает мою логику. Кажется, я не могу избавиться от этого. Отказ, отрицание. Что, если он мне не поверит, и я буду выглядеть как ненормальная? Что, если Джеймс все подстроит и отправит меня в сумасшедший дом? Честно говоря, я бы не стала упускать это из виду.

Мы подъезжаем к зданию клуба, и на этот раз все выглядит по-другому. Вокруг бегают пара детей, и женщины одеты так, как они не были в ту ночь, когда я пришла сюда, — оба раза. Я сжимаю сумку, которую собрала в общежитии, набитую всем, что мне нужно, чтобы продержаться неделю, как, по-видимому, Ройс проинструктировал через Слим и Флаффи.

— Джейд, следуй за нами, — требует Флаффи, открывая дверцу машины. Флаффи — большой мальчик, но гладкая кожа, которую он носит на лице, говорит мне, что ему не может быть больше двадцати с небольшим.

— Флаф, она здесь, нам не нужно приказывать ей, куда идти. Миссия выполнена, она в безопасности и вернулась на родину.

Флаффи бьет его по руке.

— Она не такая, как все остальные.

Слим пристально смотрит на него с пассажирского сиденья. Слим — полная противоположность Флаффи. Он тощий, коротышка, и вокруг его глаз постоянно обведены фиолетовые круги. Они кажутся хорошими друзьями, хотя и напоминают мне Рена и Стимпи.

— Очевидно.

Я закатываю глаза, перекидываю сумку через плечо и пинком закрываю дверь, оставляя их спорить в машине. Идиоты.

Доставая свой телефон, направляясь к дому, я нажала "Набери номер Слоун". Мне жаль, что я не писала ей с тех пор, как все началось с Ройсом. Она не отвечает, что, вероятно, означает только то, что она в середине лекции. Нет никакой шутки в том, что мне придется либо полностью погрузиться в учёбу, либо просидеть в колледже до конца года, прежде чем я слишком сильно отстану.

Мои пальцы летают по клавишам, когда я печатаю сообщение.

Я: Извини, что не написала. Я не против Ройса. Позвони, когда освободишься. X

Засовывая телефон обратно в карман, я слышу Сильвер прежде, чем вижу ее. Она выскакивает из парадной двери, ее волосы растрепаны дикими локонами. Ее голубые глаза впиваются в мои.

— Ты здесь, хорошо! Блокировки-это самое лучшее!

— Действительно? — говорю я, не совсем веря ей. Я не могу представить себе ничего хуже, чем торчать целыми днями в доме, полном байкеров.

Сильвер кивает головой.

— Ага! Пойдем, мы можем отнести твою сумку в комнату Психа. Ты познакомишься с Карой и Буджи!

Мы проходим через главную комнату, и когда проходим мимо кухни, я чувствую на себе сотни взглядов. Обернувшись, я мгновенно нахожу Ройса.

Он продолжает пристально смотреть на Лайона, его челюсть напряжена. Паника и паранойя поселяются во мне, не двигаясь. *Мне нужно сказать ему.* Не сейчас. Сильвер берет меня за руку и тащит к лестнице.

— К твоему сведению, девушка, с которой этот Псих трахается, здесь, — объявляет она, когда я следую за ней через дверь спальни Ройса. — Она не совсем клубная девушка, потому что формально она семья одного из братьев, но я подумала, что тебе следует знать.

— Би? — Я закатываю глаза при упоминании Би. Я просто не понимала, что она, по сути, была семьей.

— Ага! — говорит Сильвер, поворачиваясь ко мне лицом. — Она младшая сестра Карли, которая является старой леди Джастиса.

— Старая леди? — спрашиваю я в замешательстве, ставя сумку на пол. Я не знакома с терминологией в МС и никогда не смотрела эпизоды "*Сынов анархии*" или "*Майя*". Мой просмотр телевизора доходит примерно до трагических кулинарных шоу.

Сильвер заправляет свои непослушные волосы за ухо, направляя меня в спальню.

— Подумай о жене, а затем умножь это на сто. Может быть несколько жен, но всегда будет только одна старая леди. — Это имеет смысл в том смысле, в котором это не имеет смысла. — Кстати говоря, Би была непреклонна в том, что она собиралась стать тем человеком для Психа. Не знаю, почему или как она могла так подумать, учитывая, что в прошлом она была для него всего лишь киской. — Сильвер садится на большую двуспальную кровать, мягко подпрыгивая на ней, как будто проверяя пружины. — Единственный раз, когда Псих терпимо относится к ней, — это когда он пьет, и даже тогда это плохо. И кроме этого, — говорит Сильвер, откидываясь на локоть. — Она не единственная, с кем он трахается. — Ее рот широко растягивается. — Упс. Извини, я могу заткнуться. Ты, наверное, не хочешь этого слышать.

Я отмахиваюсь от нее, вытаскивая свою кожаную куртку из сумки. Этим утром я очень торопилась, поэтому надела черные узкие джинсы и белый кроп Dolce & Gabbana.

— Нет, для меня в этом нет ничего нового. У Ройса всегда был аппетит к кискам.

Губы Сильвер дергаются, как раз когда я просовываю руки в тугие рукава своей кожанки. Она расхохоталась, скинула туфли и поджала ноги под задницу, чтобы сесть на ноги.

— Я даже не могу представить себе Психа без всех этих татуировок и дурной репутации.

— О, — бормочу я, выдвигая стул, который спрятан под старым столом. — Тогда у него была репутация, но это было, я не знаю. — Я оглядываю комнату, рассматривая пустые рамки для фотографий и старые бутылки из-под виски. Тут есть большая кровать, письменный стол, комод и небольшой бумбокс. Если Ройс и живет здесь, то нечасто. — Он просто был другим.

— Хммм, — поддразнивает она. — Ну, я рада, что это не неловко. — Она поправляет

прозрачные очки, которые сидят у нее на переносице, прежде чем снова сунуть ноги в туфли. — Да ладно тебе. Мы пойдем помогать всем на кухне. Я почти слышу, как мама кричит на меня.

К тому времени, как мы добрались туда, кухонная зона дома была заполнена женщинами. Парочку я встречала, некоторых нет. Сильвер не стала тратить время на то, чтобы знакомить меня со всеми, даже втирать это в Би, с которой я была. Би по большей части сидела, уставившись на меня, засунув руки в рукава куртки и скрестив ноги в лодыжках.

Сейчас на заднем плане играет Metallica, а Карли, "старая леди" Джастиса, покачивает бедрами из стороны в сторону, помешивая смесь салатных листьев в большой коричневой миске. Там я, Сильвер, Бонни, Карли, Би, старушка Кара — Ру и бывшая мисс Австралия — Лайлак, Джастис и четырехлетняя маленькая девочка Карли, и Буджи, которая сидит на коленях Сильвер. Играет музыка, и пара девушек смеются друг над другом, попивая пиво. Они больше похожи на семью, чем любая банда, о которой я когда-либо слышала. То, чему я была свидетелем с Джеймсом, намного, намного хуже, чем это. Моё сердце колотится в груди, наполняя пустоту внутри меня теплом. Я не могу отрицать, что напряжение в моих мышцах спало от общения с этими людьми. Знакомые. Стены, поддерживающие этот старый дом, кажутся мне больше домом, чем особняк стоимостью в несколько миллионов долларов, в котором я выросла. Эти женщины кажутся мне больше семьёй, чем моя собственная мать.

Все, чего мне не хватает, — это Слоун.

С трепетом внутри я вытаскиваю телефон из кармана, делая глоток пива.

0 Новых Сообщений.

Какого хрена.

— Верно, Джейд? — спрашивает Сильвер, ее голубые глаза сияют и расширяются, ожидая, что я отвечу на то, о чем она только что спросила.

— Что? — Я положила телефон на стол, сделав еще один глоток пива. Я позвоню ей после ужина. Тогда она определенно должна ответить.

Кто-то фыркает с другой стороны стола, и моя голова поворачивается к Би, которая пристально смотрит на меня.

— Как будто она должна была знать.

Сильвер игнорирует ее, и у меня начинает складываться отчетливое ощущение, что Сильвер не слишком любит Би. Не знаю почему. Но там что-то есть.

— Ты знаешь, фильм, о котором все сейчас говорят, с горячим парнем в нем. Он вроде как испанец или что — то в этом роде, и о... — Она замолкает, закатывая глаза.

— Я знаю, о каком фильме ты говоришь. — Я ухмыляюсь Сильвер. — Где он берет ее в свою хижину в лесу?

— Какой он, блядь, горячий! — Сильвер ахает, жонглируя Буджи на коленях.

— Да... — Рука подходит к моему горлу сзади, и я на мгновение в шоке от силы, бьющейся в конвульсиях у меня за спиной. Моя голова откидывается назад, пока я не смотрю на Ройса сзади, его брови приподняты.

— Он что, герцогиня? Продолжай то, что ты собиралась сказать, и посмотри, что произойдет.

Я все ещё парализована его вопиющим собственничеством, прежде чем, наконец, прихожу в себя. Он отпускает мою шею и делает несколько шагов, чтобы нырнуть в

холодильник, который стоит передо мной, все ещё хмурясь через плечо. Я не разговаривала с ним весь день, с тех пор как мы трахнулись прошлой ночью, и первое, что он делает, это грубо обращается со мной перед всеми своими друзьями — или семьёй — или кем бы они для него ни были.

Он пинком закрывает дверь, и как раз когда собирается пройти мимо меня, он наклоняется к моему уху, чтобы только я могла слышать его следующие слова. Его губы касаются мочки моего уха, и мои внутренности, черт возьми, чуть не загораются.

— Скажи, что любой другой мужчина горяч, и я засуну свой член так глубоко в твоё милое маленькое горло, что ты будешь есть через соломинку в течение следующего месяца. — Он хватается мою мочку моего уха зубами, наклоняясь ещё ближе ко мне. — Ройс, которого ты знала, не тот Ройс, которого ты скоро узнаешь. Я трахну тебя в дюйме от твоей жизни, просто чтобы доказать свою правоту, герцогиня. — Затем он уходит, мои щеки пылают, мои бедра сжаты вместе, и лужа влаги прямо у меня между ног.

Почему я такая, какая есть?

Я ему верю. Клянусь Богом, я ему верю. Что, скорее всего, и сделает это несколько забавным.

— Господи, — ворчит Сильвер, наблюдая, как Ройс возвращается на улицу, где находится большинство мужчин. — Он ещё хуже, чем я думала, он будет.

Би встаёт со стула и в порыве гнева выбегает за дверь. Я буквально чувствовала, как ее гнев проникает во время ее ухода.

— Она либо будет дуться, либо будет приставать к нему.

Я отключаюсь от них, пытаюсь контролировать свое желание выйти и убедиться, что она не собирается к Ройсу. Он прав. Я его больше не знаю, и именно это вызывает у меня тошноту. Если бы мы с ним начали что-то ещё в молодости, я смогла бы архитектурно выстроить любую связь, которая у нас есть, но я больше не понимаю основы. Это заставляет меня напрягаться и чувствовать себя неловко, и вдобавок ко всему, я держусь за тайну, которая может покончить и с ним, и со мной, и с любым шансом, который у нас есть. Это причиняет мне боль больше, чем когда-либо мог причинить кинжал в сердце.

— Сильвер, — говорю я, как раз когда Кара и Бонни начинают выносить подносы с едой наружу. Еще довольно рано, солнце только-только садится. — У тебя есть что-нибудь покрепче?

— Например, водку или текилу?

Я съёживаюсь.

— Сколько тебе лет?

Сильвер поднимает голову.

— Семнадцать.

Карли возвращается через парадную дверь. У неё короткие каштановые волосы и карие глаза. В ней есть мягкость, которую я никогда бы не ожидала найти в байкерском клубе.

Карли замолкает, уперев руки в широкие бедра. У неё фигура, за которую большинство отдало бы жизнь. Идеальное сочетание изгибов.

— Я знаю, что тебе нужно, и это не все.

Она берет меня за руку, поднимая со стула. Я быстро хватаю свой телефон, бросая быстрый взгляд на Сильвер, прежде чем Карли выводит меня через заднюю дверь, где я была во вторую ночь, когда пришла в клуб.

Дверь за нами закрывается, и внезапно мы с ней остаёмся вдвоём, и громкое эхо

мужчин, и музыка, играющая на другой стороне дома.

Карли поворачивается ко мне лицом, ее пальцы ныряют в задний карман.

— Би не так уж плоха, когда ты узнаешь ее получше.

Я дрожу, пробегая руками вверх и вниз по рукам, когда она открывает маленькую серебряную коробочку, вынимая то, что, как я предполагаю, является косяком. Я не знаю, как она узнала, что это то, что мне нужно, но она это сделала. Это определено то, что мне нужно, чтобы просто расслабиться. Карли помещает кончик между своими тонкими губами, прикуривая кончик.

— Я не беспокоюсь о Би, — наконец говорю я.

Она продолжает разогревать косяк, посасывая короткие затяжки, прежде чем передать его мне. Выпустив густое облако серого дыма и наполнив воздух сладким землистым ароматом марихуаны, она хихикает.

— О, и тебе не нужно быть такой, поверь мне. Когда я впервые встретила Джастиса, у него была клубная девушка, согревающая его член. Она отказалась отпустить его, вцепилась зубами ему в яйца. — Я задыхаюсь от дыма, смех вырывается из глубины моего живота. Быстро возвращая ей косяк, стуча себя в грудь — и надеясь, что я, блядь, не умру от этой смертоносной травы, — я говорю:

— Спасибо за наглядное представление. В этом действительно не было необходимости.

Она игнорирует меня, опускаясь на одну из ступенек. Я следую за ней, садясь на ту, что чуть выше. Я уже чувствую, как действие ТГК неторопливо проникает в мою кровь, согревая меня изнутри и выбрасывая все мои проблемы прямо в мусорное ведро.

— В любом случае, эта девушка, она была тем, о чем я должна была беспокоиться. У меня было много драмы с этой сукой.

— Что с ней случилось? — спрашиваю я, когда она передаёт мне косяк.

Пауза.

— Я убила ее.

Я слегка хихикаю, принимая ещё один удар. В моей жизни было много тьмы, но не смерти. Трудно представить, чтобы кто-то вроде Карли был связан с таким злом, как убийство.

— Ну, не волнуйся. Я не собираюсь убивать твою сестру.

Карли смеётся так сильно, что у неё трясутся плечи.

— Послушай, я бы не стала винить тебя, если бы ты это сделала. Она, кажется, капает своей жадой на всех больных, не то, чтобы она была единственной. Между ней и Тейлор, ещё одной девушкой из клуба, произошла ссора из-за него. Би выиграла. Она думала, что была в курсе всего этого, пока не появился ты.

Косяк закончен, и когда мы обе встаём, Карли кладёт мою руку в свою.

— Это только вопрос времени, когда ты будешь со всеми нами, с гордостью нося нашивку Психа на спине, так что это мгновенно сделает тебя выше по рангу, чем Би. Псих вице-президент, гордость и гребаная радость Лайона. — Она закатывает глаза, но это не из ненависти, скорее в шутку. — Все, о чем я прошу, это чтобы ты постаралась относиться к ней легкомысленно.

— Карли, я не... — Я качаю головой. — Как я могу это объяснить? Ну, ладно. — Она ждёт моего ответа, и я слегка паникую при мысли о том, чтобы рассказать этой женщине, которая, по сути, совершенно незнакома, как я всегда относилась к Ройсу и что это делало со мной на протяжении многих лет. Особенно когда мы были детьми. — Меня нелегко

напугать, когда дело доходит до Ройса. Мой болевой порог высок, когда дело касается его. У меня появились чувства к нему, как только я узнала, что это за чувства, но я все ещё крутилась вокруг него и его новых подружек в школе, как будто вид другой девушки под его рукой, в его постели, на его коленях не разрушал меня по крупицам. Так что, поверь мне, я не беспокоюсь о Би, и я не ревнивый человек, когда дело доходит до этого.

Губы Карли скривились между ее зубами, когда мы обе встали.

— Ганджа делает тебя по-настоящему эмоциональным, да?

Я фыркаю.

— Нет. — Оборачиваясь, я собираюсь сказать ей, что мне просто нужно было вытащить это, когда взгляд Ройса пригвождает меня к месту. Моё сердце замирает.

— Мммм, — шепчет она, шлёпая меня по заднице. — Хорошая вещь, да? — Я сглатываю, преодолевая нервы, которые сдавливают мне горло. *Черт возьми, Карли.*

Как только она скрывается из виду, и мы остаёмся вдвоём, он вытаращивает на меня глаза.

— Ты что?

— Что, что? — невинно выпаливаю я, осторожно делая шаг вниз и направляясь туда, где сидела Карли. Мне нужен план побега. Возможно, я больше не знаю, кто такой этот Ройс, но то, как он охотится, то же самое. Я вижу это по тому, как его глаза сердито чернеют, словно высеченные из камня.

Он встречает мой шаг.

— Ты, блядь, испытывала ко мне такие чувства и даже не подумала ничего сказать?

— Что ты имеешь в виду, Рой! Ты же знаешь, что я это сделала! — Я почти уверена, что он знал. — Или зачем бы ещё ты противостоял мне при каждом удобном случае, черт возьми, который у тебя был! — Ещё одна ступенька вниз.

Ещё один нападающий шаг.

— Герцогиня, я дам тебе фору, чтобы ты побежала, в попытке заставить меня успокоиться, и после этого твоя задница будет моей.

Я быстро разворачиваюсь, мои ноги толкают меня вперёд, когда во мне пульсирует прилив адреналина. Руки обвиваются вокруг моей талии, отрывая меня от земли, когда я громко кричу, прикрывая рот рукой.

— Рой! Отпусти меня!

Он не отпустит. Не раньше, чем он сделает ещё несколько шагов. Когда он наконец это делает, я нахожусь на виду у всех, кто находится за пределами здания клуба, у входа, рядом с ямой для костра. Там темно, и ничего, кроме большого тела Ройса, заключающего меня в клетку. Рябь его мышц напрягается в его руках, когда он заключает меня в клетку.

Он наклоняет голову, его голос достаточно тих, чтобы поднять мёртвого.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что, — говорю я и не знаю, какую ложь мне следует произнести. Он не прикасается ко мне, но его присутствия достаточно, чтобы ласкать каждый дюйм моей неукротимой души. Только его глаза пожирают пространство между нашими телами, как голодный волк, опоздавший на свой пир.

— «Потому что», недостаточно.

— Разве это имеет значение? — Я вздыхаю, пристально глядя на него, прислонившись к металлической стене. Я пришла к выводу, что мы находимся внутри небольшого сарая. Пахнет моторным маслом и свежескошенной травой. Там нет двери, так что, если бы

кто-то действительно захотел, он, вероятно, мог бы увидеть нас между газонокосилкой и садовыми инструментами.

— Что ты имеешь в виду? — он спрашивает, и как только он начинает водить кончиком пальца по моей шее, я делаю глубокий вдох, чтобы сдержать эйфорию, которая обрушивается на меня, готовая раздавить меня на крошечные кусочки.

— Я имею в виду, ты бы все равно ушёл...

Он огрызается, прижимая меня к стене своими бёдрами, его рука возвращается к моему горлу.

— Я же говорил тебе заткнуться на хрен из-за этого, герцогиня.

— Ну, может быть! — Я протестую, чувствуя, как сжимается горло. — Я, блядь, не хочу этого делать! — Его губы в мгновение ока касаются моих, и раскалённая магма прокатывается по моей крови, мои ноги дрожат под моим весом. Он поднимает меня за тыльную сторону моих бёдер и обхватывает их вокруг своей талии, не прерывая поцелуя. С грохотом снова прижимая меня к стене, его рот поглощает каждый кусочек плоти, который он может найти. Мои руки в его волосах, вокруг его толстой шеи сзади и спускаются к вырезу спереди. Я скольжу пальцами по заплатам спереди, когда он расстёгивает мою кожаную куртку и ныряет под мой топ, его голова опускается ниже, пока его рот не прильнёт к моей груди. Он дёргает чувствительную бусинку зубами, и яростная боль пронзает их.

Он замолкает, выпрямляясь во весь рост.

— Кто, черт возьми, позволил тебе иметь фальшивые сиськи?

Вот дерьмо.

— Ах, это сделала мама.

— Что? — огрызается он. — Какого хрена она это сделала?

Я пожимаю плечами.

— Я жаловалась, что мои были слишком маленькими.

— Почему я тебе не верю?

Обхватив пальцами воротник его жилета, я притягиваю его ближе.

— Просто трахни меня.

Вот так, с этими простыми словами, он расстёгивает мои джинсы, его рука ныряет под них. Как только я чувствую его ладонь на своей обнажённой киске, я стону, запрокидывая голову назад. Его большой палец надавливает на мой клитор медленными кругами, когда он кладёт голову на изгиб моей шеи.

— Ты знаешь, как сильно я хочу, блядь, убить тебя прямо сейчас? Все эти годы я мог бы прижиматься ртом к этой киске, а ты лишила меня этого. — Он увеличивает давление, его круги замедляются. — Я собираюсь трахнуть тебя жёстко и быстро здесь, а потом, позже, ты пожалеешь, что я все ещё трахаю тебя так, как собираюсь.

Я покусываю нижнюю губу, когда он просовывает палец внутрь моего входа.

— Ты нужен мне внутри меня.

— Скажи это ещё раз... — рычит он сквозь хриплый стон.

— Ты нужен мне внутри меня.

Он вынимает руку из моих брюк и опускает меня обратно на землю, стягивая мои джинсы до лодыжек и срывая их. Если бы я не была под кайфом и не нервничала, я бы убедилась, что сейчас за нами никто не наблюдает, но я этого не делаю. Мне все равно. Все, что меня волнует, — это то, что у меня есть он, а у него есть я, и мне нужно быть ближе к

нему. Мне нужно чувствовать его внутри себя, чтобы он владел мной, входил в меня, скакать верхом и лизать его по всему телу. Холодное дуновение ветра обдувает мой клитор, когда Ройс расстёгивает ремень и поднимает меня обратно, обхватив пальцами мои бедра.

Его рот снова на моем, его скользкий язык скользит между моими губами. Я борюсь с желанием закричать, моё тело реагирует на все его физические сигналы, как будто знает, как противостоять его действиям.

Грубо прижимая меня к стене, он входит в меня, его рот снова на моем. Моё тело наполняется горячим огнём с каждым толчком. Каждый раз, когда он возбуждается внутри меня, моя киска сжимается вокруг его толстого члена, доя каждое его движение.

Вырываясь, он переворачивает меня и сильно шлёпает по заднице, входя в меня сзади с силой энергии. Мои волосы перекидываются через одно плечо, когда я замечаю, где все сидят. В моей сексуальной дымке я немного рада, что никто не смотрит, пока моё внимание не падает на Нечестивца. Он откидывается на спинку стула, зубочистка перекачивается между его распухшими губами. Его глаза мертвы, холодны и бесстрастны. Ройс крепко хватает меня за волосы и дёргает мою голову назад.

— Тебе лучше не смотреть на того, на кого, я думаю, ты смотришь...

Я сглатываю, не испытывая желания отвечать ему.

Он отпускает мои волосы, прежде чем одна рука обхватывает меня за талию, напрягаясь достаточно сильно, чтобы оставить синяки под моей кожей, в то время как другая доходит до задней части моего горла. — Ты и за это заплатишь.

Он сжимает и бьёт меня сзади, его член упирается в стенки моей киски, когда его рука напрягается достаточно, чтобы перекрыть любую форму кислорода.

Я постукиваю по его руке, когда он безжалостно входит в меня. Вдыхаю и выдыхаю, вдыхаю и выдыхаю, его рука сжимается, с каждым разом, когда он душит меня, кажется, что это становится длиннее. Яркие ретро-точки танцуют у меня перед глазами, все кружится. Как только мои бедра сжимаются вместе и стон вырывается из моего рта, мой оргазм вытекает из меня и скользит вниз по бедру, когда все становится черным.

Грязь и корки мела вокруг моего рта, когда я прихожу в себя, а Ройс кладет меня обратно на землю в задней части маленького гаража, его плечи трясутся от смеха.

— Рой! — Я ахаю. — Что случилось?

— Ты, возможно, закрыла глаза или что-то в этом роде...

— Да, — рычу я. — Или что-то в этом роде... или я, *блядь, вырубилась*.

Он швыряет в меня мои джинсы и трусики, и я надеваю их, стараясь не вставать слишком быстро.

— Это было, по крайней мере после того, как я кончила?

— Да. — Он все ещё смеётся, выхватывая сигарету из пачки.

— Перестань смеяться! — Я ругаю его, хотя мне приходится бороться с собственной улыбкой.

Он фыркает.

— Никогда. — Прикуривая, он засовывает конец сигареты в рот и берет меня под мышку. Как раз в тот момент, когда он собирается вывести нас из сарая, его пальцы вцепляются в мои, и он разворачивает меня, пока я не врезаюсь в его твёрдую грудь. — И ещё кое-что.

Я смотрю на него, загипнотизированная тем, как его густые ресницы веером ложатся на

загорелую кожу.

— Что?

Дым выходит между его пухлыми губами.

— Что бы ни происходило между тобой и этим ублюдком, мне нужно знать об этом. Это серьёзно, Джейд. Это глубже, чем то, что я одержим собственническим контролем над тобой, слышишь?

Моя улыбка исчезает, и когда его пальцы сжимают мой подбородок, наклоняя моё лицо к своему, я знаю, что он уловил это.

— Герцогиня, что происходит?

Мой рот открывается, и я знаю, что слова вот-вот сорвутся с языка. *Так близко.* Но потом стыд закрывает мне рот своей уродливой рукой, и я проглатываю потенциальный отказ, как первоклассный алкоголь. Как я ему скажу? Как мне ему сказать? С чего мне начать?

— Это действительно долгая история, но я тебе расскажу.

Его брови нахмурены, морщины беспокойства прорезают его гладкий лоб. Он вздыхает, ослабляя хватку.

— Позже.

Я киваю, выдавая лёгкую фальшивую улыбку.

— Конечно, позже. — Когда он берет меня под руку и направляет туда, где все сидят, я игнорирую боль потери, которая пульсирует в моей груди.

Даже когда он отшвыривает нескольких братьев за то, что они свистят нам, и я вижу частичку старого "Ройса", та же самая боль пульсирует.

Даже когда я сажусь к нему на колени за столом, и он протягивает мне тарелку с жирным мясом и хрустящей жареной картошкой, эта боль усиливается. Когда я смотрю на него сверху вниз и вижу, как его глаза светятся на мне, его рука расслабленно обнимает меня за талию, как и должно было быть всегда. Боль. Блядь. Пульсирует. Когда я обхожу стол и наблюдаю за каждым в их движениях со своими близкими, и как они все ёрзают на своих местах, разговаривая и смеясь друг с другом, боль *пульсирует*. Это не просто мотоклуб, это семья. Неудивительно, что Ройс никогда не хотел возвращаться домой после того, как нашёл их, я бы тоже не хотела. Я никогда не чувствовала себя в такой безопасности и не чувствовала себя так хорошо, как сейчас, когда я здесь, на этом приводящем в бешенство сумасшедшем человеке, сижу за этим огромным длинным столом и ем эту восхитительно приготовленную еду. Печаль охватывает меня, когда я понимаю, что все это сон. Скоро мне придётся проснуться, и кошмар, который является моей реальностью, будет ждать меня по ту сторону.

— Ты в порядке? — спрашивает Ройс, кусая меня за шею сбоку.

Я вонзаю зубы в жирное мясо, высасываю сок с большого пальца и смотрю на него сверху вниз. То, как он принимает меня, достаточно сильно, чтобы искалечить меня. Он калечит меня. Каждая эмоция, которую я испытывала в детстве, вернулась в десятикратном размере.

— Так хорошо.

Медленно уголок его рта приподнимается в сексуальной ухмылке.

— Так хорошо, да? — Он наклоняется и обхватывает губами большой палец, который я только что сосала, но вместо того, чтобы сосать его, он кусает его.

Я вскрикиваю, но никто не слышит, потому что все громко разговаривают и смеются.

— Ой, Ройс!

Он хихикает, его мягкие губы на мгновение прикасаются к моим.

— Да, — говорит он, облизывая губы. — Я никогда больше не выпущу тебя из виду. — Моё сердце взрывается в груди, осколки последствий рикошетом пронзают мою плоть. Как только они взорвались, логичность моей ситуации заставляет мою голову кружиться, а желудок сжиматься. Я поворачиваюсь, чтобы не дать своему лицу рассыпаться. Слезы подступают к моим глазам, когда я мысленно отсчитываю от двадцати. Вдыхаю и выдыхаю. Каждая секунда, которую я провожу с ним, только усугубляет мою боль чувством вины. Так много вины.

Как, черт возьми, я собираюсь пройти через это?

Роусе

Я оставил Джейд на заднем дворе с девочками, пока Лайон созвал церковь после праздника. Мы коснулись базы, он сказал всем, что не получил ответа от картеля, и теперь все уходят, расходятся по своим спальням или палаткам на заднем дворе. Блокировки всегда неудобны для рутины, но они необходимы. Они-то и охраняют нас.

— Помнишь тот день, когда мы встретились? — спрашивает Лайон, посасывая сигару. Я хихикаю. — Да, черт возьми, помню...

Четырьмя Годами Ранее

Я подъехал на своей машине к стоянке «Патч», громыхание моего V8 сердито рычало под моей задницей.

— Во-первых, это дерьмовая дыра, — пробормотал я себе под нос. Сука, наверное, подставила меня.

Взяв свой телефон, я отправил сообщение Орсону и Шторму, кратко остановившись на их именах. Того, что мы пережили вчера, было достаточно, чтобы вбить клин в любую дружбу, но наша дружба никакой дружбой не была. Однажды мы превратили бы то, через что прошли, во что-то хорошее. Это я, блядь, знаю.

Если я умру, Патч — это бар, в котором я нахожусь.

Я засунул телефон обратно в карман джинсов и накиннул толстовку через голову, вылезая из машины. В нем чувствовалась атмосфера старого дома, с потёртым крыльцом и старым деревом, облицовывающим вход. Надпись "Патч" написана поверх облупившейся краски, бревенчатая дверь распаивается от ветра. Сделав необходимые шаги ко входу, я со скрипом распахнул дверь, и она захлопнулась за мной.

Температура в комнате заметно прохладнее, чем снаружи, и это не от погоды. Комната разделена на две группы.

С одной стороны была стая байкеров, одетых в толстые, тяжёлые жилеты и всевозможных форм и размеров, а с другой стороны, стояла несколько спокойная и холодная группа пожилых мужчин, одетых в костюмы и с которых капало золото. У меня такое чувство, будто я только что попал в эпизод "Сопрано", скрещённый с "Сынами анархии".

— Ах... — сказал я, но было слишком поздно, раздались выстрелы. Я мгновенно нырнул за стол, чтобы укрыться. — Блядь! — Я, наверное, был на грани смерти, и все потому, что послушал какую-то случайную дамочку, которая сказала мне пойти в гребаный бар в какой-то гребаной заднице. Пули разлетелись повсюду, разбивая стаканы и бутылки. Когда все стихло, я высунул голову из-за угла и увидел пожилого мужчину со стороны МС, стоящего на коленях, его руки заложены за затылок, а босс мафии и его люди прижаты к МС.

Дерьмо.

Вытащив свой "Глок" из-за пояса брюк, я направил пистолет на мужчину, который

выглядел более важным, так как именно он направил пистолет на пожилого мужчину на земле.

— Я же говорил тебе не лезть в мои дела, Лайон.

Бах!

Я нажал на спусковой крючок, и он упал на землю после того, как моя пуля вошла в его голову сбоку. Я ещё ни разу не убивал человека. Это был мой первый раз, но что — то внутри меня знало, что мне нужно спасти этого человека сегодня-любой ценой. Все члены команды МС выхватили оружие, застрелив двух других мужчин, которые были с боссом мафии. Я подошёл ближе к телам, чутко изучая их, желая что-нибудь сделать. Что-нибудь.

— Что ты думаешь, сынок? — спрашивает старший мужчина, Лайон, безудержно глядя на меня.

Я пожал плечами.

— Просто если бы это были плохие люди и, если бы вы могли, вы бы хотели сделать с ними больше? — Мои глаза нашли его.

— Я имею в виду, что смерть-это выход труса. Веселье должно начаться до того, как они умрут. Унизь их. Покажи им, что они больше ничего не контролируют.

Гнев, который я чувствовал внутри себя, выходил за пределы моего контроля, и мне это не нравилось. Но вид крови и тел на земле заставил меня подумать о Даймонде и о том, сколько бы я, блядь, убил, чтобы его милосердие прижалось к моему животу.

Лайон сверкнул гордой улыбкой, обнажив свой золотой зуб.

— Мммм, куда, ты сказал, направляешься?

Подарок

— Да, я помню, как будто это было вчера, блядь. — Я хихикаю, вытряхиваясь из своих воспоминаний. — Мы сожгли все это гребаное место дотла.

— Что было трудно сделать, учитывая, что этот бар имел сентиментальную ценность для этого клуба.

Это застаёт меня врасплох, и я думаю, что это должно было быть то, о чем я должен был спросить его давным-давно, но это вылетело у меня из головы среди всех тел, крови и того, что было залатано мгновенно.

Я откидываюсь на спинку стула, широко вытягивая ноги. Я пытаюсь заставить свои мысли не дрейфовать к Джейд, спящей наверху, на моих простынях. Мой член набухает под молнией джинсов при одной гребаной мысли об этом.

— Ты собираешься рассказать мне об этом...

Лайон прочищает горло, достаёт сигару из своего футляра и засовывает ее между потрескавшимися губами. Возраст не был добр к старому ублюдку, но он определенно был красивой мордочкой в свои лучшие дни.

— Там была девушка.

Мы оба смотрим друг на друга и смеёмся.

— Разве не всегда так бывает.

Лайон раскуривает кончик своей сигары.

— Эта была другой. — Я никогда не спрашивал его, почему Бонни была только его женой, а не его старой леди. Я никогда не спрашивал его о многом, когда вспоминал об

этом, но дело в том, что, если бы вы знали что-то о нем, вы бы знали, потому что он сказал бы вам. Копание в его жизни только разозлило бы его, а ты не хочешь его злить. Возраст-не единственное, что не было добрым к нему, и его терпение тоже.

— Она была моей старой леди.

Я замолкаю, мои пальцы напрягаются на стуле. Не заполняя тишину ненужным дерьмом, я молчу, ожидая, когда он продолжит. Он знает.

— Мы познакомились с ней, когда нам было чуть за двадцать. Она была той таинственной ведьмой, в которую я мгновенно влюбился. Мой старик и президент в то время предостерегали меня от неё. Его слова были... *Держитесь подальше от девушек с темными волосами и яркими глазами. Их душа всегда будет сражаться между хорошим и плохим.*

Он качает головой, проводит иссохшими руками по лицу, его золотые кольца звенят.

— Надо было, блядь, прислушаться. А не влюбиться. Она сбежала от своей развалившейся семьи, чтобы быть со мной здесь, а потом в один прекрасный день она просто... — Он затаил дыхание. — Исчезает. Я ждал ее годами, но она так и не вернулась. В тот день, когда я встретил тебя, я только что узнал, что ее семья была чертовски тесно связана с колумбийским картелем, и я был по уши погружен в попытки найти ее. Тупики. Каждый гребаный раз.

Он стряхивает пепел с сигары и откидывается на спинку стула, дерево потрескивает под его весом. Он делает большой затык, перекатывая коричневый ствол во рту.

— Сдался, нашёл Бонни и завёл этого мелкого дерьмового Джипси. Сказал ей, что она никогда не будет моей старушкой, у меня уже была такая.

Это правда, мы оказываем честь только одной женщине, и, судя по всему, она была такой для Лайона. Даже когда он говорит о ней, я вижу явную боль в его глазах, подёргивание его пальцев вокруг сигары от гнева и, наконец, резкий тон, которым он говорит о ней. Время от времени он смотрел вдаль, словно заново переживая какое-то воспоминание. Или кошмарный сон. Не могу понять, что это такое.

— Прости, здоровяк, — грубо бормочу я, доставая из кармана свёрнутый косяк. — Ты когда-нибудь встречал её снова? — К этому моменту я полностью поглощён историей любви этого мудака, которая пошла не так. Звучит как какой-то современный поворот в "Ромео и Джульетте".

Его голова откидывается назад, когда смех вырывается из его горла.

— Черт возьми, нет. Сука была бы заперта в моей комнате на несколько дней, если бы я это сделал.

— А что, если ты все-таки найдёшь ее однажды? — Я задаю вопрос, на который, я уверен, он никогда не захочет отвечать. — Ты знаешь, кого бы ты выбрал?

Его глаза встречаются с моими, и впервые с тех пор, как я встретил Лайона, мышцы его лица мрачно напрягаются. На лице нет и намёка на улыбку. В этот момент он оглушительно опасен.

— Каждый гребаный раз.

Jade

Его руки обхватывают мои волосы, грубо дёргая их, в то время как его губы находят место между моей шеей и плечом.

— Тебе устраивается чёртова взбучка, герцогиня. — Я сжимаю губы между зубами, прижимаясь к нему своей задницей, когда его толщина скользит вниз по щёлке моей задницы.

Потянувшись назад, пока мои пальцы не находят гладкую кожу его члена, я обхватываю пальцами его и томно тяну, кладя голову ему на грудь.

Его пронзительный смешок потрясает меня, когда он зарывается лицом в мои волосы.

— Не-а... — Он отбрасывает мою руку от себя, и я, блядь, надуваюсь, хотя знаю, что он меня не видит. Срывая одеяла с наших тел, даже несмотря на то, что мы тонем в полной темноте — за исключением небольшой щели в занавеске, сквозь которую пробивается полная луна, — он прижимает меня животом, положив руку мне на поясницу. Медленными кругами он ласкает мою задницу, пока обе его руки не обхватывают одну щеку.

— Ройс. — Я извиваюсь под его рукой.

С громким хлопком его ладонь резко опускается на мою левую ягодицу, и я вздрагиваю от укола боли. Моя кровь приливает к щекам, а бедра судорожно сжимаются.

— Не разговаривай, или я заткну тебе рот кляпом.

Я перебрасываю волосы через плечо и смотрю на него. Я ослеплена одеялом ночи, но очертания его мускулистой тени дают мне достаточно информации о том, где он находится над моим телом. Готов принять то, что он хочет. *То, чем он владеет.* Я полностью в его власти, только наши тела уже знают это. Они узнают друг друга.

— Но... — Его рука ныряет на пол, где находится его бандана "Волчья стая", и щелкает ею возле моего лица, поднося ее ко рту.

— Прикуси, ты чертовски хороша в этом. — Мои зубы сжимаются вокруг материала, который у меня во рту, запах одеколona и сигарет танцует на моем языке. Он грубо завязывает ее у меня на затылке. — Нечестивый заводит тебя?

Я ошеломлена его вопросом, поэтому мой ответ застревает у меня в горле.

Приподнимая меня за бедра, пока я не встаю на четвереньки, он широко раздвигает мои ноги, прижимая мое лицо к кровати. *Щлепок.* Боль разливается по входу в мою киску.

— Отвечай на вопрос, Джейд. Так ли это?

Слюна скапливается по краям моего рта, мои брови в замешательстве сходятся вместе. *Какого хрена он делает?* Он не может быть серьезным прямо сейчас.

Я качаю головой, отвечая на его вопрос.

Щлепок!

Ещё одно жало проносится по низу моего влагалища, только на этот раз оно приближается вплотную ко входу в мою задницу. Я громко плачу от боли. Другая его рука касается моего затылка, когда он ещё сильнее прижимает меня к одеялу.

— Скрести пальцы на затылке.

О боже. Я делаю, как мне говорят главным образом потому, что не думаю, что хочу трахаться с этой его стороной, но другая часть меня хочет посмотреть, как далеко я могу его подтолкнуть. Он щелкает выключателем прикроватной лампы, но она тусклая. Слишком тускло. Придавая комнате мягкий оттенок сепии.

— Ты позволяешь, и ты чувствуешь это? — Холодный металл скользит по моей заднице, и я напрягаюсь. Мои мышцы замирают, когда я мысленно складываю картину того, что это такое. Он продолжает скользить тупой стороной ножа по моей заднице. Расплющив нож так, чтобы он прикрывал мою киску и задницу, он наклоняется, пока его рот не оказывается у меня за ухом. — Это будет один из многих способов показать тебе, как сильно ты меня больше не знаешь. — Он убирает нож, и я чувствую, как кончик его члена прижимается к моему входу. — И ещё кое-что? Ты не кончишь, пока я не разрешу.

Я извиваюсь под его хваткой, прежде чем проглотить его целиком. Изголовье кровати ударяется о стену, когда я смотрю на него через плечо, его глаза на моих. Он ухмыляется, поднося руку ко рту, и я зачарованно наблюдаю, как его язык выскальзывает наружу, и он облизывает ладонь, потом скользя ею по моей заднице. Он продолжает входить в меня дикими толчками, пока я не чувствую, как его яйца ударяются о мой клитор, а капли пота набухают на линии моего лба. Он просовывает палец в мою задницу, в то время как его член продолжает входить в меня. Мой клитор пульсирует каждый раз, когда я чувствую, как его кончик соприкасается с моей шейкой матки. Мои руки болят от того, что я держусь, колени дрожат от того, что я удерживаю свой вес. Моё тело сбито с толку гаммой чувств, которые проносятся внутри меня. С пронзительной болью, которая отзывается во мне при каждом втором натиске, приходит волна удовольствия. Я хочу кричать, когда моё тело напрягается и мышцы напрягаются, тихо завывая, пока мой оргазм держит меня в заложниках, ожидая этого последнего толчка, который толкнёт меня через край.

Он останавливается, и слезы наворачиваются в уголках моих глаз, пот стекает по лицу и впитывается в матрас, прежде чем он грубо и сильно толкается в меня. Контролируемо. Когда его темп замедляется, его рот приближается к моему затылку, когда его острые зубы впиваются в мою кожу.

— Покажи мне, насколько ты моя, герцогиня...

С этими словами, произнесёнными грубым баритоном и грубыми звериными стонами, я теряю самообладание. Моё сердцебиение зашкаливает, моя кровь превращается в лаву, и все внутри дрожит, когда жидкость вытекает из меня, и моё тело рушится под его хваткой, неспособное удержаться после перенесённой пытки.

Он должно быть вышел, потому что горячая сперма брызжет мне в спину, когда он медленно развязывает узел на моем затылке. Проводя пальцем по тёплой жидкости, он подносит те же пальцы к моему рту.

— Запомни этот вкус, в следующий раз, когда увидишь, что смотришь на Нечестивца этими милыми маленькими глазками. Каков он на вкус, герцогиня?

Я все ещё тяжело дышу, изо всех сил пытаюсь смириться со всем, с чем пытается справиться моё тело.

— Сперма.

Его мрачный смешок подобен льду, скользящему по изгибам моей спины.

— Ошибаешься. Это вкус человека, который убьёт любого, кто встанет у него на пути во время охоты за тобой. — Он наконец отпускает меня, хватая бандану с края кровати после того, как вытер меня дочиста. — Иди сюда.

Поморщившись от боли в руках, ногах, а теперь и в набухшей киске, я поворачиваюсь к нему, обретая покой в объятиях мужчины, который причиняет столько хаоса.

Я провожу кончиком пальца по вдавленным линиям его пресса и толстым линиям его татуировок, или, что более очевидно, цифрам 2000.

— Я не думаю, что кто-нибудь пойдёт по этому пути, Рой.

— Хммм? — спрашивает он, его голос опьянён сном. Я поняла, что сонный Ройс-мой любимый Ройс, когда кончик его пальца пробегает круги по моей руке.

— Никто не пойдёт по этому пути.

— Почему так? — сонно спрашивает он, его губы теперь расслабленно касаются моего лба.

— Потому что один взгляд на нас обоих, и люди понимают, что на этом пути должны быть только мы.

Его палец перестаёт двигаться, прежде чем его губы прижимаются к моему лбу, заставляя чёртову армию бабочек парить у меня в животе.

— Спи, герцогиня.

— Потому что завтрашний день не гарантирован? — Я шучу, мои веки тяжелеют.

— Каждый день, когда я дышу, означает, что твои дни гарантированы. Спи.

Мои глаза закрываются с широкой улыбкой, растянувшейся на моем лице. Я не отпущу его без борьбы, это я знаю точно. Но что, если борьба будет с ним?

Роусе

Она делает меня уязвимым. Я знаю это. Я знал о том влиянии, которое она окажет на меня с того дня, как я впервые увидел ее ребёнком, но теперь этот растущий страх, который я похоронил в глубине души, все только усиливается.

— Ты получил от неё какую-нибудь новую информацию? — спрашивает Лайон из-под своего байка, возясь с металлом. Я не знаю, почему этот упрямый ублюдок работает над своим мотором, когда у нас на руках потенциальная война. Дерьмо между нами и картелем было непростым с тех пор, как я присоединился к МС — с того дня в Патче. Однако после того, как мы убили их троих, Лайон договорился с картелем. Я чувствую, что он держит в рукаве какое-то дерьмо, связанное с картелем, и теперь, когда я знаю о его старушке, я предполагаю, что это как-то связано с ней.

Я выпускаю густой ядовитый дым.

— Нет. Я собираюсь сделать это сегодня вечером.

Лайон выкатывается из-под нависающего металла и свирепо смотрит на меня.

— Перестань думать своим членом.

Моя голова откидывается назад, когда фыркание слетает с моего рта.

— Ты из тех, кто, блядь, говорит это. — Я хочу швырнуть ему в лицо всю историю с картелем, но они все равно считают, что это я убил одного из их боссов.

Лайон встаёт, вытирая руки тряпкой.

— Пошёл ты.

Я посылаю ему воздушный поцелуй как раз в тот момент, когда Бонни вальсирует, держа коробку с кексами.

— Я приготовила апельсиново-шоколадную стружку, так как это любимое блюдо Джейд, — говорит она мне со слегка агрессивной улыбкой. Господи, блядь, господи, они что, уже говорят обо мне всякую чушь?

— Спасибо...

Бах! Бах! Бах!

Пули разлетаются отовсюду, когда ее улыбка падает, цвет стекает с ее глаз. Все, кажется, движется в замедленной съёмке, когда Лайон бросается вперёд, подхватывая Бонни на руки. Кровь просачивается через перед ее белой блузки, когда она падает в объятия Лайона. На руки.

Я стремительно разворачиваюсь, мои инстинкты срабатывают, когда я тянусь к пистолету, который пристегнут у меня на талии. Подняв его, я нажимаю на курок.

Выстрел!

Выстрел!

Выстрел!

Мои ноги подкашиваются от бега, когда я рывком подскакиваю к главным воротам. Моё зрение становится мрачным. Я хочу крови. Мне нужна кровь. Для меня больше ничего не имеет значения, кроме как поймать того, кто, черт возьми, стоял за этим пистолетом.

Пока я не чувствую, как ее энергия пульсирует у меня за спиной. Ее страх яростно ищет утешения во мне, и я оборачиваюсь, чтобы найти Джейд, свернувшуюся калачиком рядом с Бонни на земле. Лайон вытаскивает свой АК из-под гаражной двери.

— Джейд! — Я рычу так громко, что моё горло сжимается от боли. — Убирайся нахуй внутрь сейчас же! — Я указываю на двери, но маленькая сучка качает головой, хватая Бонни под мышки и тащит ее в укрытие.

Я, блядь, убью ее.

Развернувшись как раз в тот момент, когда Слим пинком распахивает ворота, мы выходим на дорогу, когда черный "Рейнджровер" отъезжает и исчезает за углом.

Опуская пистолет, я подношу язык к губам, когда от сильного привкуса металла волосы на затылке встают дыбом.

— Лайон, — хриплю я, делая шаг вперед. — Ты можешь понадобиться ей прямо сейчас. На его лице мелькает выражение муки.

— Я не могу потерять ее.

Я указываю на машину, которая исчезла, но Флаффи и Нечестивец проносятся мимо нас на своих байках.

— Я догоню вас! — Я кричу на них, прежде чем оглянуться на Лайона. — Они трахнули нас на нашей территории, теперь они все, блядь, умрут. Иди туда и займись своей женщиной, и держи мою, пока будешь этим заниматься, — категорично говорю я, направляясь прямо к своему мотоциклу. Я бросаю ещё один взгляд на Джейд, когда кровь брызжет изо рта Бонни, просачиваясь сквозь пальцы Джейд.

Глаза Джейд встречаются с моими. Беспокорство, боль, потеря.

Я так чертовски зол на неё, что ничего не понимаю. Даже когда Бонни делала свои последние вдохи на земле.

Я пинаю свой байк и выезжаю оттуда под раскаты грома, зная, что, когда я вернусь, мы будем рядом с членами семьи.

Догоняя Флаффи и Слима, мы сворачиваем на оживлённые улицы и выезжаем из них, охотясь за Ровером. Я вижу заднюю часть затемнённого внедорожника в нескольких машинах впереди, слегка поворачивающего, чтобы дать сигнал Нечестивцу объехать улицу. Они трахнули нас в нашем доме, но они облажались, когда попытались уйти безнаказанными на наших гребаных улицах. Люди здесь передвигаются вокруг нас. Мы *владеем* этим гребаным городом, потому что на протяжении многих поколений именно мы защищали его.

Нечестивец сворачивает вправо с песней гудков и рёвом вдалеке, когда Флаф прилипает к середине. Я тяну влево и ещё сильнее толкаю его вперед, металл моей девятки обжигает моё бедро. Ровер сворачивает влево, направляясь к верфи, которая сработает идеально, потому что там никого нет, черт возьми.

Наши байки подкатывают, когда два ублюдка вылезают с водительского и пассажирского сидений и бегут к причалу, где ожидала лодка с другим мужчиной за рулём. Спрыгнув с мотоцикла, я поднимаю пистолет, целюсь прямо в водителя и нажимаю на спусковой крючок. С первым хлопком кровь брызнула из его затылка, когда его безжизненный труп упал на землю.

Двое других ублюдков все ещё бегут к лодке, когда я бросаюсь вперед.

Мои ботинки шлёпают по дереву, когда я ныряю и прыгаю на чуть более тяжёлого ебаря

сзади, его тело падает на палубу. Нечестивец продолжает бежать, пытаясь поймать другого и остановить лодку, когда тот просто проскальзывает мимо него, прыгает на лодку и заменяет человека, которого я застрелил за рулём, отъезжая от причала.

— Блядь! — Нечестивец кричит, его дикие глаза летают вокруг, чтобы найти что-нибудь, чем он мог бы преследовать лодку.

— Перестань, — говорю я. — У нас есть все, что нам нужно.

Серебристые шары Нечестивца превращаются в сланец, когда они попадают на грязный кусок дерьма, который находится под моим телом.

— Лайон не собирается мыслить ясно. Его поглотит ярость и может все испортить.

Мужчина подо мной извивается и поворачивается, когда я ещё сильнее прижимаюсь коленом к его пояснице.

— Я ни хрена не скажу! Никогда!

Собрав слюну во рту, я плюнул ему в рот.

— Заткнись нахуй!

Флаф свистит с парковки, закидывая большой палец за плечо, когда Джастис выпрыгивает из водительского сиденья. Его карие глаза печально опускаются на землю, плечи сутуляются. Я слышу, что он мне говорит.

Бонни умерла.

Ярость и гнев всплывают на поверхность, когда я погружаю пальцы в рот мужчины, широко растягивая его. Он смотрит на меня большими глазами.

— Ты пойдёшь со мной, и когда я закончу, ты пожалеешь, что я не убил тебя на месте, как убил твоего друга.

Затащив его тяжёлую задницу в заднюю часть затемнённого фургона, мы захлопываем задние двери. Я останавливаю Нечестивца, прежде чем он уезжает на своём байке, а Флаф и Джастис стоят позади меня.

— Мы не можем отвести его обратно в клуб. Я не хочу, чтобы он был где-то рядом с Джейд, и, блядь, кроме того, Лайон не будет ясно мыслить. Он не захочет, чтобы он был там, портя дом Бонни. — И Джастис, и Флаф согласны, и когда я оглядываюсь на Нечестивца, чтобы увидеть его решение, он кивает.

— Согласен, но он захочет прийти.

— Я знаю, — говорю я, протягивая руку к своему байку и хватая шлем. — Он сможет, как только мы получим то, что нам нужно. Убийство будет принадлежать ему.

Я говорю Джастису, чтобы он отвёл его в подвал одного из клубов, которыми владеет МС. Было бы рискованно, если бы у нас не было уверенности в нашей команде по уборке. Закинув ногу на байк, я киваю Нечестивцу, жестом приглашая следовать за мной.

Это может привести к беспорядку. Я, блядь, этим займусь.

Jade

Сладкие яблоки. Я помню, как любила их в детстве. Ройс, Орсон и Шторм каждый год тащили меня на ярмарку, и каждый год, когда они посещали Стоун-Вью, я просила засахаренное яблоко. Что-то в том было в том, как липкая красная ириска щекотала мой язык. Сахар-первый наркотик, которого мы так жаждали.

Я смотрю на липкую красную жидкость на своих руках и одежде, широко растопырив пальцы, пока они больше не слипаются.

— Мне жаль.

Лайон склонился над безжизненным телом Бонни, ее глаза теперь закрыты, но кровь все ещё просачивается сквозь ее белую блузку. Свежая. Несколько мгновений назад она была жива, а теперь ее нет. *“Мне нравится этот топ, Бонни! Где ты это взяла?”* Трудно поверить, что я задала ей этот вопрос тридцать минут назад, когда она доставала кексы из духовки. Кексы, разбрызганные по ее телу, мокрые от крови.

— Не извиняйся. — Голос Лайона срывается, и я убираю с лица выбившиеся волосы. — Тебе нужно зайти внутрь, Джейд. Ройс не захочет, чтобы ты была здесь, и мы должны провести процесс, который ты, возможно, не захочешь видеть.

Мои губы дрожат, когда печаль засасывает меня, как водоворот посреди спокойного океана. Молча и осторожно затягивая меня под воду.

— Хорошо.

Стоя, мои ноги подкашиваются, и я начала падать, как раз в тот момент, когда Слим подходит ко мне сзади, хватая меня за спину.

— Однажды из тебя получится хороший врач, Джейд. Продолжай заниматься своими исследованиями. — Комментарий Лайона сбивает меня с толку посреди всего, но, когда я снова смотрю на него, сжимающего Бонни в объятиях, его глаза, полные боли и устремлённые на меня, я понимаю, почему он это говорит. Возможно, я могла бы спасти ее, если бы знала, что мне предстоит делать. Он прав. Все это неправильно. Я никогда не хочу чувствовать, что, возможно, смогла бы спасти кого-то, если бы знала, что делать.

Я обещаю себе и Бонни, что окончу медицинскую школу. Я сделаю это для неё.

Как только мы возвращаемся в дом, Слим ведёт меня вверх по лестнице, когда полицейские машины въезжают в ворота. Джипси тихо сидит в углу кухни, его голова свисает между рук, она лежит на коленях. Моё сердце сжимается, когда я вижу его таким молодым и теряющим родителя. Я могла бы только пожелать, чтобы у меня были родители, хотя бы близкие к таким тёплым и любящим, как Бонни. Я хнычу, мои губы дрожат. Я хочу обнять его и забрать его боль.

Входная дверь захлопывается, тишина в доме оглушительная.

— Я пойду в душ. — Я протискиваюсь мимо Слима и игнорирую девушек, которые сидят на диванах в гостиной, тихие крики и приглушенный шёпот.

Как только я оказываюсь в безопасности спальни Ройса, все, кажется, обрушивается на меня разом. Как будто я мысленно знаю, что я в безопасности и стабильна, и теперь я могу

рухнуть вместе с Ройсом вокруг меня. Побежав к маленькому туалету и душевой, я пинком открываю унитаз и наклоняюсь, вываливая свой утренний завтрак. Кексы. Апельсиновая шоколадная стружка. Боль борется с печалью, из моих глаз текут свежие слезы. Мои плечи сгибаются, грудь сдавливается. Я хватаюсь за край унитаза, издавая сердитые вопли между приступами рвоты. Я недолго знала Бонни, но она приняла меня в эту семью и заставила почувствовать, что я важна. Мир нуждался в ней больше, а не в ней одной меньше. Я навсегда сохраню частичку ее внутри себя.

Я нажимаю на рычаг и наблюдаю, как вся мутная оранжевая слизь вымывается и всасывается через смыв, прежде чем подойти к стойке и снять одежду.

Душ был бурным. Я много плакала, оттирая кровь и смывая с себя следы смерти. Переодевшись в свежие серые штаны для йоги и белый укороченный топ, я надеваю носки и упаковываю свою окровавленную одежду, запах того, что только что произошло, пронизывает стежки моей любимой пары джинсов. Схватив телефон после того, как расчесала свои длинные волосы и собрала их в пучок, я открываю дверь и замираю, когда вижу Би, с другой стороны, уставившуюся на меня покрасневшими глазами. Ее белая юбка коротка, колготки в сеточку порваны в разных местах. Ее тушь стекает по безупречным щекам, а платиновые светлые волосы, как кинжалы, свисают ей на спину.

— Почему ты не спасла ее?

Я сжимаю сумку в руке, сбита с ног ее вопросом.

— Я пыталась.

Она делает ещё один шаг ближе ко мне, и как раз в тот момент, когда я думаю, что она собирается сказать что-то обидное или, может быть, даже ударить меня, ее плечи опускаются в знак поражения.

— Мне жаль. — Ее взгляд пролетает над моим плечом, останавливаясь на комнате Ройса. Другая боль мелькает на ее лице, прежде чем она возвращается ко мне.

— Он собирается сделать тебя своей.

— Что? — огрызаюсь я, почти злясь, что она заговорила об этом прямо сейчас. Как будто она действительно хочет пойти по этому пути после того, как Бонни только что умерла на моих гребаных руках. Я хочу вырвать ее фальшивые волосы и вонзить ногти в ее глазные яблоки.

— Я видела, как он относится к тебе. Он двигается как собственническое животное в любое время, когда ты рядом. Он поделился со мной, но я не могу представить, чтобы он делал это с тобой.

Я провожу ладонью по щеке, чтобы не сжать ее в кулак и случайно не ударить ее.

— Почему ты говоришь мне это именно сейчас, в такое время?

Ее грусть передалась мне, потому что я на целых несколько дюймов ниже ее.

— Потому что я не думаю, что ты его заслуживаешь. Я вижу это в твоих глазах. Обман, секреты, которые ты скрываешь от него. Этот мужчина оторвёт плоть с людей только для того, чтобы обеспечить твою безопасность, но все же ты... — Она замолкает, и мои пальцы сжимают мою ладонь. — Ты даже не можешь быть честной. — Она разворачивается прежде, чем я успеваю ударить ее, и исчезает за другой дверью, хлопнув ее. Эта сука ни черта не знает о нас с Ройсом, и мне не нужно никому это объяснять.

Но так ли она права?

С новыми заботами, которые теперь свежи в моей голове, я спускаюсь вниз и иду на

кухню, где Слим сидит с Ру. Движение прерывает меня через щель в занавеске, и я наблюдаю, как полиция записывает сцену, а Лайон и Джипси все ещё снаружи.

— В полицию? — Не знаю почему, но это первое, о чем я думаю. Мне кажется странным, что преступники держат полицейских у себя дома.

Ру проводит толстым большим пальцем по своей кружке, кивая головой.

— Да, они все у нас в кармане, за исключением маленькой гребаной рыжей, которая все время заглядывает на кухню. У неё была история с одним из наших братьев из другой главы. Эта тугая задница не просто имеет к нам претензии, у нее целая гребаная бойня.

Я игнорирую его комментарий, как раз когда Слим указывает на пластиковый пакет, который я держу в руках.

— Одежда? — Он встаёт из-за стола и берет его у меня. — Я избавлюсь от этого.

— Спасибо, — бормочу я, когда мой телефон вибрирует за поясом брюк.

(изображение)

Теперь твоя очередь играть. Будь у входа через четыре минуты и ничего не бери.

Кровь отливает от моего лица, колени превращаются в желе.

— Вау, ты в порядке? — спрашивает Ру, наблюдая за мной, прежде чем опустить взгляд на мой телефон.

Я прижимаю его к груди.

— Да. Ах, я просто... Мне нужна минутка. — Я бросаюсь обратно наверх и натягиваю штаны, трусой спускаясь по лестнице.

— Джейд, просто оставайся внутри, детка, — слышу я чьи-то слова, но игнорирую их.

Я игнорирую каждого человека, который пытается помешать мне покинуть этот дом.

Я игнорирую взгляды офицеров, которые странно смотрят на меня, когда я прохожу мимо них.

И я игнорирую призывы Лайона, когда перехожу на бег трусой, выбегая за ворота. Я не вижу ничего, кроме моей лучшей подруги, моей сестры в беде. Они, вероятно, все думают, что я сошла с ума после того, что случилось с Бонни, что отчасти верно, но ничто, и я имею в виду ничто, не подготовило бы меня к фотографии, которую я только что видела.

Ничего.

Поэтому, когда в поле зрения появляется черный "Мазерати", с которым я так хорошо знакома, стоящий на холостом ходу у обочины, я бегу за нему. Я бегу так чертовски быстро, что мои легкие горят, а слезы на глазах высыхают. Распахнув дверь, я забираюсь на пассажирское сиденье и смотрю на Джеймса с новообретённой яростью.

— Где она, черт возьми!

Ройсе

Пытка — это оружие, а не смертельный выстрел. Это искусство, и так случилось, что в этом я преуспел. Человеческое тело — расходный материал. Единственная цель для него — исцелить самого себя. Удивительно, если вы действительно подумаете об этом. Я нет. Во всяком случае, не часто. Но когда я вижу, как кто-то свисает со связанными руками, привязанный к потолку подвала, из его рта и носа тычет кровь, а его джинсы с пятнами мочи, пропитавшими ткань, это единственное, о чем я могу думать.

Зажав сигарету между губ, я пинаю мужчину подошвой своей тяжёлой ноги и хихикаю.

— Тебе чертовски повезло, что ты сегодня разозлил не меня.

Подвал опрятный, с отполированными стенами, горами бочонков и коробок с алкоголем и вином. Allure — это коктейль-бар в самом центре города, который привлекает мужчин и женщин с глубокими кошельками. Вот как WP MC все делает. Мы никогда не делаем очевидного выбора. Мы-волки, прячущиеся за тенью богатства. Мой телефон вибрирует у бедра, и я вытираю кровь с рук своей банданой — той самой, в которой я трахал Джейд прошлой ночью, — открываю его, вынимая сигарету изо рта и выпуская дым.

— Он готов для тебя. Узнал, что картель велел ему стрелять предупредительными выстрелами, и этот тупой ублюдок просто так случайно выпустил шальные пули.

— Уже в пути, но есть кое-что, что тебе нужно знать. — Его резкий тон не беспокоит меня и не сбивает с толку. Его жена только что умерла у него на руках.

— Что это такое?

— Джейд куда-то убежала. Не видел, куда именно. Она была слишком быстрой, чтобы кто-либо из нас мог ее поймать.

— Что? — Я лаю, но затем считаю про себя до десяти, когда понимаю, что мне нужно спросить кого-то, кто не Лайон, о том, куда она, блядь, пошла. — Хорошо, хорошо, я вернусь в здание клуба. Мы в "Алюр". — Я вешаю трубку и хватаю ключи от своего байка.

— Ты уходишь? — спрашивает Нечестивец с другого конца комнаты, безразлично вертя золотые кольца на пальце.

— Да. Джейд сбежала.

— Что? — Нечестивец быстро встаёт на ноги, нахмутив брови. — Я иду.

— Почему? — Я тяну на себя дверь, оставляя Флаф в комнате с тупым ублюдком, выходя через запасной выход.

Нечестивый перекидывает ногу через байк.

— Потому что я пытался поиграть с дерьмом в своей голове, и что-то не сходится. Я хочу быть там, когда ты будешь расспрашивать, посмотрим, не найду ли я чего-нибудь.

Я поворачиваю к нему голову, щелкая сигаретой по гравию.

— Ты думаешь, это имеет отношение к ее маленькому парню?

— Да, — говорит Нечестивец, и мы оба заводим свои мотоциклы.

— Кто-нибудь, скажите мне что-нибудь! — Я говорю, как только мы возвращаемся в клуб, и я припаркую свой байк. Я направляюсь к первому мужчине, которого вижу, и так уж случилось, что это Ру. Он неторопливо идёт ко мне со своими широкими плечами и толстыми ногами-хоботами.

— Да, брат. Она спустилась на кухню после душа, чертовски холодная, и держала в руках пластиковый пакет, наполненный ее окровавленной одеждой. Она получила сообщение или ещё какую-то хрень на свой телефон, и все ее поведение изменилось. Я наблюдал, как она напряглась, ее глаза, блядь, прожгли меня насквозь, когда я спросил ее, что случилось. Она прижала телефон к груди и убежала. Я попытался догнать ее, добрался до ворот, но она уже села в чёрный "Мазерати" без номеров.

— Черный? — спрашиваю я, незнакомая паника скручивает меня изнутри. — Ты уверен, что он был черным?

Ру отшвыривает меня.

— Да. Я не дальтоник. — Мгновенно потянувшись за телефоном, я нахожу ее номер и нажимаю "Набрать".

— Думаешь, это машина ее парня? — спрашивает Ру, приподняв бровь.

Я скриплю зубами, когда появляется ее голосовое сообщение.

— Не знаю.

— Тебя не волнует, что я только что назвал его ее парнем? — У Ру есть склонность вкладывать юмор во все, и в другое время я бы приветствовал это, но я не думаю, что это то, что он делает прямо сейчас.

— Мне плевать, — усмехаюсь я, снова нажимая кнопку набора.

— Почему ты так внезапно изменил свое отношение? — Ру продолжает настаивать, и он начинает действовать мне на последние гребаные нервы.

Я удерживаю его на месте.

— Потому что я ее гребаный мужчина.

— Хорошо, Тарзан, — шутит Ру.

Взгляд Нечестивца устремлён на Ру.

— Значит, она ушла ни с чем, кроме того, что на ней было надето?

Ру кивает, и я наблюдаю за их разговором, непрерывно нажимая кнопку "Набрать" на телефоне.

После пятого раза я снова опускаю его, чтобы напечатать текст, когда получаю звонок FaceTime с неизвестного номера. Я знаю, кто это, когда неизвестно. Рычание вырывается из моего рта, клокоча от разочарования. Раздражён тем, что Даймонд выбирает сейчас из всех гребаных времён, чтобы беспокоить меня своими гребаными играми. Нажав на видео, оно открывается, указывая на девушку в гладком черном платье, повернутую ко мне спиной. Та же девушка, которую он всегда использует в видео, которые присылает мне. Ее волосы расправлены совершенно гладко, ниспадая на поясницу, но в первую очередь меня интересует не это. Это длинные заячьи уши от полумаски, которую она носит. Ее тонкие пальцы изгибаются сзади, когда он отступает, тишина достаточно громкая, чтобы пронзить мои барабанные перепонки. На этот раз все по-другому.

— Банни. — Его голос теперь медленный, более интимный. Даже с его дурацкой машиной, скрывающей это. — Повернись ко мне, как хорошая маленькая девочка.

— Эй! У меня нет... — Меня наполняет ужас, когда она медленно поворачивается, и бок ее профиля прорезается сквозь объектив. Когда девушка наконец поворачивается ко мне, ее зелёные глаза смотрят на меня сквозь черную кожаную маску, мой гнев берет верх, и мой кулак вылетает через заднее стекло моей машины.

— Блядь! — кричу я, сжимая телефон в руке. Нечестивец и Ру сближаются, но все остальное перестаёт существовать, кроме того, что я смотрю на своём телефоне.

— Ты видишь это, Ройс? Она делает милого маленького кролика, ты не согласен? — Он водит камерой по ее телу, когда она падает на колени, за спиной у неё завязаны верёвки. Ее глаза остекленели, пустые, покорные, когда он нежно проводит пальцем по ее черной маске и по ее маленькому личику. — Я планировал, что все закончится по-другому, но ты просто не могла подыграть, не так ли, Банни? — костюм появляется в поле зрения, когда его рука опускается ниже, к передней части ее груди. Мышцы моей челюсти вздрагивают, мои плечи расправляются, когда неразбавленная ярость закипает на поверхности моей кожи.

Я успокаиваю дыхание, не в силах, блядь, смотреть прямо.

— Теперь ты облажался.

Его смех — это громкое кудахтанье, которое пронзает мои уши и поражает все мои точки гнева на пути наружу. Его лицо появляется в объективе, только на нем лыжная маска, за которой он прячется. — Я рассчитывал на это.

Гнев вонзает свои когти в мою кожу, пока видео продолжает проигрываться. Ее одежда не порвана, черное платье облегает ее крошечную фигурку. Она выглядит одетой для какого-то мероприятия. Мои ладони зудят от пота, меня обдаёт жаром. Я собираюсь убить этого ублюдка.

Я чувствую, как Нечестивец подходит ко мне сзади, чтобы посмотреть видео. Его энергия меняется так резко, что я останавливаюсь, поднимаю глаза, чтобы посмотреть, в чем его проблема. Его лицо бледное, весь цвет отхлынул от кожи. Он сосредоточился на видео, сжав челюсти.

— Господи Иисусе. — Он качает головой, пятясь назад. — Я должен был догадаться.

— Догадаться о чём? — Я огрызаюсь на него, пока видео продолжает проигрываться в моей руке.

— Он трахает ее. — Он зарывается руками в волосы, в отчаянии дёргая их за кончики. — Я должен был знать, — хрипит он.

— Я теряю гребаное терпение, — проскрежетал я, не сводя с него глаз.

Он откашливается.

— Она была в моей берлоге.

Я все ещё зол, кровь стынет в жилах.

— Ты выбрал не ту. Это касается меня. Даймонд забрал ее из-за меня.

Нечестивец решительно качает головой, его поведение смягчается. Я знаю, что он не валяет дурака.

— Она была в моей берлоге. После того, как вы все ушли.

Мой рот захлопывается. Я займусь этим позже, прямо сейчас мы зависим от времени. Мне нужно знать, что, черт возьми, происходит.

— Какого хрена тебе нужно? — говорю я в камеру.

Его смех достаточно громкий, чтобы сотрясти землю у меня под ногами. Мне нужно контролировать свой гнев. Подожди-ка. Держи его, как заряженный пистолет, и стреляй только тогда, когда он будет в пределах досягаемости. Камера движется, и я улавливаю

движение в углу, где свернулась ещё одна девушка. Когда она смотрит в объектив, я сразу же замечаю, что это Слоун. *Какого хрена*. Почему бы ему не взять Слоун с собой? Джейд достаточно, чтобы заставить меня делать все, что он, черт возьми, хочет. Слоун выглядит совсем не так, как Джейд. Никакого платья. Никакой маски. Страх, запечатлённый на ее лице, делает очевидным, что она не пострадала в этом мире.

Почему у Джейд нет такого же выражения страха?

Мой взгляд возвращается к Джейд. Безмятежна. Неподвижна. Мертва внутри. *Все это имеет смысл*. Нечестивец говорит правду. В Джейд есть нечто большее, чем то, что она мне рассказывала, и определенно то, что я знаю. Этот хрен тоже трахался с ней с тех пор, как я ушёл?

— Я собираюсь найти тебя, я собираюсь снять маску и выяснить, кто ты такой, а затем я собираюсь содрать плоть с твоих костей.

— Тск, тск, — говорит он, размахивая пальцем перед камерой. — Ты действительно не должен угрожать, пока у меня есть твоё самое... — Он останавливается позади Джейд, его руки погружаются в разрез ее платья. Я сжимаю телефон в руке, наблюдая за движением под платьем. — Ценное владение. — Его хриплый смех затягивается. — Она милая и мокрая. Как много ты знаешь о своей невинной маленькой герцогине, Ройс? Ты знаешь, что ей требуется определенный уровень боли, чтобы получать удовольствие от того, что ее трахают? — Он встает со своего места и вытирает палец о свой костюм. — И, по общему признанию, именно поэтому я всегда занимаюсь с ней нежной, нежной любовью. Это все игра в пытки. Так что позвольте мне спросить тебя, — говорит он, наконец-то беря в руки камеру. — Ты хочешь поиграть?

— Просто скажи "да", — рычит Нечестивец рядом со мной. Я хмуро смотрю на Нечестивца, который произносит одними губами: — Мы убьём его.

Я возвращаюсь к своему телефону.

— Да, игра начинается. — Я бросаю взгляд на Слива, который смотрит на меня со своего ноутбука, который лежит на капоте моей машины. — Ты понял, где это?

— Это было тяжело. У него были всевозможные коды и анонимная чушь, связанная с его местоположением. Он был хорош. — Слим улыбается мне. — Но мы лучше.

— Ты умный маленький засранец.

Нечестивец открывает пассажирскую дверь, проскальзывает внутрь, когда Слим, Ру, Билли и Фьюри бегут к своим байкам. Сегодняшний день войдет в историю как один из худших дней в гребаной истории. Мне нужно, чтобы Джейд вернулась в целостности и сохранности. Вернется ли она в мои объятия или нет, зависит от того, как все это закончится.

Мы едем по шоссе, а Слим, Фьюри и Флаф катятся за нами. Ру и Фьюри отделились чтобы свернуть в другом направлении, им нужно было настроиться на их местоположение. Воздух между мной и Нечестивцем напряжен. Более напряженный, чем когда-либо. Я достаю свой телефон и нажимаю "Набрать" на Лайоне. Он отвечает на пятом гудке.

— Да? — Я почти слышу удовлетворение в его голосе. Должно быть, сейчас в этом подвале глубокая кровавая баня.

— Джейд в беде. Имеет отношение к Даймонду. Он прислал мне гребаное видео, на котором она была связана и с кляпом во рту, в гребаной маске.

Тишина.

Я продолжаю.

— Оказывается, Нечестивец говорит, что она была в его логове.

— У тебя достаточно людей с собой?

— Да, я думаю. Просто сообщите об этом главе в Неваде. Возможно, они понадобятся, чтобы вклиниться, если дерьмо пойдёт не так. Не знаю, сколько людей у Даймонда на счету.

Лайон хрюкает на другой линии.

— Они уже здесь, почти у здания клуба. Вместе с Нью-Мексико и Орегоном. Айдахо и Техас хотели войти, но я пока сдерживал их. В ближайшие несколько дней в клубе будет много злых ублюдков.

— Хорошо. — Я стискиваю зубы, сдерживая удовлетворение, которое приносит мне это. — Идеально.

— Разберись со своей женщиной. — Голос Лайона хриплый. — И Ройс, не будь с ней гребаным идиотом и не лезь с оружием, готовым разорвать ее на части. Пусть она объяснит.

Я вешаю трубку, не отвечая. Мне не нужен никто в моей голове, когда дело касается Джейд. Она и так занимает все свободное место, которое у меня есть.

— Он прав, — бормочет Нечестивый.

— Заткнись на хрен. Расскажи мне все.

Нечестивец ёрзает на сиденье.

— Помнишь тот день, когда вас всех бросили в мою берлогу?

Да...

— *Мы не должны убегать или сражаться с ним. Что-то подсказывает мне, кем бы ни был этот больной ублюдок, он умён. Умнее даже Шторма, — сказал Орсон, зажимая мяч между ног и передавая его мне.*

Я пожал плечами.

— *Он гребаный человек, чувак. Если мы дадим ему власть сейчас, кто, черт возьми, знает, какое дерьмо он будет вытворять с нами на протяжении многих лет. — Я взмахнул запястьем и выстрелил с трехочковой линии.*

Орсон поймал мой отскок.

— *Я предлагаю прояснить, где мы находимся прямо сейчас, блядь. — Вчера мы должны были уехать из района Залива, блядь, и, хотя я хочу восстать против того, кем бы ни был этот ублюдок, что-то подсказывает мне, что он не тот, с кем ты хочешь трахаться.*

— *За исключением того, что мы играем в азартные игры с Джейд и остальными членами нашей семьи. — Я иду, чтобы украсть мяч из-под обруча, отскакиваю назад, чтобы выстрелить вверх.*

— *Я думаю, что он полон дерьма. — сказал Шторм-самое большее, что он сказал с тех пор, как все это началось.*

Я остановился на полпути.

— *И почему это так?*

— *Почему мы? Почему? Он просто пытается либо убить, либо подшутить над нами. Я говорю, трахнем его. — Он опустил свои авиаторские очки, чтобы прикрыть глаза.*

— *Хорошо, — сказал Орсон, вытирая пот со лба и бросая полотенце обратно на кресло у бассейна. — Мы должны сказать нашим родителям. Они могущественны, давайте воспользуемся этим.*

Застёгивая золотую цепочку на шею, я киваю головой.

— Да, мой папа в своём кабинете. Мы начнём с него.

*— Твой старик прав, — сказал Орсон после того, как мы вышли из его кабинета и направились обратно в мою комнату. Джейд ещё не было дома, что заставило меня нервничать. Я отправил ей быстрое текстовое сообщение, чтобы спросить, во сколько она вернётся, и сказать, что она опаздывает. Через несколько минут она отправила обратно смайлик со средним пальцем. Мои пальцы пролетели над клавиатурой, прежде чем я отправил слово: **соплячка**.*

Я сунул телефон обратно в карман и закинул ногу на стол.

— Да, он не хотел, чтобы мы что-то говорили твоим родителям. Он сказал, что сам с этим разберётся. Я ему доверяю.

— Ты это делаешь? — ровным голосом пробормотал Шторм, открывая свой ноутбук.

— А почему бы и нет? Он мой отец. — Его ответ был странным, но это был Шторм.

Он пожал плечами.

— Я просто не был так уверен.

Орсон взял баскетбольный мяч, который лежал рядом с моей кроватью, и начал крутить его на кончике пальца.

— Так что теперь мы ждём.

— Мы ждём.

Я ничего не помнил. Пустые места заполнили мою память, когда я поднял руку, чтобы коснуться головы. Слеплённый.

— Блядь!

— Рой? — крикнул Орсон откуда-то из глубины комнаты.

— Да, братан. Это я. Шторм?

Шторм грубо хрюкнул у меня за спиной.

— Здесь.

— Вы тоже все с завязанными глазами?

— Да, — крикнул Орсон, и его джинсы зашуршали по земле. — Ты что-нибудь помнишь после того, как был в своей комнате?

— Нет. — натянуто ответил я, мои мышцы напряглись, когда я потянул за ремни на запястьях. — Ничего после того, как заснул. — В конце концов, мы все ворвались в мою комнату, ожидая, когда мой отец “разберётся”.

Руки засунули мне под повязку на глаза, срывая ее. Мальчик примерно моего возраста с широкими плечами и короткими волосами смотрел на меня сверху вниз холодными, отстранёнными глазами.

— Не пытайся ни с чем бороться, — говорит он. — Просто иди с этим, — я отстранился от него, рыча.

— Откуда мне знать, что этот Даймонд не ты?

Нечестивец тупо смотрит на меня. Взволнованный и невозмутимый.

— Потому что я не такой.

— И мы должны тебе поверить? — прорычал Орсон. — Мальчик, сними с моих глаз повязку.

— Я бы послушался его, — сказал я, сплёвывая кровь, которая собирается у меня во

рту. Он подходит к Орсону, снимает повязку с глаз и повязки на запястья, прежде чем переключиться на Шторма.

— Я Ленокс, и я не трахаюсь с ним.

Наконец он вернулся ко мне, снимая тугие верёвки с моих запястий. Я сгибал их по кругу. Громкий треск раздался из динамиков, когда я, наконец, осмотрел комнату. Темные стены, одна кровать, один стул. Ни окон, ни зеркал, одна дверь — с маленьким окошком спереди. Пахло отбеливателем и дорогими духами. Может быть, мы в лаборатории внутри дома.

— Добро пожаловать, мальчики. Поскольку ты решил бросить мне вызов и попытаться бежать, считай это своим предупреждением и наказанием. — Его голос был таким же. Неестественный механический подтекст выдаёт, что, кем бы ни был этот ублюдок, он не хотел, чтобы кто-то знал. — Я собираюсь уморить тебя голодом до последнего дюйма твоей жизни, а затем накормлю тебя всем, чем захочу. Ты будешь делать то, что я скажу, пока ты здесь, или я начну убивать каждого из членов твоей семьи, начиная с Джейда. — Моя кровь снова похолодела. — Вы будете делать все, что я вам скажу, и если вы будете всем обязаны, я освобожу вас на шестнадцатый день с вашими транспортными средствами, вашими потребностями, но не вашим достоинством. От вас потребуется выполнять задания, соответствующие моим потребностям. Все задания должны быть выполнены. Все, что у вас будет, — это вы друг у друга в этом логове. Все, что вы будете видеть, — это друг друга, все, что вы будете трахать, — это друг друга, и все, что вы будете есть, будет друг другом. Если вы будете слушать, то есть, в противном случае, я мог бы быть добр и накормить вас кем-нибудь в моем морозильнике.

Я замер, все мы бродили по комнате, в то время как время от времени наши взгляды останавливались друг на друге.

— Я могущественный человек. Не веришь мне? Когда ты выберешься отсюда — если выберешься — Погугли Даймонд. У тебя появится идея.

Я сжимаю руль, отказываясь заново переживать шестнадцать дней, которые мы провели вместе в том, что Даймонд называл Логовом.

— Что случилось, когда мы ушли? — Мой голос холодный, отстранённый.

Хотел бы я сказать, что мы повиновались ему с той секунды, как нас похитили в Логове, но, черт возьми, конечно, мы этого не сделали. Однако он выполнил все, что обещал. В некотором смысле, я думаю, именно поэтому мы вчетвером создали ещё более прочную связь. Мы ушли на шестнадцатый день, но Нечестивый остался. Его освободили только двадцать первого числа, вот почему у нас такой напряженный гребаный разговор. Я был в полном дерьме после того, как все это случилось. Лайон спас меня. Я мог бы потерять себя в тот день, когда вошёл в Патч, но вместо этого я нашёл себя. Новая семья. Я все равно попробовал терапию, потому что был молод и только что вышел из детского клуба миллионеров. Это был ответ на все взросление. Что-то, с чем твои родители не могут справиться? Отправляйся к шикарному психотерапевту, который высосал бы карманы твоих родителей досуха, заставляя тебя чувствовать себя колоссальной дрянью. Тебе не нужна терапия, когда ты рядом с людьми, которые не заставляют тебя чувствовать себя одиноким, сумасшедшим или облажавшимся из-за того, что ты пережила то дерьмо, которое было.

Нечестивец откашливается. Я уже знаю, что мне не понравится все, что выйдет из его уст. Но мне, как любителю боли, нужно знать. Мне нужно знать каждую гребаную деталь.

— Ты хочешь сделать это сейчас? — говорит Нечестивец, когда я двигаюсь вперёд, набирая скорость. Мотоциклы въезжают и выезжают в зеркале заднего вида, быстро догоняя.

— Да, я, блядь, хочу. Просто не могу обещать, что не разобью эту чёртову машину и не убью нас обоих.

Нечестивец не отвечает. После секундной тишины — долгой долбаной паузы — слова, которые я не хотел слышать, вылетели из его рта.

— Он заставил меня сделать с ней такое дерьмо. Привёл ее в свою Берлогу по тем же правилам. Сказал, что она была свежим мясом... — Он делает паузу, и моё дыхание учащается. Пульсация в моей голове только усиливается, моя ревность поднимает свою жирную гребаную голову. — ... от которого только он откусил кусочек. — Я теряю контроль, сворачиваю на другую полосу и падаю, набирая скорость. — Брат, я хочу, чтобы ты знал, что у меня не было выбора.

Я слышу насторожённость в его голосе. То, как его голова двигается из стороны в сторону, наблюдая за дорогой и за мной. Дорога и я.

— Продолжай, черт возьми, брат. — Мне нужно взять себя в руки, если у меня есть хоть какой-то шанс пережить эту историю, когда я знаю, что меня ждёт. Я знаю Даймонда и то, как он, блядь, действует. Возможно, я не знаю, кто этот человек за маской, но я знаю его черты. Его вкус. Мысль о том, что Джейд связалась с ним, делает меня чертовски кровожадным. Одно слово продолжает мелькать у меня в голове в чёртовом неоновом свете.

Сожаление.

Нечестивец не сдерживается.

— Она вошла в костюмных брюках и гребаном лифчике. Ее волосы были аккуратно причёсаны, макияж на месте. Она...

Я вмешался:

— ... чтобы быть ясным, не говорю, что ты знал, потому что ты, очевидно, не знал, но ей было черт пятнадцать. — Я пристально смотрю на него через руку. — Пятнадцать, Ленни!

У Нечестивца бесстрастное лицо, которое могло бы покорить Лас-Вегас, но, бросив ему его настоящее имя, он дёрнул щекой.

— Я не знал. — Он качает головой, проводя своей большой рукой по волосам. — Блядь! — Он несколько раз ударяет кулаком по моей кожаной приборной панели. — Блядь! — Я никогда не видел, чтобы Нечестивец терял самообладание. Никогда. Он знаменит тем, что сохраняет спокойствие и собранность. В отличие от остальных нас, свихнувшихся ублюдков.

— Это не твоя вина, — выдыхаю я, нуждаясь в том, чтобы он продолжил, но не желая, чтобы он винил себя. У Нечестивца когда-то была младшая сестра, он знает, как это бывает. Он никогда бы по доброй воле не трахнул несовершеннолетнюю девушку. История с младшей сестрой играет большую роль в том, почему ему не нравится, когда люди называют его Ленни.

Он прочищает горло, и я знаю, что остальная часть истории выйдет болезненной.

— Она вошла. Одета в маленькую маску кролика и кучу дерьмового макияжа. Она не выглядела на гребаные пятнадцать.

Я изучаю его через плечо, наконец-то сбавляя скорость.

— Имело бы это значение? Ты бы не взял несколько выходных... — Я делаю паузу, зная, что не должен туда лезть, но мне нужно, чтобы довести свою мысль до конца. Мне

нужен Нечестивец на сто процентов, когда мы будем воевать, и это будет катаклизм. — ...ее жизнь — . Я не хотел произносить ее имя. Черт, если бы это была Джейд, я бы задушил голосовые связки у любого, кто хотя бы выдохнет ее имя.

Он вздыхает, его поражение тяжело повисает в воздухе.

— Да. Как бы то ни было, она вошла. Он приказал ей сделать со мной такое дерьмо, а мне с ней. Он сказал мне, что я должен трахнуть ее, как будто она была любовницей. Это было странно, но ничего нового из того дерьма, через которое нам пришлось пройти.

Я фыркаю.

— Да, а как насчёт того, чтобы на этот раз по-настоящему трахнуть девушку? — Бросив это в открытую в первый раз, я почувствовал неловкое напряжение в пространстве, между нами, но мне было плевать. Я больше не давал этой пизде доступа к моему стыду.

— Брат, то, что произошло между всеми нами там, ни хрена не значит.

Злая перетасовка.

— Дело не в этом. Я имею в виду, не секс. Я, блядь, не гей...

Мои руки поднимаются вверх.

— ...и я тоже! Но мы с тобой оба знаем, что секс есть секс.

Нечестивец прикусывает нижнюю губу. Я издевался над ним. Никто из нас не прикасался друг к другу добровольно после того, что он заставил нас сделать в Логове. Мы все чувствовали себя униженными. Сам по себе акт был труден для переваривания, потому что это не мое сексуальное предпочтение, но это не то, что заставляло всех нас чувствовать себя оскорблёнными. Дело было в том, что у нас отняли выбор. Мы больше не были самими собой. Мы построили L'artisaniant для двух целей. Ну, если быть честными, то трех.

Первым и самым важным было отобрать деньги у богатых ублюдков и положить их в карман подпольной анонимной группы маргиналов, которые собирались вскрывать торговлю детьми в США. Это было что-то, к чему был близок Нечестивый с тех пор, как его сестру похитили. Она не была ребёнком, но была молода, как Джейд. Правительство, похоже, ни хрена не делает, но эта группа гражданских лиц вскрыла швы в некоторых из самых печально известных дел не только в США, но и в Европе. Получение доступа к файлам, видеоматериалам, фотографиям и раскрытие всего через их веб-сайт при одновременной защите личности детей. Никто не знает, кто они такие. Никто. Даже мы, и мы их финансируем.

Второе-привлечь Даймонда и его сексуальные методы. Никогда, блядь, не получалось. Он никогда туда не заходил. Имена людей, которые входили, всегда отправлялись Анониму, который проверял их записи. Всех, кто проходил через L'artisaniant, что было в их досье, мы передавали им. Это была сеть для сексуальных хищников.

Третье — это наши собственные сексуальные потребности. У всех нас четверых сексуальный голод на одном уровне, только вкусы разные. Мы такие эгоистичные ублюдки. Все, что происходит в L'artisaniant, с согласия взрослых. Используя эксклюзивный секс-клуб для привлечения сексуальных хищников, мы унижали их, а затем, кроме всего, деньги возвращались в карманы группы, которая боролась с ними, которая затем распределяла средства среди людей, которых они спасли.

Нечестивец игнорирует меня.

— Это продолжалось вплоть до моего отъезда. Он заставил меня тренировать ее, сказал, что именно поэтому я не должен был уезжать, когда вы все это сделали. Сказал, что если я попытаюсь уйти, он убьёт... — Он делает паузу. — Поппи. — Это был первый раз, когда я

услышал ее имя с тех пор, как он впервые рассказал мне историю своей сестры и как он оказался с Даймондом.

Поппи было четырнадцать, когда она встретила Даймонда.

Ей было пятнадцать, когда она умерла.

Нечестивец думал, что она умерла, когда ей было четырнадцать, но это было совсем не так. История Поппи и ее последний год жизни были гораздо более зловещими, чем это. Когда Нечестивец узнал, что она все ещё жива, ей было пятнадцать лет. Он пытался спасти ее. Со всем, что у него внутри. Он не смог.

— Поэтому я сделал то, что он хотел, и Джейд, казалось, по большей части соглашалась с этим. Я всегда буду честен с тобой, Ройс. Я сразу подумал, что она работала с Даймондом, и именно поэтому ей разрешали входить и выходить. Всегда выглядела хорошо. За ней хорошо ухаживали. Носила самую дорогую одежду и никогда не снимала маску. Никогда не говорила. Мы никогда не разговаривали друг с другом, и я думаю, что мы оба предпочитали именно так.

— Что вы делали вместе... — Я сворачиваю на следующий поворот, проверяя, что братья все ещё позади меня.

— Все.

— Он отпустил меня после того, как сказал, что я закончил ее обучение, и сказал мне, что Поппи уже мертва и что... — Он снова делает паузу, и я знаю, что следующее, что он скажет, будет больно. Гнев окутывает следующие слова, которые слетают с его губ. — Сказал, что *она* была нашей последней едой.

Моя кровь стынет, мои конечности леденеют. Я снова набираю скорость и двигаюсь вперед, нуждаясь в этом, чтобы действовать. Мне нужно почувствовать запах крови в воздухе и звук раздавливаемой плоти.

— Прости, брат.

— Сегодня гребаный день, — шепчет он, но я не смотрю на него, желая позволить ему уединиться.

— Сегодня тот самый день.

— Ройс, — говорит Нечестивец, как раз когда мы сворачиваем на одну из задних улочек, которая ведёт в жилой комплекс, расположенный на углу перекрёстка в городе.

Я поднимаю на него глаза. Этот большой ублюдок, у которого отняли сердце в тот день, когда умерла его сестра, и теперь он ходит как оболочка человека, которым он был раньше.

— Да? — Я знаю, что убил бы за него. Умер за него. Я знаю, что не могу злиться на него за то, что произошло между ним и Джейд, или за то, что он трахнул ее в L'artisaniant. Во всяком случае, это приносит своего рода покой. Мог бы кто угодно трахнуть ее в той Берлоге с Даймондом, и я предпочёл бы, чтобы это было он. Даже если это заставит меня захотеть убить их обоих. Два человека, за которых я бы умер, заставляют меня хотеть убить их обоих.

Хотя меня чертовски беспокоит, что она явно знала, кто такой Нечестивец. Если она скрывала это от меня, то, черт возьми, что ещё она прятала в этом рукаве.

Нечестивец качает головой.

— Будь с ней осторожен. Ты не представляешь, как глубоко она увязла.

Я сжимаю ручку дверцы машины.

— Да, я, блядь, знаю.

Jade

Хорошо придуманная ложь будет продолжать жечь кончик вашего языка ещё долго после того, как вас накормят правдой.

Мои пальцы подёргиваются, мой мозг движется со скоростью, которую могла бы проглотить улитка. Мой язык прилипает к верхней части рта, как губка, отчаянно нуждающаяся в воде или какой-либо жидкости. Ледяная кока-кола утолила бы мою жажду на уровне, которого сейчас не могла бы достичь даже вода.

— Джейд? — Слоун хрипит сбоку, и я поворачиваюсь к ней лицом. Она лежит в белом платье, противоположном моему черному, но в том же стиле. Ее волосы выпрямлены, падают ей на спину, в то время как мои собраны в волны, спадающие выше моей задницы. На моих ногах красные каблуки, заострённые и блестящие. У неё то же самое.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, но слова вываливаются, как нагромождение букв, не желающих оставаться в прямой строке.

Она кивает, садясь на застеленной кровати, застеленной простынями из египетского хлопка.

— Что происходит? Я чувствую себя одурманенной...

— Так и есть, — шепчу я, уже зная, в какой комнате нахожусь. Жилой комплекс в центре города. Он принадлежит Джеймсу, но вместо обычных арендаторов, которые есть в большинстве комплексов, его дом занимает несколько этажей. Их двенадцать, и на каждом уровне их занимает кто-то, пропитанный злом. Я встречал зло в своей жизни, и все это время оно было прямо здесь, на цокольном этаже этого комплекса. Один политик, другой инженер-программист, другой, я подозреваю, работает в какой-то тайной юридической области. Когда Джеймс проводит мероприятие каждый месяц, он размещает покупателей в комнате. Некоторые из них повторяются, некоторые новые. С годами торговля людьми усилилась, но то, что предлагает Джеймс, — это то, за что не многие могут ухватиться.

Молодые, красивые, а иногда и девственницы.

Молодые.

Молодые.

— Я знаю каждый уголок и каждую дыру в этом месте, — говорю я Слоун, опускаясь перед ней на колени и кладя руки на них. — Я вытащу тебя отсюда.

Слезы наворачиваются в уголках ее глаз, когда она, пошатываясь, поднимается на ноги.

— Что это за место?

Я беру ее руку в свою.

— Это жилой комплекс прямо в центре города. — Потому что Джеймс был умён. Он не вёл свои дела в грязном здании. Он взял то, что, как все думали, они знали как торговля людьми, и усовершенствовал это, поместив прямо в центре города, прямо за углом от полиции Лос-Анджелеса. Они никогда бы об этом не догадались. Умный или глупый, или сочетание того и другого. Я никогда не могла решить, но одно было точно: Джеймс Доу был

тираном.

Беру обе ее руки в свои.

— Слушай меня очень внимательно, Слоун. — Я не слышу, стоит ли кто-то прямо за дверью или собирается войти. Стены звуконепроницаемые, окон нет. Просто квартира с одной спальней, оборудованная всем, что вы найдёте в любой квартире. Ничего необычного. В комнате есть кровать, комод, большой телевизор и кое-какая повседневная одежда. Комната выглядит обжитой, как и все они, но они не такие.

Цель Комплекса-чистый ужас, несмотря на очевидную роскошь. Все изменилось. Торговля людьми выглядит уже не так, как раньше. Эти люди повысили свой уровень. Они прячутся за нормальностью, поэтому никто не видит ничего необычного. Это то, что делает его сейчас намного более опасным.

— А как насчёт тебя? — спрашивает она, сжимая мою руку.

Дверь позади меня открывается, и входит правая рука Джеймса, руки в карманах пиджака.

— Пришло время. — Я улыбаюсь Слоун, надеясь хоть немного развеять ее страх, но чувствую себя обманщицей. Я не знаю, что будет дальше. Все, что я знаю, это то, что мне нужно спасти ее любой ценой. Она не просила об этом. Быть здесь, смешанной с этим миром. Она здесь из-за меня.

Я поворачиваюсь, стараясь встать перед Слоун и поднять глаза на Айзека.

— Как долго мы отсутствовали?

В первый день, когда я встретила Айзека, мне было пятнадцать лет.

Мои бедра болели. Я не хотела двигаться. Я не хотела выходить из машины и входить в этот гребаный дом. Я знала, что меня ждёт, ещё одна пытка. Ещё больше жестокости. Все, чего он хотел, — это причинить боль самым мягким способом. Почему? Я не была уверена. Почему он так старался превратить мою жизнь в сущий ад, я никогда не узнаю. Он наказывал меня или кого-то другого через меня?

Я хотела, чтобы это закончилось.

Я поймала свое отражение в зеркале заднего вида машины. Он был без маски, но я могла видеть только его глаза. Темным путём они перемещались, пока не наткнулись на меня. Трудный. Одичавший.

Мужчина на заднем сиденье рядом со мной прервал мой пристальный взгляд.

— Он выпустит тебя, когда ты выполнишь свои задания. — Машина остановилась у небольшого коттеджа примерно в часе езды от того места, где я жила, мужчина рядом со мной открыл заднюю дверь, распахнув ее. Я покорно следовала за ним, пока не оказалась на подъездной дорожке. Вокруг нас не было других домов, полностью огороженных высоким проволочным белым забором и кустарниками, которые обеспечивали дополнительную уединённость.

— Как тебя зовут? — сказала я мужчине, который вёл меня через парадную дверь коттеджа.

— Айзек — Он был примерно в возрасте Джеймса. Более сильные, длинные, широкие плечи и крой в военном стиле. Я мало что знала о том, что делал Джеймс, но по мере того, как проходил каждый час с того момента, как он впервые коснулся меня, я начала понимать, что, что бы он ни делал, это было зло, а чтобы творить зло, нужно окружать себя злом, поэтому Айзек был плохим человеком.

Совсем как Джеймс.

Айзек продолжал вести меня по длинному коридору. Дом был пуст, внутри не было никакой мебели, но пахло свежестью.

Его рука подошла к дверной ручке, где он осторожно сжал ее, его золотой "Ролекс" поймал тусклый свет, который висел над нашими головами от хрустальной люстры.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Делай, что он говорит, Джейд. — Затем он распахнул дверь и втолкнул меня внутрь, где я упала на колени. Дверь за мной захлопнулась, мои глаза обежали комнату.

Тёмная кровать. Черные простыни. Окна нет. Запах отбеливателя был достаточно сильным, чтобы сжечь волосы у меня в ноздрях.

Кто-то вышел из тени в углу, его тело было широким, челюсть квадратной. На мгновение мне показалось, что он, красив, пока я не поняла, что смотрю на труп.

Я промолчала. Никто из нас не произнёс ни слова. Все, что я знала, это то, что у меня была своя задача, которую я должна была выполнять каждый день, пока я была там, и меня забирали только после того, как она была выполнена.

Я не знаю, почему.

Я, вероятно, никогда не узнаю и не пойму, почему Джеймс хотел, чтобы мы с ним сделали то, что сделали. Когда я впервые встретила Нечестивца, я сразу узнала его. Сначала я беспокоилась, что он заметил меня, но он этого не сделал. Он прикасался к каждому дюйму моего тела, трахал меня во всех местах, где только можно трахнуть человеческое тело, но он не узнал меня.

Я не думаю.

Айзек находится в пространстве, которое занимает лифт, весь воздух отсасывается из небольшого помещения. Айзек говорил мало, но когда говорил, то делал это целенаправленно. Я всегда задавалась вопросом, почему или что должно было с ним случиться, чтобы сделать его злым, или, может быть, он был таким же, как Джеймс, и родился таким. Цифры на лифте идут вниз.

11.

10.

9.

8.

7.

6.

5.

4.

Пока мы не достигнем нулевой точки.

А потом мы опускаемся все ниже.

Символ, который появляется на номере лифта, был простым, но сам вид света вызывал во мне чувства, которые я пыталась подавить.

Превосходно.

Металлические двери раздвигаются, и Слоун дышит у меня за спиной медленными, глубокими вдохами.

Я поворачиваюсь к ней лицом, когда Айзек выходит, ожидая нас.

— Расслабься, хорошо? Все будет хорошо. — Когда я оборачиваюсь, на меня мгновенно обрушивается поток воспоминаний за прошедшие годы и образов тех времён, когда я

ступила сюда. В комнате темно, вдоль стен стоят кожаные скамейки с сиденьями. Под сиденьями есть оранжевые светодиодные фонари, освещающие в остальном туманную атмосферу. Бар находится в центре комнаты по кругу, и во всех четырёх углах огромного пространства расположены платформы с окружающими их белыми светодиодными лампами. Этапы очень важны. Это место, где они выставляют девушек напоказ. В течение ночи было три показа, всего двенадцать девушек. Из двенадцати по крайней мере одна будет девственница.

Не каждую девушку продают за секс, это торговля людьми. Это может быть рабство, секс, любовницы, ад — это может быть все, что захочет покупатель. Есть мужья и жены, которые тоже приходят вместе. Есть люди, с которыми вы могли бы посидеть рядом в церкви в воскресенье, которые пришли бы на шоу.

Лицо бармена закрыто тканью вокруг рта, скрывающей его личность, так как люди разбросаны вокруг общаясь. Так они общаются. На заднем плане играет мягкая, навязчивая музыка, орган, на клавиши которого нажимают слишком сильно. Это напоминает мне об океане и о пиратах Карибского моря. Это напоминает мне о Дэви Джонсе и его сундуке.

Я начинаю идти к занавесу, где, как я знаю, находится Джеймс, когда рука Айзека касается моей руки, останавливая меня.

— Тебе не нужно будет возвращаться туда сегодня вечером.

Я смотрю на его руку, прежде чем вернуться к его лицу.

— Почему? — Страх наполняет мои кости задолго до того, как я задала вопрос, земля уходит у меня из-под ног. Если случится то, о чем я думаю, то я не смогу помочь Слоун. Ни капельки. Ее единственный способ сбежать был через эту занавеску и в комнате экстренного спасения Джеймса.

Глаза Айзека вспыхивают, но прежде, чем я успеваю уловить это, оно исчезает.

— Ты знаешь почему, Джейд.

— Знаю? — шёпотом спрашиваю я. — Я лучше умру. — Выдернув свою руку из его хватки, я разворачиваюсь и бегу к занавесу, оставляя Слоун позади. Сейчас она будет в большей безопасности здесь, пока я не выясню, что планирует сделать Джеймс. Распахнув занавеску, комната пуста. Войдя внутрь, я внимательно осматриваюсь. Черное кожаное кресло, телевизионные мониторы, поднос с виски и горящая сигара, лежащая в стеклянной пепельнице.

Развернувшись, чтобы схватить Слоун, чтобы мы могли убежать, я врезаюсь Джеймсу в грудь, и как раз в тот момент, когда я собираюсь закричать, он вонзает мне иглу в изгиб шеи, и все становится черным.

Я вернулась к тому времени, когда меня привезли сюда в первый раз, только все по-другому. Это кажется знакомым, в то время как шёпот призраков от предыдущих людей витает в пространстве.

Я стояла на коленях. Ожидая, что Джеймс собирается сделать. Однако я не могла выбросить образ девушки из головы. Это беспокоило меня. Я не знала почему, но это было похоже на то, что позади меня было зеркало, и я смотрела на свое отражение.

— Джейд. — Вошёл Джеймс, голый с головы до ног, когда оранжевые светодиодные лампы мягко осветили комнату из-под сидений. Бар находился в центре. Где в этой комнате сидело несколько мужчин. Может быть, это была более интимная область того, что там происходило.

Мужчины различаются по целому ряду признаков: одетые, толстые, худые, молодые. Зачем им здесь быть?

Я поворачиваюсь лицом к Джеймсу, когда он сжимает в руке свой большой член.

— Покажи им, как ты сосёшь член.

Я обхватила его пальцами по всей длине, борясь с желчью, подступавшей к горлу. Я не хотела этого делать. Я знала, что должна это сделать. Моё тело и душа оттолкнулись друг от друга, но я продолжала качать его. Когда я не открыла рот, прижимаясь к его гладкой коже, его рука ложится мне на затылок и направляет меня на кончик. Липкая соль прилипла к моим губам, как клей, когда я раздвинула их, полностью принимая его в рот.

Слезы навернулись у меня на глаза. Он украл все первые подарки, которые я должна была подарить кому-то, кого любила. Кто-то, кто заставлял меня чувствовать то же, что и Ройс, только не так запретно. Каждый раз, когда он входил мне в рот, дыра в моем сердце расширялась все шире и шире.

Когда он, наконец, закончил, он развернул меня и стянул мои трусики с моей задницы сзади. Мои глаза обратились к мужчинам, которые были здесь. Один из них стоял сейчас, его рука была спрятана под поясом брюк.

Ещё один сидит, широко расставив ноги, и потирает дрожащий живот. Его палец кружил по кнопке, а глаза стали пьянящими. Другой оставался пассивным. В углу было тихо, но я могла слышать его ворчание отсюда.

Последний был в той же позе, его взгляд был прикован к моему. Я заметила, что это был Айзек, и не знаю, понял ли он это, но я видела, как побледнели его черты. Казалось, его сейчас стошнит.

— Она была девственницей, и ей все ещё только пятнадцать. Но не волнуйтесь, — говорит Джеймс, покрывая нежными поцелуями мой затылок. Мой желудок сжался и завертелся, как торнадо, угрожая вырвать все из моего живота. Не прикасайся ко мне так, блядь. — Она прошла свое обучение, и мальчик, который ее обучал, был великолепен.

Мои руки отяжелели, глаза слипаются. Мои волосы спадают спутанными прядями по бокам плеч, мои мышцы подёргиваются каждый раз, когда я двигаю руками. Я смотрю вниз, на землю.

Кап.

Кап.

Кровь медленно капает, ударяясь о блестящие черные плитки. Я снова пытаюсь поднять руку, чтобы остановить ослепляющие меня белые огни. Все как в тумане.

Я подношу руку к лицу, но делаю это медленно. Мебель и люди сливаются воедино, образуя неразличимые фигуры. Там четыре бармена, но я думаю, что есть только один. Я дрожу, моя кожа открыта голодным взглядам. Я хочу хоть что-то сделать. Кричать. Найди Слоун, но я, кажется, не могу пошевелить конечностями, кроме как встать и развернуться, как безвольная Барби. Глубоко в животе у меня голод, но я не знаю, почему. Чем дольше я бодрствую, тем сильнее стучит у меня в голове, пока мне не приходится зажмурить глаза, чтобы успокоиться.

Наконец, мне удаётся взглянуть на свои руки, точки следуют с внутренней стороны локтей, но кровь идёт не оттуда. Там свежий порез, который проходит от локтя до запястья. Это выглядит плохо.

Мне все равно. Мне нужно что-то, что угодно, чтобы снять эту головную боль, чтобы

мне стало хорошо.

— Эта следующая девушка — мой падший кролик. Некоторые из вас могут ее узнать, — голос Джеймса пульсирует в динамиках. — Я хорошо знаю, сколько из вас положили на неё глаз за эти годы, так что ее начальная ставка составляет пятьсот.

Зелёный огонёк вспыхивает в углу, когда кто-то ещё просит.

— Пять-ноль-восемь. — Гортанный смех Джеймса разносится по комнате.

Мои глаза закрываются.

Кап.

Кап.

Выстрел! Позади меня раздаются громкие выстрелы, но я не могу пошевелиться. Краем глаза я вижу, как все в комнате резко меняется. Люди разбегаются, вероятно, направляясь к запасному выходу.

Мне кое-что нужно.

Цвета сливаются воедино в темноте, прежде чем мышцы на моих ногах онемеют, и я падаю, земля становится все ближе и ближе к моему лицу. Боль в голове теперь невыносима, как зазубренные когти, вонзившиеся в кашницу моего мозга. Пули сыплются на меня, когда я переворачиваюсь на спину. Вопли, драка, и стекло разлетается вдребезги, рассекая воздух. Я готова умереть.

Тень появляется передо мной, когда руки подхватывают моё тело, поднимая меня с земли. Моя голова нависает над его руками. Я не могу собраться с силами, чтобы поднять ее.

Занавес отодвигается, когда меня осторожно опускают на диван в комнате.

Компьютерные мониторы.

Сигара исчезла из стеклянной пепельницы.

Теперь передо мной другая тень, не та же самая, и я поднимаю глаза, чтобы найти худые руки, выцветшие джинсы и кожаную жилетку

— Слим?

Его взгляд опускается на меня, его брови изогнуты в беспокойстве. Он опускается передо мной на колени, когда я пытаюсь сесть с дивана.

— Нет, Джейд. Оставайся там. Нам нужно защитить тебя.

Я хватаюсь за полированную кожу его жилета, его жилет далеко не такой потёртый, как у Ройса, и притягиваю его к себе.

— Где Ройс? Со мной что-то не так.

Его глаза-бусинки устремляются на мою руку.

— Он впрыснул в тебя героин. Просто пережди это, хорошо?

По мере того, как проходят минуты, осознанность распространяется по всему моему разуму, и я постепенно обнаруживаю, что могу немного больше сосредоточиться. Головная боль все ещё есть, но уже не так сильно. Теперь я начинаю чувствовать жжение в руке, открытую рану, которую мне нужно будет перевязать.

Как только я, наконец, заставляю себя сесть, входит Нечестивец, неся Слоун, его лицо искажено и оживлено. Он злится. Одичавший.

Светлые волосы Слоун в грязи, со лба стекает кровь. Я мгновенно вскакиваю с дивана, как будто обретаю второе дыхание.

— Слоун!

Нечестивец укладывает ее на диван, где была я, ее лицо бледное и неподвижное. На ней трусики и лифчик, белые, а на мне черный, как и на наших платьях. Ее Валентинки все еще

обмотаны вокруг лодыжек.

Я смотрю на Нечестивца.

— Что случилось?

Он качает головой, его взгляд остаётся жёстким и пассивным на ее обмякшем теле.

— Она жива, я думаю, она упала в обморок.

Как только он произносит эти слова, она шевелится, ее глаза открываются навстречу моим.

— Джейд?

Я разрыдалась, не в силах сдержать эмоции, которые взрываются во мне.

— Слава богу!

Занавес снова открывается, и на этот раз входит Шторм, его глаза безумны, пока он не находит меня. Они скользят вверх и вниз по моему телу, осматривая меня, прежде чем он предпримет необходимые шаги, пока я не окажусь на расстоянии вытянутой руки. Притянув меня к своей груди, он целует меня в голову.

— Все почти закончилось.

Я хотела бы, чтобы это было правдой, но у меня нет сил сказать ему, что это ни за что не закончится. Что Джеймс пробежал бы через аварийную дверь и через свой коридор и, вероятно, был бы уже почти на частной взлётно-посадочной полосе. Я нахожу красную дверь инстинктивно.

— Это невозможно, — вздыхаю я, шмыгая носом от насморка.

Как только я произношу эти слова, в аварийной двери появляется Орсон, его широкие плечи занимают все пространство. Его глаза встречаются с моими и смягчаются, прежде чем перейти к Шторму.

— Уведите отсюда девочек.

— Что? — Я разрываюсь между ними двумя. — Почему?

Орсон качает головой.

— Ты не должна быть свидетелем того, что должно произойти.

Я расправляю плечи, сжимая кулаки. Жжение в моей руке усиливается. Я знаю, что мне нужно быстро ее очистить, пока она не превратилась в огонь и не проникла инфекция.

— Он ушёл! Туда! — Я указываю на дверь, через которую только что вошёл Орсон. — Это его выход. Только я знаю, где это, и именно поэтому он объявляет о продажах отсюда, и, если бы он не прошёл через свой секретный выход, он бы воспользовался общественным, который... — Айзек входит в дверь позади Орсона, его костюм испачкан пятнами крови. Сначала я думаю, что это потому, что они причинили ему боль, пока он не станет Злым.

— Джейд, Орсон прав. Тебе не следует быть здесь.

— Что происходит! — Я кричу, разочарование действует мне на нервы. — И где, черт возьми, Ройс?

— Ройс идёт. Но сейчас тебе нужно выйти через главный выход и забрать свою подругу. Мои друзья будут входить через эти двери через тридцать минут, а этого времени недостаточно, чтобы сделать то, что должно произойти.

— И что же это такое? — Я срываюсь.

Айзек пристально смотрит на меня.

— Создание самоубийства.

Я оглядываюсь на них всех, когда Ройс наконец появляется у того же аварийного

выхода.

— Какого хрена!

Он отказывается смотреть на меня. Я вижу это по тому, как он смотрит на Нечестивца.

— Ройс, — хриплю я и ненавижу себя за то, что чувствую себя уязвимой. Тишина только злит меня еще больше, и мои ноги начинают нести меня к двери, где он находится. Кто-то тянется к моей руке, чтобы остановить меня, но Ройс качает головой, чтобы уйти.

Я пихаю его.

— Скажи, о чем ты думаешь! — Я чувствую, как нарастает боль в груди. Годы жестокого обращения, лишение меня невинности и выбора — ничто по сравнению с настоящей агонией, когда Ройс отвергает меня так, как я сейчас.

Он по-прежнему не смотрит на меня.

— Иди приведи себя в порядок. Мы поговорим позже.

Реальность впивается в меня своими уродливыми ногтями, проникая по краям моего позвоночника.

— Ты думаешь, я была с ним *добровольно*? — Я снова толкаю его, когда он не отвечает. — Ты, ублюдок! Ты думаешь, я хотела, чтобы твой отец насильовал меня каждый чёртов день после того, как ты ушёл?! — В комнате мгновенно похолодало. Я не раздумывала дважды над словами, которые вылетели из моего рта, потому что я поняла, что они знали.

— Джейд, — рычит Айзек, его рот сжат в тонкую линию.

— Пошёл ты! — Я огрызаюсь на Айзека, поворачиваясь обратно к Ройсу.

Его лицо бледно, но не так, чтобы он выглядел слабым. Его глаза становятся почти черными, а зрачки расширяются.

— *Что ты только что сказала?* — Вены на его шее пульсируют под чернилами, его мягкие губы скривились в оскале. Прежде чем я успеваю остановить его, он разворачивается и направляется обратно к выходу.

— Ройс! — кричит Нечестивец, бросаясь вперёд, чтобы преследовать его.

Я уже бегу по длинному выходу, пока не врезаюсь в спину Ройса, укрытого в темноте туннеля. Он ведёт на улицу на другом конце города. Я смотрю вниз на то, на что он смотрит, и моё тело напрягается.

Джеймс связан, его маска все ещё скрывает лицо, а руки и ноги связаны.

Мой рот открывается, но потом я захлопываю его. Весь мой мир рухнет, и я знаю, что, скорее всего, потеряю Ройса навсегда, но он должен знать. Я устала от секретов, и я устала жить в тени другой жизни, которая была навязана мне.

Ройс наклоняется, его палец зацепляется за маску, когда он снимает ее. Мои глаза закрываются как раз в тот момент, когда он отшатывается от шока.

Джеймс Доу, он же Кайл Кейн. Я не могла контролировать то, что он делал со мной все эти годы, поэтому решила сменить его имя. Джеймс Доу — мужской эквивалент Джейн Доу. Что может быть лучше для его имени, чем имя бездушного тела.

— Господи, блядь! — Руки Нечестивца опускаются к его волосам. — Совсем не то, что я подозревал.

Лицо Кайла спокойно, глаза закрыты. У него синяки на щеке и разбитый нос, но я знаю, что он не мёртв. Я вижу это по тому, как поднимается и опускается его грудь.

Ройс падает на землю, его рука подносится ко рту, голова трясётся. Медленно он

поднимает на меня взгляд, его глаза остекленели, а лицо исказилось от боли.

— Я... — Он сглатывает, его глаза закрываются, когда все больше шагов раздаётся по бетонному туннелю из подвала комплексов.

— Ройс, — тихо говорю я, слезы текут по моему лицу. Теперь я потеряла чувство в руке, но это кажется неуместным, когда человек, которого я люблю, свернулся калачиком после того, как только узнал, что его отец — пресловутый Даймонд Кей, человек, скрывающийся за маской худших сделок по торговле людьми и наркотикам в Соединённых Штатах Америки со времён девятнадцатого века. Кто-то берет меня за руку, но я не отрываю глаз от макушки Ройса.

— Я не работала с ним.

— Я знаю, — наконец хрипло говорит Ройс, вставая на ноги и направляясь ко мне. Его пальцы опускаются мне на затылок. — Но... — Он не может подобрать слов, но его глаза говорят о многом. Они стреляют через моё плечо, и он качает головой. — Она должна быть частью этого. Больше, чем кто-либо другой. — Он поднимает меня на руки и прижимает к своей груди, неся обратно тем же путём, которым мы пришли. — Приведи этого ублюдка с собой.

Jade

Отомстить или простить. Это два слова, которые лежат по обе стороны весов, когда вы решаете, куда вы собираетесь добавить свой вес. Я много думала об этом дне. Я мечтала об этом. Я и не надеялась, что это когда-нибудь произойдёт, потому что я полагала, что Ройс мёртв, а если бы Ройс был мёртв, никто другой не спас бы меня.

Не Орсон.

Не Шторм.

Не я сама.

Айзек придвигается ближе к тому месту, где я сижу, откинувшись на спинку дивана. Слим забрал Слоун по приказу Нечестивца, и единственные люди здесь—это я, Айзек, Ройс, Орсон, Шторм и Нечестивец. Есть и другие мужчины, разгуливающие в коридорах, которых я не знаю, охраняющие занавес.

— У тебя пятнадцать минут, Ройс, — хрипит Айзек.

Ройс снимает рубашку и жилет, шлёпая отца по лицу тыльной стороной ладони. Сейчас я не узнаю эту сторону Ройса. Это ужасно.

— У меня есть вопросы. Проснись, черт возьми.

Кайл приходит в себя, его веснушчатая кожа в синяках, и его глаза находят Ройса.

Ничего.

Пусто.

Затем медленно уголки его губ приподнимаются в ухмылке.

— Цк, цк, значит, кот вылез из мешка. — Затем его внимание переключается на меня, и его улыбка исчезает. — Жаль, что ты все ещё жива, Банни.

Руки Ройса тянутся к горлу отца спереди.

— У меня есть пятнадцать минут, чтобы покончить с твоей жизнью. — Ройс наклоняется, пока его губы не находят ухо Кайла. — Но мне нужен только одно. — Он отстраняется. — Итак, ты собираешься рассказать мне все, и ты собираешься сделать это сейчас.

Кайл переводит взгляд на Ройса.

— Так много всего нужно тебе рассказать, так мало времени. Как насчёт того, чтобы ты отвёз меня куда-нибудь ещё, чтобы мы могли это обсудить. Желательно куда-нибудь, туда, где также будет присутствовать Лайон.

Ройс оглядывается через плечо на Айзека.

Айзек пожимает плечами, указывая на Кайла.

— Если вы уберёте его с этой сцены, никто никогда не узнает, кто такой Кей Даймонд. Там не будет никакого освещения. Никакого суда. Он не привлечёт внимания средств массовой информации, и это скрыто. По сути, та ярость, которую ты чувствуешь, сторит, и тогда все, что у тебя останется, — это грязное дерьмо, которое он оставит на твоих руках, малыш. Вы могли бы убить его здесь и сейчас, и моя команда проведёт это, но вам придётся жить, не зная, что он скрывает, или вы можете забрать его и пятно, которое

остаётся от его убийства.

Ройсу не нужно дважды думать, он вставляет сигарету в рот и поджигает кончик.

— У меня достаточно пятен, чтобы нарисовать гребаную картину Хелен Франкенталер, Айзек. Я выберу первый вариант.

Мы возвращаемся в клуб немного позже, Шторм использует это время, чтобы очистить серверы, которые показали причастность Волчьей Стаи. Юридически это будет выглядеть как кровавая бойня, но в разгар ее Шторм сказал, что ему удалось превратить это во что-то другое.

На мне жилет Ройса, который ниспадает до верхней части бёдер, когда я поднимаюсь по лестнице, ведущей в здание клуба, мои тяжёлые каблуки стучат по тротуару. Поворачивая налево, пятна крови Бонни все ещё видны на земле, и моё сердце снова сжимается, не в силах сдержать боль от потери ее. То, через что я прошла сегодня — помимо убийства — это то, через что я постоянно прохожу с Кайлом, так что с годами это онемело.

Смерть Бонни — это что-то новое, свежее, и жало ее смерти все ещё обостряется везде, куда бы я ни повернулась.

Я толкаю дверь и захожу внутрь, тихо всхлипывая, надеясь, что никто не услышит.

— Джейд? — говорит Карли с верхней площадки лестницы, роняя кухонное полотенце, которое она держала в руке, и бросаясь вниз по лестнице. Ее рука обнимает меня, когда она ведёт меня обратно вверх по лестнице. Я теряю себя. Рыдания, которые сотрясают меня, сдавливают грудь и калечат кости. Волны всепоглощающей боли ударяют меня по лицу, когда якорь сжимается вокруг моего горла, затягивая меня все глубже и глубже в бездонные глубины нечестивой воды. Моё горло сжимается так сильно, что я с трудом дышу, как раз когда входит Кара и обхватывает меня рукой за спину с другой стороны.

— Давай, девочка. Мы приведём тебя в порядок. — Я хочу сказать им спасибо, и что я хочу побыть одна, но я не могу собраться с силами, чтобы оттолкнуть их. Они просто смотрели, как умирает их лучший друг. Я сомневаюсь, что они хотят связываться со мной.

Кара толкает дверь в комнату Ройса, открывает ее и направляет меня в его ванную, включая душ до жара. Рыдания прекратились, моё лицо неподвижно. Я чувствую себя замёрзшей, мои глаза мертвы. Спектр эмоций, через которые я прошла за последние несколько часов, мне незнаком.

Мне кое-что нужно.

Что-нибудь, чтобы снять напряжение.

Кара открывает шкаф в ванной, когда Карли поворачивает мою руку.

— Нам нужно все это убрать, прежде чем ты пойдёшь в душ. Я думаю, кровотечение прекратилось, но мы можем наложить на него несколько швов в виде бабочки.

Кара наконец находит аптечку первой помощи, и я слабо слышу, как она роется в припасах.

— У неё отходняк, — шепчет Карли Каре.

Кара застывает.

— Нет, она не долбаная наркоманка, Карли!

— Я этого не говорила! — огрызается Карли. — Но ты забываешь, через что я прошла. Она... отстраняется.

— Я буду в порядке, — говорю я дрожащими губами. Я тянусь за антисептическими салфетками, но мои руки дрожат. — Черт. — Я знаю, что достаточно сильна, чтобы

преодолеть эти волны. — Это первый раз, когда он сделал это.

— В первый раз? — говорит Карли, не сводя с меня глаз и вслепую протягивая руку за салфеткой. — Ты пройдёшь через это очень быстро... — Холодное жжение пронзает мою плоть, когда она смахивает микробы. — У меня тёмное прошлое. Я могу сказать вам сейчас, что один раз будет лучше, чем тысяча. — Я молчу, не желая ни разговаривать, ни болтать, ни что-либо делать. Во рту у меня пересохло, как вата, конечности обмякли.

— В душ!

Карли ведёт, и я смотрю на свою руку, чтобы убедиться, что она идеально наложила швы в виде бабочки. Сняв жилет Ройса с моего полуобнажённого тела, Карли складывает его и кладёт на прилавок.

Кара подходит ко мне сзади и расстёгивает мой лифчик, прежде чем снять трусики и помочь мне принять душ.

— Мальчики скоро вернутся, хорошо? Ройс вернётся после того, как они сделают то, что должны были сделать.

Они обе начинают мыть меня, начиная с моих волос, до моего тела, обратно к моим волосам, все время соблюдая осторожность вокруг моей раны. Одна из них открывает кран и оборачивает меня тёплым пушистым полотенцем, когда я выхожу из душа.

— Кара приготовила для тебя кое-какую одежду.

Я беру жилет в руку, нуждаясь в том, чтобы он был рядом со мной, когда мы возвращаемся в комнату.

Я замираю, когда вижу, что Ройс сидит на кровати, закрыв лицо руками.

Кара и Карли переглядываются, кивают и уходят, закрыв за собой дверь. Я сжимаю жилет Ройса в пальцах, оставаясь на месте.

— Он в задней части. Готов выложить все свои секреты. — Его голос напряженный, слабый. Я делаю шаги, которые мне нужны, чтобы дотянуться до него, опускаюсь на колени и прижимаю палец к его подбородку, так что он смотрит прямо на меня. Видеть его очевидную боль — все равно что получить пулю прямо в сердце. Его глаза остекленели, ресницы влажные.

— Рой, это я.

Его глаза на секунду расширяются, мышцы лица расслабились.

Я кладу его жилет себе на бедра и подношу обе руки к его лицу. Я наклоняюсь вперёд и прижимаюсь губами к его губам.

— У тебя есть свой момент, но будь со мной.

Я наблюдаю, как первая слеза скатывается с уголка его глаза, и он шмыгает носом.

— Мне, блядь, пришлось уйти. Я не мог остаться... Ты... он использовал тебя! Все это было ложью. Игра. Он... — Его глаза становятся безумными, а плечи расслабляются. Он выдыхает, качает головой и опускает ее между плеч. — Он был моим гребаным *отцом*, Джейд.

— Хей. — Я снова подношу руку к его щекам, мой большой палец скользит по его нижней губе. — Посмотри на меня, — говорю ему, стиснув зубы. — Теперь ты здесь. Теперь мы вместе. Мы пойдём туда, он все нам расскажет, а ты мне все расскажешь, а я, тебе и... — Я замолкаю, поднимаю его жилет и опускаю на его твёрдые плечи. — ...Мы разберёмся с этим вместе. — Как только его жилет снова на нем, его рука обнимает меня за талию, и он тянет меня к себе на колени.

Обхватив его сзади за шею, я провожу кончиком носа по его носу.

— У нас есть это.

Он целует меня в губы.

— Переоденься. — Его тело напрягается подо мной, его глаза становятся жёсткими. Не для меня. Но для Кайла. — Папино время истекло.

Роусе

Если бы белый шум был чувством, это было бы то, что шевелится внутри меня прямо сейчас, когда я смотрю вниз на человека, которого я боготворил всю свою гребаную жизнь. Воспоминания проносятся в моем мозгу, когда он наблюдает, как я расхаживаю взад и вперед по лужайке за домом, только каждый раз, когда возникает воспоминание, я представляю все то, что он сделал с Джейд — то, о чем я знаю.

— Где Лайон? — он спрашивает, но это не тот тон, к которому я привык. Он звучит по-другому.

Я не отвечаю.

Нечестивец, Орсон, Шторм и Джейд позади меня, и я почти чувствую, как она вливает в меня мужество. Она не просто моя опора, она весь мой гребаный мир. Я знал это с самого первого дня. Моя жизнь началась с неё, и она закончится вместе с ней.

— Дай-ка я угадаю. — Кайл смеётся. — Он наносит удар по картелю... — Его глаза встречаются с моими. — За исключением того, что это не они убили маленькую старую Бонни, это был я.

Я останавливаюсь.

— Что?

— Ну, видите ли, я убил их Капо, а затем совершил ваше фирменное убийство, прежде чем нанять пару идиотов, чтобы они обстреляли ваш комплекс. Я начал войну между вами обоими. На самом деле, это было для того, чтобы вернуть Джейд...

Мой кулак летит прямо ему в лицо, пока кровь не забрызгивает меня.

— Ты не должен произносить ее имя. — Обхватив пальцами кожаную рукоятку своего ножа, я подношу кончик к его горлу, чуть ниже уха. — Эта точка давления прямо здесь, это тихое место убийства. Если ты нажмёшь достаточно сильно... — Я слегка поворачиваю нож, но отступаю. — Это убьёт тебя, высосав твою кровь в течение нескольких часов. Но я не убью тебя вот так. Это мирный способ умереть.

— Почему? — Я слышу, как Лайон спрашивает у меня за спиной, и я потрясён, услышав его. — Почему?

Лайон придвигается ближе, пока не оказывается перед Кайлом.

— Мы знали, что это ты. Картель, мы все это знали. — Лайон жестом указывает себе за спину. — Ты видишь мальчиков в передней части дома? Все, что нужно было сделать, — это взять штурмом твой маленький большой комплекс. Это было не из-за войны картелей. — Я ухмыляюсь Кайлу, пятясь назад.

— Но, видишь ли, — говорит Лайон далее:— Ты в затруднительном положении, потому что всем нам обязан. Ты взял что-то у каждого из нас, кто стоит здесь сегодня. — Лайон садится на стул напротив Кайла, но достаточно близко, чтобы дотянуться до него. — Почему?

Кайл перевёл взгляд на Лайона.

— Она была моей лучшей.

— Кто это был? — спрашивает Лайон, и я вижу, что его терпение на исходе. Если он ещё раз, блядь, произнесёт имя Джейд, я воткну свой нож в центр его черепа. К черту игру в пытки.

Рот Кайла кривится, обнажая его окровавленные зубы.

— Оливия. Сноу.

Лайон вскакивает со стула, хватая Кайла за воротник и рывком поднимает на ноги.

— Что ты сказал, ублюдок?

Твою мать. Я встаю между ними двумя, дёргаю Кайла обратно на стул, пристально глядя на Лайона.

— Я понимаю, брат, понимаю, но нам нужно разделить это, по справедливости.

— Дело больше не только в Бонни, — говорит Лайон, пристально глядя на Кайла. — Он имел какое-то отношение к Оливии.

— Кто, черт возьми, такая Оливия? — Я говорю, в то время как все молчат на заднем плане. Хороший выбор. Лайон в таких эпизодах никогда не заканчивает красиво. Его глаза, наконец, встречаются с моими.

— Моя старая леди.

Его слова встают на свои места, и я поворачиваюсь лицом к Кайлу.

— Достаточно. О чем, черт возьми, он говорит?

Кайл улыбается мне, его глаза перебегают с меня на Лайона. Он наслаждается болью, которую причиняет нам сейчас.

— Я расскажу тебе все, что ты захочешь знать, в конце концов, все, что у меня есть, — это секреты.

— Почему? — Я срываюсь. — Зачем всю жизнь изображать идеального отца, чтобы превратиться в злодея?

— Оливия Сноу была моей первой леди и единственной леди до Джейд. — Мне приходится сжать кулак, чтобы не придушить его. Услышав ее имя, слетающее с его мерзких губ, я испытываю всю сдержанность, которой у меня уже *нет*. Кайл продолжает. — Она была у меня с тех пор, как она была маленькой девочкой, затерянной в этом мире, но всего на несколько лет моложе меня.

— Оливия никогда по своей воле не пошла бы рядом с тобой, — рычит Лайон, и теперь Нечестивец стоит с другой стороны от него, удерживая. Я что-то здесь упускаю.

— Ну. — То, как губы Кайла изгибаются над его зубами, заставляет меня фантазировать о том, чтобы выбить их все начисто. — Она так и делала, пока все не стало зловещим, и она не увидела, насколько я был по-настоящему злым. Но к тому времени было уже слишком поздно. Это было слишком. *Поздно*.

— Что ты с ней сделал? — напряженно спрашивает Лайон, его тон понижается до ледяного уровня.

— Я? Ничего. — Кайл бросает взгляд на Джейд. — И все же она?

Мы все поворачиваемся к Джейд, которая смотрит на нас всех в шоке.

— Я не знаю, о чем он говорит.

Я вижу честность. Мы обещали друг другу честность.

Кайл фыркает.

— Вы все так быстро указываете на чёртову вину. Не она, то есть она убила Оливию, ну, не совсем. — Я наблюдаю, как уголок его рта приподнимается в ухмылке, а глаза устремляются на Лайона. — Скажи мне, тебя не удивляло, почему глаза Джейд показались

тебе такими знакомыми?

О чем, черт возьми, он сейчас говорит?

Лайон застывает.

— Что, черт возьми, ты говоришь?

— Она твоя дочь, Лайон. Оливия была беременна, когда ушла от тебя. Беременна и пыталась, блядь, сбежать.

Лайон встаёт со стула и отшатывается назад.

— Ты лжёшь, ублюдок.

Какого хрена.

— Я действительно не вру. Пройди тест, но я уверен, что он тебе не понадобится, когда ты помотришь в эти глаза. — Резкий звуковой сигнал становится все громче и громче в моих ушах. — Я позволил Оливии увидеться с тобой, потому что к тому времени, когда она влюбилась в тебя, у меня были другие планы и я строил Комплекс. Я был занят, ты трахал ее правильно и делал ее счастливой, и мой вкус становился все более и более придирчивым, когда дело доходило до возраста. Ты держал ее подальше от моих запросов, но ты не должен был делать ее беременной. — Я провожу ладонью по щеке, честнее, чем я ожидал.

— Что? — Дрожащий голос Джейд, наконец, прорывается, подходя ближе к Кайлу, но моя рука взлетает, останавливая ее от приближения. — Что, черт возьми, ты имеешь в виду, Кайл? Ты сказал мне, что меня бросили у твоего порога.

— Ну, черт возьми. — Глаза Кайла вылезают из орбит. — Наверное, я искусный лжец?

Я скрежещу зубами, откладывая эту информацию на потом.

— Почему? Зачем выгонять меня из города, и Орсона, и Шторма!

В небе раздаётся глухой раскат грома, когда я чувствую, как первая капля дождя касается кончика моего носа. Запах убийства и влажного асфальта — пьянящая комбинация этой ночью.

Кайл не колеблется.

— Чтобы увести тебя подальше от Джейд. Я знал, что ты будешь проблемой, как только понял, что вы оба любите друг друга. Я не мог допустить, чтобы ты забрал то, что принадлежало мне по праву. *Она моя.*

Я щелкаю ножом между пальцами и вонзаю его ему в бедро. Наклонившись и положив свободную руку ему на другое колено, я придвигаюсь ближе, пока мой нос почти не касается кончика его носа.

— Она никогда не будет твоей. Возможно, тебе и удалось увести меня от неё, но это моё имя, которое она шептала ночью перед сном, и это моё имя она кричит, когда я у неё между бёдер, и это моё имя выгравировано в ее сердце. Все, что ты сделал, это поимел судьбу. — Я оставляю нож там, отталкивая его.

— Ты сделал это со всеми нами, чтобы увести нас подальше от Джейд... — повторяет Шторм, как будто ему нужно, чтобы слова проникли в его мозг. — В этом есть смысл.

Кайл обнажает зубы, и я вижу боль, которая вспыхивает на его лице от моего ножа.

— Она собиралась стать лучше, чем когда — либо была Оливия, и на короткое мгновение она была...

— ... пока я не вернулся, — ухмыляюсь я Кайлу, занимая место, на котором сидел Лайон, прямо напротив него.

— Хм, — хмыкает Кайл. — Почему это случилось?

Я наклоняюсь вперёд.

— Потому что ты не можешь играть с судьбой.

Jade

Лайон — мой отец, а моя мама умерла. Мои настоящие родители. Люди, которых я не думала, что когда-нибудь узнаю. Я не могу ничего поделать, но ловлю себя на том, что изучаю каждый дюйм лица Лайона, когда он не смотрит. Украдкой бросаю на него взгляды, когда могу. Мне больше нет дела до Кайла и зла, которое существует в нем. Я провела слишком много лет, будучи тронутой и обласканной этим, что теперь, теперь, когда он в нашей власти, я не хочу к нему приближаться. Я так много раз желала этого дня на протяжении многих лет, но теперь, когда он здесь, наконец, смотрит мне прямо в глаза, мне больше не интересно. Задетая откровением о том, что мой биологический отец слишком увлекателен, это все, что я хочу знать. Я хочу знать о нем все.

К черту Кайла.

Усталость затягивает меня все глубже и глубже в себя, но я не уйду. Не потому, что мне нужно увидеть насилие, которое вот-вот произойдёт, потому что я честно этого не делаю, а потому, что я пообещала Ройсу, что буду здесь, буду стоять рядом с ним, несмотря на все это. Я в долгу перед ним и перед собой, чтобы быть тем человеком для него.

— Ты вернулся за ней? Как мило. — Кайл хихикает. Ройс по большей части был терпелив. — Ты послушался меня! — рычит Кайл, его глаза пылают гневом. — Ты собирался заплатить за это!

— Я, блядь, действительно послушался тебя. — Ройс начинает разрезать одежду Кайла, пока его рубашка не распахивается, обнажая грудь, прежде чем разрезать штаны. Как ни странно, приятно видеть, что Кайл на этот раз выглядит таким беспомощным. За все годы, что я терпела его издевательства, это единственное, на что он никогда не показывал.

Бессильный.

Я хочу задать вопросы. Например, что Ройс имеет в виду, говоря, что он выгнал его, Орсона и Шторма из города, и кем на самом деле была моя мать, но я уже знаю, что мне бы не хотелось, чтобы какой-либо другой взгляд на мою мать исходил не от Лайона.

Эти вещи могут подождать.

— И почему? — спрашивает Кайл, наблюдая за Ройсом.

— Почему я вернулся? — спрашивает Ройс, отступая назад и пристально глядя на Кайла. Он поднимает голову. — Потому что тут Джейд.

— Псих! — кричит кто-то позади нас, и мы все поворачиваемся, чтобы посмотреть, кто это.

Ру подбегает, наклоняется к уху Ройса, чтобы что-то прошептать, каждые несколько секунд его глаза останавливаются на мне.

Ройс выдвигает стул и садится, а Ру исчезает там, откуда пришёл.

— Как насчёт того, почему ты все это сделал?

Когда Кайл не отвечает, Ройс поднимает ногу и опускает ее на свой нож, который торчит из ноги Кайла.

Кайл взвывает, морщась. Он переводит взгляд на Ройса, слюна капает у него изо рта, губы кривятся.

— Почему, что? Я говорил тебе. Джейд была моей.

Ройс хмыкает, прежде чем наклониться вперёд, вытащить нож из бедра и вонзить его в руку.

— Последний шанс. — Ройс наклоняется, и я перестаю дышать.

— Он сделал это, потому что он плохой человек, Ройс. Вот и все. — Я делаю шаг к нему, моя рука опускается ему на плечо. Знала ли я, что это правда? Нет. Собиралась ли я позволить Ройсу взять на себя хоть какую-то вину за то, что его отец был больным, извращённым монстром? Тоже нет. Я кладу другую руку ему на другое плечо и наклоняюсь, не сводя глаз с Кайла, который наблюдает, как мы с Ройсом прижимаемся друг к другу. — Иногда люди просто плохие. Нет никакой причины, по которой они плохие, или нет определяющего момента, который заставил их сорваться, иногда они просто злые.

— Хммм, — говорит Кайл, ёрзая на стуле. День превращается в ночь, в то время как облака сливаются в небе. Моё сегодняшнее изнеможение очень велико. — Если бы только это было так просто.

Глаза Лайона устремляются на меня.

— Следовало бы заметить это раньше. Как сильно ты на неё похожа. — Ошеломлённая его признанием, я ловлю себя на том, что спотыкаюсь о слова, которые хочу сказать.

Спасибо тебе? Я сожалею?

Я смотрю на Кайла.

— Что с ней случилось?

Кайл сплюнул кровь изо рта, глядя на меня из-под ресниц.

— Она, скажем так... исчезла без следа.

— Бу... — Громкий взрыв раздаётся в передней части здания клуба, и я падаю на землю, звук проникает и выходит из моих ушей. Частицы пыли падают вокруг нас в серых облаках дыма. У меня стучит в висках, болит кожа. Кто-то тяжёлый навалился на меня сверху, крича и вопя вдалеке. Я не слышу, что кто-то говорит из-за резкого звона в ушах, но я думаю, что это что-то вроде: “Беги!”

Jade

У меня болит все тело. Каждый раз, когда я двигаюсь и мои мышцы сокращаются. Морщась, я встаю с дивана, который находится в здании клуба, и провожу руками по лицу. Если бы и был момент, когда я уже устану и измучаюсь, это был бы он.

— Эй, — говорит Кара, протягивая мне горячую кружку и садясь напротив меня. Я дую на жидкость и улыбаюсь.

— Спасибо. — Отсутствие всего тестостерона очевидно. — Где все? — спросила я.

Кара ёрзает на стуле.

— Они отправились за Кайлом.

— Он сбежал? — Я визжу, ужас впивается в меня когтями.

Кара выдыхает, кивая с извиняющейся улыбкой на лице.

— Он сделал это. Кто-то взорвал ворота, и, пока мальчики отвлекались, чтобы убедиться, что ты и другие в безопасности, он убежал. Ройс сказал, что его верёвки все это время были развязаны, и что он мог убежать в любое время, но он хотел быть там. — Она делает паузу, и я ставлю свою чашку на кофейный столик перед собой, не в силах ничего переварить прямо сейчас. — Он кажется действительно плохим.

— Кайл? — спрашиваю я. — О, он намного хуже этого.

Входная дверь открывается, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть, как в неё входит Слим с автоматом на груди.

— Все ещё ничего.

Я стону, наклоняясь вперёд и массируя виски.

— Ты никогда не найдёшь его, если он не захочет, чтобы его нашли.

У Слима в кармане звонит телефон, и он достаёт его, отвечая. Я все ещё ошеломлена информацией о том, что Кайл на свободе и ждёт, чтобы убить нас, когда ему заблагорассудится.

Слим протягивает мне свой телефон, и я беру его, поднося к уху.

— Да?

Тишина.

— Ты в порядке?

Я прочищаю горло.

— Не совсем. Где Слоун?

— Она спит в комнате Нечестивца наверху. Мы найдём Кайла, и на этот раз я просто убью его. У тебя все хорошо с этим, или ты хочешь помочь?

Я делаю паузу, мои пальцы сжимают телефон.

— Я думаю, что могу отказаться от этого, Рой. — Я не смогла сдержать саркастический тон в своём голосе.

— Я просто спрашиваю, потому что у меня такое чувство, что ты больше, чем кто-либо другой, принимала его больную чушь, и он забрал твою маму.

Я обдумываю его слова. Он прав. Наверное, так оно и было. Я не уверена, что моя мама переживала бы из-за него, но я думаю, что это было бы примерно то же самое. Если не больше.

— Это не я, Рой. Ты можешь с этим справиться, но ты проверил, как там наша мама?

— Да. Она просто думает, что он уехал в одну из своих многочисленных деловых поездок. Она что-нибудь знала?

Я качаю головой, хотя знаю, что он меня не видит.

— Нет. Она понятия не имела.

— Что ж, будем продолжать в том же духе.

— Ты мог бы просто сказать, что его подводная лодка затонула или что-то в этом роде, — шучу я, откидываясь на спинку дивана.

— Что? Его подводная лодка?

— Он владел компанией по производству подводных лодок. Как ты мог этого не знать?

Тишина.

— Я многого не знал. — Я не уверена, было ли это оскорблением для меня или нет. Я знаю Ройса, и, хотя у меня нет никаких сомнений в том, как он относится ко мне, я также знаю, что он будет очень расстроен из-за меня, когда все это закончится. Во-первых, я должна была сказать ему с самого начала. Я точно знаю, что это будет большая драка. Я и так уже опустошена. — Где стартовая площадка?

— Ну, это и есть самая сложная часть.

— Выкладывай, герцогиня, я действительно не в том гребаном настроении.

— Это на военно-морской базе. Вы не сможете войти внутрь без его карточки доступа или военного билета.

— Остайся в здании клуба. Я серьёзно, Джейд. Не смей уходить, блядь, отсюда.

— Хорошо. — *Что за очередная ложь.* — Будь осторожен, пожалуйста?

Он не отвечает, кладёт трубку и оставляет меня сидеть с нервной пульсацией глубоко в животе.

Кара встаёт с дивана.

— С ними все будет в порядке. Поверь мне.

Дело в том, что доверие может быть нарушено.

Ройсе

Мы попали на военно-морскую базу достаточно легко, благодаря Лайону и его связям, картель был более чем счастлив помочь нам быстрее решить эту проблему, узнав, кто такой Кей Даймонд на самом деле и его связь с Оливией. Человек в маске. Каждый раз, когда я вспоминаю разговоры между ним и мной, я начинаю злиться, что ничего не понял. Ничто из этого, кажется, не имеет смысла, и прямо сейчас у меня нет ясности, чтобы расшифровать что-либо из этого.

Четыре грузовика самых смертоносных ублюдков, которых я знаю, и все это для мужчины, с которым я вырос.

Папе.

Блядь.

Лайон останавливает машину у стартовой станции, нажимает на аварийный тормоз и смотрит на бесконечный океан. Нечестивец и мальчики, которые катались с нами, начинают выбираться из машины, оставляя Лайона и меня наедине впервые с тех пор, как появились откровения.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Я знал твоего отца в средней школе. — Он сделал вдох и выдохнул. Я хочу прервать его и спросить, как, и почему, и какого хрена? Но я этого не делаю. Ещё нет. — Он был моим лучшим другом. Это был он, я, пара других мальчиков и Дженни Смит.

— Ты не подумал сказать мне об этом? — говорю я, раздражённый тем, что мой чёртов президент скрыл это от меня.

— Я собирался рассказать тебе, но мы с Кайлом решили, что чем меньше ты знаешь, тем лучше, когда речь заходит о его истории. Он разыграл это, не желая, чтобы вы знали его тёмное прошлое. Чушь, очевидно. — Его глаза встречаются с моими, и я вижу, как морщинки беспокойства изгибаются, когда следующие слова срываются с его губ. — Все, что я делал, было для того, чтобы защитить тебя, сынок. Не больше и не меньше.

Я киваю головой, потому что доверяю ему. Я верю, что даже если бы он солгал мне, я верю, знаю, что он сделал это с правильным умыслом в глубине души.

— Мы все были лучшими гребаными друзьями. Ты, Нечестивец, Орсон и Шторм напомнили мне о том, что было у всех нас. Только наша история была немного более суровой, чем ваши школьные истории. Дженни и Кайл были парой в школе. Они рано влюбились друг в друга и оставались такими до той самой ночи, когда она умерла. Кайл любил эту девушку больше, чем кого-либо и что-либо за всю свою жизнь.

— Что случилось?

Лайон фыркает, постукивая пальцем по бедру.

— Однажды вечером мы пили на вечеринке. На окраине. По всей дороге росли деревья и был сыпучий гравий. Музыка была громкой, слышался смех. Дженни сидела на коленях у Кайла, потому что мест не хватало. Я не справился с управлением, перевернул машину и врезался в дерево. Дженни умерла на руках у Кайла. Он так и не оправился от этого. Я думал,

он обидится на меня, но он никогда этого не делал. Никогда. Все это время он готовил какое-то отвратительное дерьмо, чтобы отомстить мне. Он впустил Олли в мою жизнь, а потом убил ее, я ни хрена в этом не сомневаюсь. — Лайон лезет в карман и достаёт свой кожаный бумажник, открывает потёртый футляр и протягивает мне фотографию. — Поэтому, когда мы войдём туда, мы убьём его. Ты понимаешь? К черту ответы. Я закончил с разговорами.

Я внимательно изучаю фотографию. Женщина так похожа на Джейд, что мне почти хочется ударить Лайона за то, что он не уловил сходства. Ее тёмные волосы, квадратная челюсть и припухшие губы. Я думаю, что она выглядит знакомой, но все, что я могу сказать, это то, что сейчас она похожа на Джейд. Фотография старая, с явным обесцвечиванием, портящим их улыбки.

— Да, вас понял. — Я возвращаю ему фотографию. — Ты думаешь, он не просто так наставил Оливию на твой путь?

Он хихикает.

— Просто чтобы он мог оторвать ее от меня.

— Не отвечает, какого хрена он так упорно тащил меня за собой в ад.

— Может быть что-то такое же простое, как его ревность к Джейд, или это может быть что-то более зловещее. — Его рука тянется к ручке, распахивая дверь. — Что бы это ни было, у тебя есть около четырёх секунд, чтобы понять это, прежде чем я начну.

Найти его корабль было достаточно легко, так как в этой гавани стояла только одна подводная лодка. Дверь открыта, лестница ведёт вниз, наши снайперы расставлены по всем четырём углам подводной лодки.

Мой телефон вибрирует.

Если вы на базе, мы сейчас на пути туда. Получил наводку. Если вы ещё этого не сделали, сделайте это сейчас и уходите.

— Это был Айзек, — говорю я Лайону, передавая ему. — Нам нужно действовать быстро.

— Ты говоришь это так, как будто мы сейчас не ведём за собой армию.

Подводная лодка вся из серого стального металла, с компьютерами, выстроившимися вдоль узкой дорожки к задней части машины. Нечестивец и ещё несколько парней стоят позади нас с Лайоном, но я не вижу ничего, кроме гребаного красного.

Ничего.

Протискиваясь через заднюю дверь, Кайл сидит в передней части корабля, поворачиваясь в кресле лицом к нам.

— Ну, как раз когда я думал, что ухожу...

Мой взгляд упал на его брюки, где сквозь ткань сочилась кровь.

— Кто помог тебе добраться сюда? — Рывкаю я, поднимая пистолет и стреляя ему в правую руку, прежде чем он успеваешь пошевелиться.

Кайл рычит от боли, Лайон подходит к спинке его сиденья, прижимая нож к его горлу.

— Почему ты забрал у меня Оливию?

— Он этого не делал, — говорит голос позади нас, и мы все поворачиваемся, чтобы увидеть, как входит пожилая женщина с темными волосами и зелёными глазами. На ней белый костюм, волосы собраны в тугий пучок на макушке.

Лайон падает навзничь, его руки раскинуты в стороны.

— Олли?

Оливия идёт вперёд, не сводя глаз с Лайона.

— Мне очень жаль, Лайонел. У меня... у меня не было выбора.

— Ты та женщина, которая велела мне пойти в бар в тот день... — рассеянно шепчу я.

Срань господня.

Оливия поворачивается ко мне лицом. Видеть ее перед собой—это как пощёчина. Она слишком похожа на Джейд, чтобы я мог спокойно забрать ее жизнь, если она будет трахаться с Кайлом в команде.

— Я также приношу извинения за взрыв. Мы должны были вытащить его оттуда, прежде чем вы все его убьёте.

— Откуда, черт возьми, ты взялась? — Кайл кипит, сплёвывая на землю.

— Она была со мной, — говорит другой голос, и девушка, которую я не узнаю, проходит мимо парней. Она невысокая, миниатюрная, с круглым личиком и глазами, как у лани. У неё тёмные волосы на макушке и светлые на концах, а голубые глаза такие же капризные, как океан. Я не знаю, кто она, и не узнаю ее.

Девушка поворачивается лицом к Нечестивцу.

Я в замешательстве смотрю то на неё, то на Нечестивца.

— Эй, старший брат...

Я замираю.

Рука Нечестивца поднимается к ее лицу, смаргивая слезы, которые подступают к уголкам его глаз.

— Поппи?

— Это я. — Она улыбается ему, и я вижу, с каким обожанием она относится к Нечестивцу, когда она утыкается лицом в его руку. — Я объясню позже.

Она поворачивается лицом к Кайлу, расправляя плечи и скривив губы.

— Возможно, вы этого не знаете, мистер Кей, но все эти годы... — Поппи обходит его, в то время как Оливия остаётся рядом с Лайоном. Вероятно, чтобы убедиться, что он не убьёт Кайла. Вся эта ситуация—полный пиздец.

— Послушай! — Я огрызаюсь, мне чертовски надоела эта задержка. — Мне нужна гребаная кровь, так что всем вам придётся подождать, пока я закончу, а потом вы сможете носить его органы в качестве ожерелья. У нас все хорошо?

Поппи непонимающе смотрит на меня.

— Вы, должно быть, Ройс. — Того, как она это подтверждает, достаточно, чтобы я замолчал. Как будто она знает обо мне больше, чем я хочу, чтобы она знала. — Она много говорила о тебе.

— Кто? — кричу я, сжимая кулаки по бокам.

— Я, — шепчет Джейд с порога, и я стремительно разворачиваюсь, оскалив зубы от гнева.

— Я, блядь, говорил тебе! Что я сказал, Джейд? Я сказал, чтобы ты держала свок задницу в гребаном клубе, чтобы я мог справиться с этим дерьмом!

Джейд прочищает горло, делая шаг ко мне, в то время как ангельская улыбка остаётся пассивной на ее губах.

— Я люблю тебя. Ты ведь знаешь это, верно?

— Что ты делаешь? — говорю я раздражённо. Если бы я не любил ее так чертовски сильно, я бы всадил пулю между ее хорошенькими глазками, просто чтобы избавиться от своих страданий. Она всегда была причиной моей боли, но вокруг этой проблемы у нас была

совместная жизнь.

— Как я уже говорила, ангел работал с тобой в течение многих лет. — говорит Поппи, поворачиваясь лицом к Кайлу.

Кровь отливает от лица Кайла, его кожа бледнеет. Я все ещё стою здесь, блядь, ошеломлённый тем, что, черт возьми, я упускаю.

— Я, — объявляет Джейд, как будто она чертовски пуленепробиваема. Она подходит ближе к Кайлу, и моя рука взлетает, чтобы соединиться с ее рукой.

Она поворачивается ко мне лицом.

— Рой, за эти годы я пережила больше, чем ты думаешь. Позволь мне разобраться с этим. Пожалуйста.

В моей груди происходит внутренняя борьба, которая сжимает мою грудь. Я, который хочет защитить ее любой ценой и никогда больше никого к ней не подпускать, а тут ещё и другая сторона. Та сторона, которая осознала за последние несколько дней, насколько она выросла. От руки моего отца она перенесла боль, страдания и потери, и это только из того, что я знаю. Я знаю, что ей ещё так много нужно мне рассказать. Но с этой болью и страданиями пришла стойкость.

Я отпустил ее руку, сжав другой кулак так крепко, что полумесяцы оставили шрамы на моих ладонях.

— На протяжении многих лет я освобождала девушек, — объявляет Джейд, расправляя плечи. Лайон делает несколько шагов ко мне, оставляя девушек на передовой. Мы держимся сзади, как голодные волки, ожидая, когда наши альфы скажут, что пришло время кормления.

У меня это хорошо получается.

Джейд продолжает.

— Первой девушкой, которую я освободила, была Поппи. Увидев ее в первый раз, когда ты привёл меня, я свернулась калачиком в углу и плакала. Я сразу поняла, что не допущу, чтобы моё участие в твоей жизни было напрасным. Я бы использовала это во благо.

Господи Иисусе, твою мать, я хочу выебать из неё все это хорошее прямо сейчас.

Джейд наклоняется, ее руки лежат по обе стороны кресла.

— Ты думал, что ты такой умный, Кайл. Но среди всего этого ты, казалось, забыл одну вещь.

— И что это такое? — огрызается Кайл, и я наблюдаю, как поражение исчезает из его глаз.

— Я была твоим слепым пятном. Ты приучил меня сидеть, как комнатную собачку, что я и сделала. Я боролась с большим чувством вины внутри себя, но всегда есть одна вещь, которая перевесит жестокое обращение, и это сила, которую я создала. Я хотела отомстить. Я хотела помочь этим девочкам. Итак, одну за другой я освободила их ещё до того, как они поднялись на подиум. Я бы хотела спасти их всех, но я всегда сначала выбирала тех, кто помоложе. — Джейд встаёт со стула. — Поппи связалась со мной в тот день, когда я поступила в университет. Она сказала, что они сформировали элитную группу женщин, и все эти женщины были девушками, которых я спасала на протяжении многих лет. — Она смотрит на меня через плечо. — С помощью — некоторых богатых придурков они смогли сделать гораздо больше для выживших. — У меня в голове все путается. *Anonymous?* Она снова поворачивается к Кайлу. — Я согласилась продолжить, когда узнала об этом. Играть в твою игру, пока не придёт подходящее время. — Она подходит ближе и останавливается. — Но потом появился Ройс, и ты украл меня.

— Ты знала, что твоя мама жива? — говорю я, стиснув зубы. — Пытаюсь не злиться на тебя прямо сейчас, детка, но ты делаешь это чертовски сложно.

— Прости, — шепчет она, глядя на меня через плечо. — Я понимаю, что вам всем нужно свести счёты с Кайлом. — Она поворачивается ко всем нам лицом. — Отвратительно, что он сделал с тобой, со мной и с Поппи. — Она подходит к Оливии. — Моя мама, которая пережила самое худшее, а затем была вынуждена ещё инсценировать собственную смерть, позволив своей дочери убить самого опасного человека в истории. Я понимаю, почему она не сказала мне, что Лайон-мой отец. Это отвлекло бы меня. — Джейд складывает руки перед собой, и я наблюдаю, как ее губы дрожат. — Я понимаю боль, которую он причинил. Вы все хотите отомстить. Но женщины, которые стоят за моей спиной, и многие другие, которые есть, — лишь верхушка этого айсберга. Мы можем убрать дилера с улиц, но это не избавит нас от наркотиков. — Она подходит ближе ко мне, и я рычу на неё. Я уже знаю, о чем она собирается меня попросить.

— Ройс. — Один только ее голос имеет прямое отношение к каждой гребаной эмоции, которая живёт во мне. — Мы позволим им забрать его. Айзеку нужно, чтобы он сбил покупателей. Их было много, Рой. У Кайла есть связи с крупнейшими преступными группировками не только в Америке, но и во всем мире. Мы обязаны сделать это ради тех, у кого украли невинность, чтобы сделать что-то лучшее, чем просто убийство.

Я качаю головой.

— Не могу, детка. Я не могу позволить ему уйти отсюда, если только это не его кожа на моей спине.

Ее рука касается моей щеки, прежде чем ее пальцы скользят к задней части моей шеи, притягивая меня к себе.

— Ты можешь, — шепчет она. — Я просто прошу *пока не* делать этого. Пусть они получают то, что им нужно. Я обещаю тебе, обещаю тебе, Айзек проведёт тебя внутрь. Просто... — она вздыхает, и слезы катятся по ее щекам. — Пусть это будет нечто большее, чем месть. Пусть это будет связано с переменами. — Вся ее боль выплёскивается из неё и омывает меня.

Я впитываю это, желая забрать это у неё, чертовски хорошо зная, что я собираюсь дать этой девушке все, что она, блядь, захочет.

— Один месяц.

— Шесть, — просто отвечает она, ее губы касаются моих.

— Четыре, — огрызаюсь я, прикусывая ее нижнюю губу.

Она целует меня.

— Девять.

— Хорошо. — Это был гребаный поцелуй смерти. — У них есть девять месяцев, потом он мой.

— Хорошо.

Как только слова слетают с ее губ, Айзек и федералы врываются в подводную лодку. Джейд зажата у меня под мышкой, а Оливия идёт в ногу с Лайном, напряженная и нервная. За считанные часы мир Лайона перевернулся с ног на голову. Все мы каким-то образом потеряли контроль над реальностью.

Джейд забирается на заднее сиденье внедорожника вместе с Поппи и Нечестивцем, когда я закрываю их внутри и направляюсь к Айзеку, который наблюдает за мной возле своей патрульной машины.

Я киваю головой.

— Как долго ты был под прикрытием?

Айзек качает головой.

— С тех пор, как она впервые вошла.

Я оборачиваюсь через плечо. Я не могу видеть Джейд через тонированное стекло, но знаю, что она внимательно наблюдает за нами.

— Семь месяцев, Айзек. Я сказал ей девять, но у тебя есть семь месяцев.

Когда я поворачиваюсь к нему лицом, его глаза слабы.

— У меня уже достаточно информации о большинстве его клиентов, так что мне понадобится только семь.

— Это проблема подпольной торговли людьми. Она чертовски увлечена этим.

Айзек засовывает руки в карманы.

— С этой девушкой, Ройс, с этой девушкой случилось худшее из худшего. Я бы не беспокоился о ней. Она сильная. Каким-то образом построила стену, чтобы отгородиться от жизни, которую она вела с Кайлом, и от своей юной школьной жизни. Но веди себя с ней осторожно. Было несколько раз, когда я чуть не бросил полотенце, чтобы спасти ее от Кайла, но я этого не сделал. Я не мог.

Одной мысли о том, что Джейд может попасть в какую-нибудь беду, достаточно, чтобы я разозлился.

— Она сказала, что некоторые из них были детьми.

Айзек откидывается на свою патрульную машину, скрещивая ноги в лодыжках.

— Не часто. Те, кого пропустили, были от своих родителей за долги, деньги. Дети, о которых она упомянула, не были проданы для секса или рабства. Это было для торговли усыновлением. Там много богатых людей, которые не могут иметь детей и у которых слишком много денег, чтобы стоять в очереди. — Его рука на моем плече, сжимается. — Через семь месяцев ты получишь от меня сообщение. Следуйте инструкциям, и вы получите свое желание. А пока. — Он перевёл взгляд на фургон, и я последовал за ним, все та же вина съедала мой желудок. — Будь рядом со своей девушкой и своей мамой, чувак. Им это понадобится. — Он поворачивается, чтобы уйти, и как раз в тот момент, когда я возвращаюсь к фургону, я останавливаюсь в своих шагах.

— Айзек? — окликаю я, оборачиваясь.

Он смотрит меня.

— Да?

— Чаевые, которые ты получил?

Я наблюдаю, как на его губах действительно появляется улыбка.

— Ну, давайте просто скажем, что это было *Анонимно*.

Черт возьми. Мысли скручиваются в узлы по поводу того, как я собираюсь смириться не только со всем, что произошло, но и с одной вещью, с которой, я думаю, я недостаточно силен, чтобы справиться.

Чувство вины.

Джейд — единственный человек на этой земле, ради которого я бы прямо убил, умер, согнулся, сломался, сделал все, что угодно. Она держала меня у своих ног, готовая делать все, что захочет, но что, если она хочет отпустить меня?

Jade

Я помню, как я впервые в жизни почувствовала страх. Это было, когда я увидела, как Ройс упал со своего скейтборда и ободрал колени так сильно, что можно было разглядеть кости. Я плакала целыми днями, потому что думала, что он умрёт.

Мы возвращаемся в здание клуба час спустя, реалистичность всего, окружает внедорожник, как тяжёлое облако. Никто не сказал друг другу ни слова, и Ройс даже не вздрогнул рядом со мной. Тот же страх, который я испытывала в детстве, я чувствую и сейчас.

Пожалуйста, не оставляй меня.

Нечестивец выключает машину, и мы все вываливаемся, мои колени слабеют, а глаза слипаются от усталости. Мой телефон начинает звонить в кармане, и я достаю его, видя имя Слоун на экране.

Я провожу по нему пальцем, чтобы ответить.

— Привет.

— О боже мой! Я только что видела новости.

Я сплываю нервы. А вот и следующая часть, которую нам придётся пережить. Какой стыд. Какая жалость.

— О боже, интересно, что он с ней сделал! — Хотя все это для меня ничего не значит.

— Я знаю, — это все, что мне удаётся сказать, в горле пересохло, а губы потрескались. Моя кожа чешется от желания умыться, мои глаза отчаянно хотят спать.

— Ты в порядке? — спрашивает она, и я люблю ее за это. Простота нашей со Слоун дружбы сыграла большую роль в моем выживании на протяжении многих лет. Она помогала мне держаться на ногах, помогала обеспечивать мне нормальную жизнь, когда я не была с Кайлом.

— Я буду. Я позвоню тебе завтра, хорошо?

— Я люблю тебя, Джейд.

— Я тоже тебя люблю. — Мы обе кладем трубку, и я на мгновение задерживаюсь, чтобы по-настоящему рассмотреть повреждения здания клуба. Стрельба там, где стояла Бонни, кровь на земле от Кайла, которого тащили в заднюю часть дома, проволочные ворота спереди разлетелись в результате взрыва.

— Ройс, — перебивает Лайон, но я все ещё теряюсь в хаосе, что я не осознаю, какие слезы текут по моим щекам. — Отвези ее домой и приходи завтра.

Ройс рядом со мной, его рука в моей, когда он направляет меня к своей машине.

— Давай же.

Нечестивец кричит, когда я сажусь на пассажирское сиденье.

— Мы поймем попутку.

Забыв, что Нечестивец жил с Ройсом, я натягиваю ремень на грудь и прислоняюсь лбом к прохладному окну. Мои руки обхватывают мой торс, защищая, мои губы дрожат. Все кончено. Я не доверяю этим словам, хотя мои мышцы расслабляются при этой мысли. Я не

верю, что он не сбежит и не погонится за мной, бросив меня обратно в свой мир.

Двери машины закрываются за мной.

V8 грохочет под моим сиденьем.

Я закрываю глаза и вслепую тянусь к радио. Я хочу поговорить с Поппи, но прямо сейчас мне не нужно ничего, кроме музыки, чтобы заполнить пустоту в себе. Музыка — единственное, что достаточно мощно, чтобы заполнить пустоты в вашей душе. Музыка — это язык исцеления, поскольку в динамиках звучит песня Seether “Я выживу”.

Мы возвращаемся в хижину чуть меньше, чем через час. Пройти через деревянные двери было все равно, что впервые вернуться домой. Я скидываю туфли у двери и начинаю раздеваться, бросая одежду ещё до того, как попадаю в коридор, ведущий в спальню.

— А-а-а, — произносит Ройс откуда-то у меня за спиной. — Я понимаю, что Нечестивец видел тебя во всех отношениях, но нам все равно понадобятся границы.

Я игнорирую его, направляюсь прямо в его спальню и падаю на его кровать. Я знаю, что мне нужно принять душ. Я пахну смертью. Но, прежде чем я успеваю побороть себя, чтобы встать, мои глаза уже закрываются, и темнота овладевает мной.

Мой телефон показывает 3:04 утра. Свесив ноги с кровати, стараясь не разбудить спящего Ройса, я иду в ванную и включаю душ. Вся стена стеклянная, с видом на океан, а посреди комнаты стоит ванна на когтистых лапах. Позади есть тропический душ без стен и занавесок, раковина в ванной плавает, привинченная к стене. Я должна написать Индии и дать ей информацию об убранстве его дома. Ее маленькие прикосновения заставляли его чувствовать себя как дома.

Швырнув одежду в угол, я захожу в душ и вздыхаю, когда горячая вода стекает по моей коже. Вода у моих ног медленно становится коричневой по мере того, как день смывается с меня. Выдавливая мыло и втирая его в кожу, я смываю его, прежде чем заняться волосами, благодарная, что у Ройса действительно есть приличный шампунь и кондиционер. Красавчик.

Руки по обе стороны моей головы, прижимают меня к стене, как раз в тот момент, когда я смываю остатки кондиционера с волос. Его губы касаются кожи там, где моя шея встречается с рукой.

— Я чертовски зол на тебя прямо сейчас, герцогиня.

— То же самое, — бормочу я, небрежно перебрасывая волосы через плечо.

Его рука на моей нижней части живота, прижимает мою задницу к нему, его член прижимается к моей спине. Он наматывает мои волосы на кулак и дёргает мою голову в сторону.

— Да? — рычит он, кусая меня за шею. Его губы приближаются к мочке моего уха. — Покажи мне.

Он разворачивает меня и прижимает к стене, его рука на моем горле. Я облизываю губы, глядя на него из-под ресниц.

— Плюнь мне в лицо.

Уголок его рта приподнимается в ухмылке.

— Мне было интересно, когда ты потребуешь этого. — Он наклоняется, оближивает меня от челюсти до щеки. Он поднимает меня с моей задницы и опускает на свой член. Я стону, мои ногти впиваются в его плечи, когда его другая рука обнимает меня за шею и крепко сжимает. Он вдыхает и выдыхает, пока звук нашего траха не наполняет воздух. Его

рот на моем, наши языки переплелись. Моя спина царапается о стену, когда его пальцы впиваются в мою кожу. Он опускает мои ноги обратно на землю, его рука все ещё крепко сжимает моё горло, когда он опускает меня на колени. Его язык изгибается, ухмылка на его губах, когда он плюёт мне в лицо, в то время, когда я тянусь к его члену. Прерывая мои мысли, он толкает меня до упора на землю и забирается на меня сверху, проскальзывая между моих бёдер.

Он жёстко двигается на моем теле, мои ноги сжимаются вокруг его талии. Его пальцы поднимаются к моему подбородку, крепко сжимая мои щеки, когда его член касается каждого нерва внутри меня. Он снова плюёт мне в лицо, и я разваливаюсь на части, мой оргазм разрывает моё тело дикими толчками.

Он продолжает, замедляя темп. Работая своим телом до такой степени, что я думала, что не смогу идти дальше. Я чувствую, как становлюсь сильнее, когда его рука касается моей щеки, и он нежно шлёпает меня по щеке.

— Не кончай, блядь, пока я не скажу. Я дал тебе это.

Он наклоняется и хватает мою нижнюю губу зубами, поднимая мою ногу, чтобы она согнулась прямо у него на груди, в то же время широко прижимая мою другую. Держа меня обеими руками, он обхватывает моё тело и прижимает меня к своему члену.

Я кричу, порог удовольствия и боли, черт возьми, почти переполнен. Его рот на моей ноге, его зубы впиваются в мою плоть, проливая кровь, когда он продолжает безжалостно двигать моё тело на своём. Такой сильный. Так хорошо. Его руки на моих бёдрах, впиваются в них и переворачивают меня на живот, когда вода стекает вниз. Он поднимает меня на колени и сильно шлёпает по заднице.

— Больше никакой лжи, герцогиня...

Болезненный крик вырывается из меня.

— Хорошо!

Он снова даёт мне пощёчину.

— Что? — Я слышу смешок, который он скрывает в своём тоне.

Он качает меня несколько раз, и я сжимаюсь вокруг его толщины. Он вырывается и дёргает меня назад, пока я не сажусь на него задом наперёд, одной рукой держась за горло. Я жёстко скачу на нем, так близко к тому, чтобы поймать разрядку, в которой нуждается моё тело. Он снова сжимает меня, разворачивает и ложится на меня сверху, его рука снова на моем подбородке, а его тело прижимается ко мне. Мой клитор набухает, все внутри меня грозит взорваться.

— Шлёпни меня. — Мои ногти впиваются в его спину, царапая покрытые татуировками ребра.

Он хихикает так тихо, что у меня вибрирует шея, когда он поднимает голову, его глаза встречаются с моими. Его рука скользит по моей щеке, как раз в тот момент, когда он грубо погружается в меня, другая его рука на моей щеке, чтобы поддержать его.

— Сильнее, — умоляю я, мои ноги сжимаются вокруг его талии.

— Трахни меня, Джейд. — Он знает, как мне это нравится и как мне это нужно. *Он знает.*

Я кричу ему, так близко и близко, что до освобождения остаётся несколько секунд.

— Ройс! — Я кричу. — Пожалуйста.

Его рука касается моего подбородка, его пальцы сжимаются, когда он замедляет свой темп, двигаясь на мне жёстко и медленно. Его тазовая кость трётся о мой клитор, когда из

меня вырывается тихое рычание.

— Ройс.

— Заткнись нахуй, герцогиня! — рывкает он на меня, его пальцы сжимаются вокруг моих щёк. — Посмотри на меня.

Мне просто нужно, чтобы он дал мне пощёчину. Чтобы причинить мне боль.

Он дёргает меня за лицо.

— Посмотри на меня прямо сейчас, блядь.

Я делаю это, медленно мои глаза останавливаются на нем, и мой желудок переворачивается, моё сердце набухает. Переполненные эмоциями, слезы щиплют мои глаза. Он продолжает качаться внутри меня. Не нежно, но медленно.

— Ройс, я становлюсь эмоциональной, если не могу кончить.

Он улыбается, сверкая белыми зубами.

— Тебе не нужно это дерьмо со мной. Ты слышишь?

— Я знаю, что не нужно! Мне просто это нравится.

Он качает головой, опускаясь на локоть, так что теперь он прямо на мне, его губы на моих.

— Я, блядь, больше этого не сделаю. — Он кусает меня за щеку так сильно, что я знаю, что на ней будет синяк. — Я сделаю другое дерьмо, но я больше не буду бить тебя. Если только это не по твоей заднице. Договорились?

Моя рука обвивается вокруг его шеи.

— Договорились.

Он переворачивается, вжимаясь в меня, его губы на моих, его язык у меня в горле. Он щелкает моим языком, покусывает мою губу, но никогда не прерывает контакт.

— Отпусти, детка.

Я делаю это, когда он опустошает себя внутри меня через резкие импульсы.

Он падает рядом со мной, когда мы переводим дыхание.

— Господи...

— Я действительно думаю, что однажды мы можем убить друг друга в постели, и я не шучу. — Он хихикает, вставая.

— Скорее всего. — Я медленно ползу вверх, снова погружаюсь под воду и быстро умываюсь, прежде чем выключить кран.

— Герцогиня. — Его слова останавливают меня, как только я тянусь за полотенцем и оборачиваю его вокруг своего тела. Я смотрю на него в зеркало, когда он впивается в меня взглядом.

— Нам действительно нужно поговорить.

— Я знаю. — Я выжимаю лишнюю воду из своих волос, скручиваю их в пучок и прикрепляю к голове. — Хотя я голодна.

После того, как он схватил несколько закусок, я натянула его футболку Wolf Pack MC, в то время как он остался частично обнажённым. Лежа поверх его одеял, раннее утреннее солнце окрашивает небо в мягкий оранжевый оттенок позади меня. Приятно чувствовать тепло солнца на своей спине после всего, что произошло.

Он протягивает руку и проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Мне жаль, что меня там не было. Прости, что я ушёл. В то время я думал, что делаю это, чтобы спасти тебя, но в итоге причинил тебе боль.

— Ройс, это не твоя вина. — Я вздыхаю, пробегаю кончиками пальцев по волосам и

кладу голову на ладонь. — Я могла бы сказать тебе, когда ты вернулся домой. Я думаю, мы оба делали то, что считали правильным для другого человека.

Ройс улыбается.

— Да. Я догадываюсь. — Его большой палец проскальзывает между моих губ, и я бы закатила глаза от сексуального контекста этого, если бы знала, что это его не возбудит. — Я должен спросить тебя кое о чем, и мне нужно, чтобы ты была честна со мной.

Я киваю.

— Ты думаешь сбежать от меня в ближайшее время?

Я качаю головой, кусая его за большой палец.

— Хорошо.

— Почему? — спрашиваю я, как только он вынимает большой палец.

Он пожимает плечами.

— Не испытывай желание гоняться, я буду преследовать тебя, если ты побежишь.

Я тянусь за пачкой картофельных чипсов, которая лежит рядом с ним, открываю ее и жую.

— Я надеюсь, что они найдут всех его клиентов.

— Они найдут, — говорит Ройс, глядя в потолок. Он смотрит в сторону, его глаза возвращаются к моим. — Ты знаешь, сколько жизней людей ты изменила, делая то, что сделала?

Посасывая соль с большого пальца, я грустно улыбаюсь.

— Жаль, что я не могла сохранить больше.

Он притягивает меня к своей груди, прижимаясь губами к моей голове.

— Ты знаешь, что собираешься делать с колледжем?

— Да, — говорю я, бросая пакет с чипсами на пол. — Я собираюсь получить медицинскую степень для Бонни.

— Мммм, — говорит Ройс, притягивая меня ещё крепче в свои объятия. Как брат, он оберегал меня, но как любовник, он сохраняет меня в здравом уме.

— Ройс?

— Да? — шепчет он мне в волосы.

— Кто мы такие? — Это вопрос, о котором я должна был думать гораздо чаще, чем раньше.

Тишина. Его плечи дрожат, и только когда я слегка отстраняюсь от него и смотрю на него снизу вверх, я понимаю, что он смеётся.

— Что смешного! — Я пихаю его.

— О, ничего, — небрежно говорит он. — Просто забавно, что ты думаешь, что у тебя когда-нибудь будет жизнь вне меня.

— Это бесполезно, Ройс... — Я ворчу.

Его рука проскальзывает между нашими телами, его палец зацепляется за мой подбородок, чтобы поднять моё лицо к своему.

— Ты моя, герцогиня. Всеми гребаными способами, которые только возможны для женщины, чтобы принадлежать мужчине. Ты моя.

— Как, подруга, или как, пожилая леди, или невеста?

Его глаза закрываются, когда он пытается сдержать смех.

Я снова пихаю его.

— Заткнись, Рой! Твой мир странный.

Его голос хриплый от смеха, его твёрдая грудь прижимается к моей.
— Джейд. — Он целует меня. — Все вышеперечисленное.
Мои внутренности тают.

Роусе

Я мог бы сказать, что никогда не думал, что Джейд будет сидеть у меня на коленях, вся завёрнутая в меня, но я бы солгал. Она и я, это было неизбежно. Должно было случиться, это был просто вопрос того, когда время совпало с судьбой.

Джейд наклоняется вперёд, кладёт карты на стол и собирает все деньги Лайона.

— Я должна была упомянуть, что я была хороша в этом...

— Ты получила это от меня, — говорит Лайон с гордой улыбкой на лице. Прошло две недели с тех пор, как Кайла посадили, и мне чертовски не терпится до него добраться. Я придумал тысячу разных способов, как я могу убить его, и я знаю, как я собираюсь это сделать. *Я, блядь, знаю.* Моя мама занята ремонтом нашего семейного дома, чтобы не думать о том, что мой папа оказался тем, кем он был. Завтра мы с Джейд поедem к ней, чтобы немного побыть с ней. Составим ей компанию. Она много пила и боролась с чувством вины по поводу Джейд, и я думаю, что это могло бы дать ей какое-то завершение, если бы они с Джейд сели поговорить.

Видеть Лайона с Оливией поначалу было странно, вскоре после того, как Бонни умерла. Но если он чувствует хотя бы половину того, что я чувствую к Джейд, тогда я понимаю это. Я это понимаю. Бонни была важна для него и клуба, но Оливия — его Джейд и, кроме того, Джейд узнает своих маму и папу. Вместе. После всего, через что она прошла, она этого заслуживает. Кое-что было неясно о том, как Джейд появилась в нашем доме, пока Олли не прояснила это. Олли должна была сохранить свою историю смерти, чтобы они могли позволить плану осуществиться. Я также полагаю, что Олли — главная среди Anonymus. Она не призналась в этом и, вероятно, никогда не признается, но то, через что она прошла, и то, как уверенно она себя ведёт, напоминает мне о ком-то, кто возглавляет армию, а не о потерянной женщине, сломленной изнутри. Я бы никогда не сказал об этом Лайону, но Джейд, очевидно, черпает свою силу и сердце от своей мамы. Она следила за нами в течение многих лет, присматривая за Джейд. Когда она родила ее, Кайл мгновенно приказал ее "убить". Он потерпел неудачу, потому что Айзек помог ей сбежать. У меня такое чувство, что ее история тёмная, с годами, не учтёнными до того, как она объединила усилия с Поппи и остальными девушками, которых Джейд освободила.

Говоря о Поппи, Нечестивец не выпускал ее из виду. Вообще. Ублюдок чертовски заботится о ней. То, что она привлекательна, не помогает, а если ты поставишь кого-то вроде Поппи рядом с такими мужчинами, как Джипси, у тебя возникнут проблемы, несмотря на то что Сильвер и он трахались за спиной Фьюри. Они могут обмануть Фьюри но я вижу это по их самодовольным маленьким лицам.

Джейд наклоняется вперёд и ерошит волосы Лайона.

— Мы можем поработать над тем, чтобы ты стал лучше.

Лайон пристально смотрит на Оливию, качая головой.

— Она такая же умница, как и ты.

Оливия смеётся.

— О, я в этом уверена.

Jade

Сегодня — день, когда мы хороним Бонни Джеймс. Моё сердце обмякло, а моя боль невыносима. Бонни была первой женщиной, которая заставила меня почувствовать, что я принадлежу этому месту. Я просматриваю несколько сообщений, которые она прислала мне, пока была жива, и не могу перестать думать о том, как хрупка жизнь. Мы никогда не знаем, когда конец близок, мы просто должны каждый день жить в забвении и ждать, когда судьба появится на нашем пороге с букетом цветов, висящим над ее косой.

После того, как я забралась на байк Ройса, я целую его в шею сзади, мои руки на его животе. Все мотоциклы режут вместе, громко пульсируя по пустой улице, когда он трогается с места, и мы начинаем наше совместное путешествие для последней поездки, прежде чем похоронить ее за зданием клуба. Олли с Лайоном, они едут прямо перед нами, а Нечестивец немного справа от нас с Ройсом, а Джипси по другую сторону от Нечестивого. Я пришла к выводу, что то, как они ездят верхом, определяет их положение в клубе. Клуб, который стал для меня большей семьёй, чем я когда-либо могла себе представить.

Ветер овеивает мою кожу, мои волосы развеваются позади моего тела, когда Ройс мчит нас вперёд, следуя за катафалком по главной магистрали, которая ведёт в старый район Бонни.

Ройсе

— Ройс, я в порядке, — говорит мама, похлопывая меня по плечу. Она рассеянно смотрит на заднюю лужайку, пока ее новая маленькая комнатная собачка бежит кругами по баскетбольной площадке. Орсон, Шторм, Слоун и их жены Шторма и Орсона здесь, с Индией, женой Орсона, беременной их вторым ребёнком. Мы с Джейд приехали к маме пару дней назад, когда Орсон и Шторм объявили, что приедут. Естественно, это означало, что Слоун тоже должна была быть здесь. С мамой не все в порядке. Она ведёт тяжёлую борьбу и склонна реагировать только на Джейд. Я понял. Джейд была ребёнком, который всегда был здесь, или, может быть, мама думает, что она ей чем-то обязана. Никто не мог знать, насколько мрачным был Кайл Кейн. Никто. Он хорошо это скрывал. Они все так делают. Люди ожидают, что монстры будут приходить в кошмарах, забывая при этом защищать свои сны.

— Отдай это дяде Рою! — Маленький мальчик Орсона, Тимми, начинает перебрасывать мяч ко мне, обгоняя Индию, Слоун, Джейд и подружку Шторма, Лайзу. Она могла бы быть большим ботаником, чем Шторм.

Я подхватываю маленького человечка на руки и сажаю его себе на колени, улыбаясь Орсону и Шторму, когда мама выходит, чтобы разложить крекеры и напитки на обеденном столе на открытом воздухе.

— Кто твой любимый дядя?

Тимми смотрит на своего отца, снова на меня, а затем на Шторма. Он возвращается ко мне и показывает пальцем. Я ухмыляюсь, указывая на себя.

— Я?

Он издаёт свой заразительный смешок, его маленькая головка откидывается назад, чтобы рассмеяться. Я щечочу ему животик, прежде чем поставить его на ноги, где он убегает играть с маминной маленькой крысоподобной собачкой.

— Ты хорошо ладишь с детьми, Рой, — поддразнивает Слоун, и я поворачиваюсь ко всем им, где Джейд тупо смотрит на меня.

— Заткнись, Слоун.

— Всегда к вашим услугам, — нахально говорит она, засовывая в рот морковную палочку и надвигая очки на глаза. Осторожно следи, в кого ты влюбляешься, у каждой девушки есть сумасшедшая лучшая подруга. Она-сумасшедшая лучшая подруга.

— Иди сюда, — говорю я Джейд, которая шаркает вокруг стола и садится мне на колени. У неё такой же отсутствующий взгляд, как и тогда, когда она смотрела на меня с Тимми. Я обхватываю ее ноги своими и подношу губы к ее уху, чтобы только она могла меня слышать.

— Ты беременна?

Девять Месяцев Спусти

Сегодня хороший день, чтобы умереть, если тебя зовут Кайл Кейн. Айзек прошел семимесячный рубеж и сказал мне, что ему нужно больше времени для доставки Кайла. Им удалось уничтожить два других крупных кольца по всему миру, и теперь они создали силы, специально предназначенные для борьбы с торговлей людьми. Люди думают, что это происходит только в странах третьего мира, но это не так.

Спускаясь по ступенькам в подвал "Очарования", я поворачиваю шею вбок, пока все крошечные косточки в ней не хрустят.

Нечестивец позади меня, а Лайон совсем рядом. Это мы. Мы и Кайл Кейн.

Мы все входим в комнату, и я снимаю свою жилетку, кладя ее на стойку, которая находится на другой стороне комнаты. Закрываю глаза и считаю до десяти.

Я нахожу Лайона и Нечестивца.

— Готовы?

Нечестивец кивает головой.

Лайон ухмыляется.

Нечестивец подходит ближе к Кайлу, он привязан и сидит на единственном стуле посреди комнаты. Крики Кайла пронзают комнату, когда Нечестивец движется вперед. Я нажал на звуковую панель, которая находится на стойке, подключившись к Bluetooth моего телефона и включив звук так громко, что сердитый металл "Walk with Me in Hell" Lamb of God электризует энергию в комнате. Откинувшись на прилавок, я наблюдаю, как Нечестивец творит свою магию. Искусство, с помощью которого он убивает, не для слабонервных, но он не убивает Кайла. Он просто создаёт последние моменты Кайл пережил на этой земле самые мучительные минуты, которые он когда-либо испытывал. Мы остановились на попытках Нечестивца, гнев Лайона и моей подписи. Адреналин пульсирует в моих венах, когда я остаюсь неподвижным на другой стороне комнаты, Нечестивец берет винт из ящика с инструментами рядом с Кайлом и выносит его вперед. Он достаёт молоток и вбивает ногу Кайла в землю. Вены на шее Кайла сердито вздуваются, его плоть становится ярко-красной. Нечестивый не останавливается. Он продолжает двигаться вокруг Кайла, вбивая гвозди во все стороны его тела. Это личное для Нечестивца. Это личное для всех нас.

Я нажимаю повтор песни, когда он заканчивает, удаляя каждый из зубов Кайла, кровь выливается ему на рот. У него строгий приказ не убивать Кайла, это моя вина, поэтому ему пришлось обойти смерть, заставить смерть почувствовать себя финалом. Кайлу не так повезло.

Лайон делает следующий шаг вперед, как только Нечестивец отступает, его глаза пусты, а зубы оскалены.

Я ухмыляюсь, достаю из кармана сигарету и прикуриваю кончик. Лайон не валяет дурака, и волнение наполняет меня, когда я чувствую, как близок к тому, чтобы, наконец, получить то, что я хочу.

То, о чем я мечтал.

Позиция Лайона проста. Его нож проходит между ног Кайла, грубо разрезая и отрезая его яйца и член начисто. Из меня вырывается хохот за кричащей музыкой, моя голова откидывается назад. *О, сладкая гребаная победа.* Голова Кайла теперь наклонена, боль явно невыносима. Я отталкиваюсь от стойки и делаю шаги, которые мне нужны, чтобы добраться до него.

Вытащив нож из-за пояса джинсов, я обматываю вокруг него пальцы, приближаясь к лицу Кайла, сигарета свисает у меня изо рта. Его глаза мягко приоткрываются, по краям

сочится кровь. Я буду последним, кого он увидит перед смертью. Я. Поднося свой нож ниже нижней части его уха, я медленно провожу лезвием вниз по его плоти и наблюдаю, как она раскалывается, кровь вытекает из раны. Продолжая невозмутимо спускаться, я вынимаю сигарету изо рта одной рукой, одновременно проводя кончиком лезвия по всей половине его тела. По середине ладони, под мышками, по рёбрам, вниз по ногам и продолжаю весь путь вниз вокруг верхней части ступней и вверх по внутренней поверхности бедра. Как только я достигаю того места, где Лайон отрезал его член, я опускаю лезвие над его сырой раной на другое бедро, вниз и повторяю тот же рисунок, что и с другой стороны, пока не оказываюсь рядом с его ухом. Кровь и жидкость вытекают из него, но его глаза все ещё смотрят на меня, его рот открыт, и из него капает кровь. Он едва жив, и, возможно, при любых других обстоятельствах он был бы мёртв. Обстоятельства, которые не предполагали бы, что Нечестивец использует какую-то акупунктуру, чтобы сохранить ему жизнь как можно дольше.

Я не останавливаюсь, наконец-то проводя лезвием по тонкой коже его головы, на другую сторону, к моей отправной точке. Как только порез соединяется, я роняю нож, засовываю сигарету в рот и провожу пальцами под кожей его головы. Вещество просачивается между моими пальцами, когда я медленно снимаю плоть с его тела. Труднее всего приходится лицу, отделяющему такую тонкую кожу от мышц и жировой ткани. Грубо срывая, я отрываю плоть от его тела ровно за пять минут, моя сигарета падает на окровавленную землю, где его кожа теперь лежит вместе с остальными органами и жидкостью в луже у его ног.

Нечестивец наконец выключает музыку, и именно тогда я слышу глубокие вдохи, которые я вдыхаю и выдыхаю.

— Господи, — бормочет Лайон. — Видеть, как ты это делаешь, — это то, к чему я никогда не привыкну.

Я поворачиваюсь лицом к ним двоим, мои губы скривлены, а мозг в бешенстве. Адреналин, который пульсирует во мне после разрыва, вызывает привыкание. Хотел бы я сказать, что стараюсь не ходить туда, когда убиваю, но дай мне шанс, и я им воспользуюсь.

— Мы пошлём команду по очистке, — говорит Лайон, протягивая руку и прижимая палец к пылающей красной мышце на бедре Кайла. Он морщит лицо. — Ты больной ублюдок. Ты ведь знаешь это, верно?

Я ухмыляюсь, проводя языком по губам и глотая упавшую на них кровь.

— Можно было бы сказать, что он Псих.

Мой телефон вибрирует в кармане джинсов, и я выуживаю его.

— Привет, детка.

— Рой, — выдыхает она в трубку. — У меня схватки.

Jade

Год спустя

Солнце садится вдалеке, ныряя за одну из многих гор, которые находятся на краю океана в том месте, где сейчас находится наша хижина. Наши семьи и близкие друзья собрались на ужин. Мясо жарится на гриле на барбекю вдалеке, в то время как люди разбросаны по всему помещению, пьют и болтают. Ройс держит нашу принцессу на коленях у костра, его глаза смотрят на меня, когда она счастливо цепляется за его указательный палец. Моё сердце наполняется теплом, когда я вижу их вместе. Я никогда к этому не привыкну. В ту ночь, когда у меня начались схватки, я была в клубе, помогая маме и Каре готовить еду для пира, который происходил. Ещё одна глава была в городе, так что, естественно, они ночевали в клубе. Мои воды отошли прямо там, на кухне. Мой врач сказал, что у меня будет достаточно времени, чтобы добраться до больницы, так что мне не нужно беспокоиться.

Она ошибалась.

Я родила Вулф Джейд Кейн ровно через десять минут после того, как у меня отошли воды. У нас не было времени выйти из дома до того, как я родила ее на земле Волчьей Стаи. Ее папа гордился ею, а дедушка-ещё больше.

Ройс целует макушку ее светлых волос, ее зелёные глаза смотрят на меня с другого конца стола.

— Знаешь, у вас обоих с ней так много проблем, — говорит Слоун, сидя на одном из стульев рядом со мной, пока Орсон и Шторм готовят лодку, надевая вейкборды и спасательные жилеты.

— О, я знаю, — говорю я, улыбаясь. — Но посмотри, как сильно она обвела своего папочку вокруг пальца.

— Ммммм, — шутит Слоун. — Не только твой папочка. Теперь ты должна поделиться им.

Я закатываю глаза в ответ на ее неубедительную шутку, как раз когда Ройс подходит, передавая Вулф Слоун.

— Ты хочешь выйти на доску?

Я качаю головой.

— Я в порядке. — Я не выходила на воду с тех пор, как родила Вулф. Я ни за что не выйду сегодня вечером, после нескольких кружек пива.

— Ты уверена? — Он наклоняется, его руки выпирают, когда он сжимает бок моего стула. — Ты всегда мечтала прокатиться на моей доске.

Я пихаю его.

— Иди поиграй. Я останусь здесь.

— Хорошо, детка. — Он целует меня в голову, а потом дарит ещё один поцелуй Вулф и исчезает в доках.

— Вы двое такие милые, что это тревожит, но, как ни странно, приносит удовлетворение, — говорит Слоун, поднимая ноги, чтобы отдохнуть на бревне, как раз в тот момент, когда Кара, Карли, Сильвер, Поппи и мои мама и папа подходят.

— Я думаю, что это должно было случиться. — Индия толкает меня в плечо, игривый тон в ее голосе очевиден, когда она садится рядом со мной.

Я хихикаю, откинув голову назад, наблюдая, как все братья разбегаются повсюду, выпивая и поедая еду, которую мы готовили весь день. Это моя семья и то, как она ощущается.

— О чем ты думаешь, малышка? — спрашивает папа, забирая свою гордость и радость у Слоун.

Я вздыхаю.

— Просто жизнь не могла бы стать намного лучше, чем сейчас.

Поппи опускается на стул напротив меня, а Нечестивец парит недалеко позади неё. Этот человек совсем как Ройс, когда дело касается Поппи. Я усмехаюсь про себя, думая о том, как явно влюблён в неё Джипси. В его снах. Когда Нечестивец подходит к ней ближе, Билли следует за ним.

Мы с Поппи много разговаривали с тех пор, как все произошло. Она заполнила мои пустые места и предложила мне должность в Anonymous. Мальчики не знают, что она в Anonymous. Я думаю, они что-то подозревают, но не могут этого доказать. Мама ведёт эту группу женщин, как свирепая королева. Теперь они также тесно сотрудничают с Айзеком, используя Шторма и Слива, когда им нужно что-то отслеживать, кодировать или стирать.

— Ну, теперь это твоя жизнь, принцесса. Возьми это, — объявляет папа с ухмылкой на губах. Я улыбаюсь ему и всем, кто здесь находится.

Он прав.

Я возьму это.

— Детка! — кричит Ройс у меня за спиной.

Я оборачиваюсь, широко раскрыв глаза.

— Что?

Он бросает в меня баскетбольный мяч, и я ловлю его с глухим стуком, когда он большими шагами направляется ко мне. Мои пальцы сжимают комок, приклеенный скотчем к мячу. Я замираю, мой желудок падает на землю, когда я вижу кольцо с бриллиантом из белого золота, которое блестит на фоне ярко-оранжевого солнца.

— Ро...

— Шшш. — Его палец у моего рта, на нем ухмылка. — Прекрати, блядь, болтать на секунду.

— Хорошо, — шепчу я, моё горло пульсирует от эмоций.

Он опускается на одно колено, самоуверенная ухмылка на его губах, когда его глаза смотрят на меня снизу вверх.

— Джейд Оливия Кейн, я не могу дождаться, когда смогу трахнуть тебя, любить тебя и *есть* тебя до конца нашей жизни. Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — говорю я сквозь сдавленные слезы, мои руки касаются его щёк.

— О, да ладно тебе. Неужели? — говорит папа. — Маленький засранец.

Мы все начинаем смеяться, когда Ройс поднимает меня с ног и перекидывает через плечо.

Если бы мне пришлось снова пройти через ад только для того, чтобы мой мужчина

наконец оказался подо мной, я бы сделала это сто раз. Сто. Ройс был моей семьёй раньше, чем кто-либо другой. Он и мама пригласили меня в свои сердца и заставили меня почувствовать себя недостающей частью их семьи. Иногда дело не в крови.

Речь идёт о том, кто все ещё стоит рядом с тобой после того, как увидел тебя в самом худшем состоянии.

Я буду любить этого человека всю оставшуюся жизнь, и когда мы оба, наконец, умрём, наши души будут продолжать находить друг друга, где бы мы ни оказались.

Потому что ты не можешь шутить с судьбой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net